

Ссылка на материал: <https://ficbook.net/readfic/4929099>

Вторая жизнь.

Направленность: Смешанная

Автор: [Ishi Takara \(https://ficbook.net/authors/956750\)](https://ficbook.net/authors/956750)

Фэндом: Роулинг Джоан «Гарри Поттер»

Рейтинг: NC-17

Жанры: AU, Попаданцы

Предупреждения: **Нецензурная лексика**

Размер: планируется Макси, написано 195 страниц

Кол-во частей: 67

Статус: **в процессе**

Описание:

Очень-очень старая, богатая и властная женщина попадает в тело маленького Гарри Поттера. Рейтинг высокий поставила из-за мата и недетских рассуждений Гарри Поттера.

Публикация на других ресурсах:

Уточнять у автора/переводчика

ТОС

ТОС	2
Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	10
Глава 4	14
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	21
Глава 8	24
Глава 9	28
Глава 10	31
Глава 11	33
Глава 12	37
Глава 13	40
Глава 14	42
Глава 15	46
Глава 16	48
Глава 17	50
Глава 18	53
Глава 19	58
Глава 20	61
Глава 21	63
Глава 22	67
Глава 23	72
Глава 24	74
Глава 25	76
Глава 26	79
Глава 27	83
Глава 28	86
Глава 29	89
Глава 30	93
Глава 31	96
Глава 32	98
Глава 33	103
Глава 34	105
Глава 35	108

Глава 36	111
Глава 37	114
Глава 38	116
Глава 39	118
Глава 40	122
Глава 41	125
Глава 42	128
Глава 43	130
Глава 44	133
Глава 45	138
Глава 46	142
Глава 47	146
Глава 48	149
Глава 49	153
Глава 50	157
Глава 51	161
Глава 52	165
Глава 53	169
Глава 54	172
Глава 55	175
Глава 56	180
Глава 57	184
Глава 58	188
Глава 59	192
Глава 60	196
Глава 61	199
Глава 62	201
Глава 63	204
Глава 64	206
Глава 65	210
Глава 66	212
Глава 67	215

Глава 1

Она сидела на набережной и смотрела на море.

Старая, очень старая женщина. Неожиданно сильно сдавило грудь, словно плита навалилась. Старушка, задыхаясь, начала хватать ртом воздух, а его не было, потемнело в глазах, она попыталась закричать, позвать на помощь и... проснулась вся мокрая от холодного, проступившего на теле пота, и распахнула глаза.

«А умирать совсем не страшно...» — первая мысль.

«Где я? Кто я теперь?» — вторая.

Вокруг было темно, она лежала на чем-то мягком под тонким одеялом. Пошарила рукой вокруг себя, вляпалась ладонью во что-то похожее на паутину, брезгливо стряхнула ее с пальцев. Наконец, нащупала выключатель. Свет ослепил, она прищурилась, поморгала, все вокруг казалось нечетким, как на картинах экспрессионистов.

«Блядь, тело досталось с дефектом» — у старушки до самой смерти зрение было единица.

Да, почившая и оказавшаяся неизвестно где Александра Владимировна не относилась к маргинальным элементам, но матом ругалась великолепно. Особенно, когда ее никто не слышал, то есть, про себя.

«Это очки»? — она посмотрела на круглое уродливое нечто, перемотанное скотчем.

Очки, даже солнцезащитные, она никогда не носила их, они сдавливали череп, противно чувствовались на ушах и переносице, зато мир вокруг принял резкие очертания.

Александра Владимировна огляделась, она находилась в какой-то камерке под лестницей, куда умудрились втащить стол, стул, книжные полки и засунуть матрас.

«Какая щедрость, просто Гарри Поттер какой-то», — человеком она была язвительным и даже в шутку дотронулась до лба, на лбу нащупалась выпуклость, будто шрам.

«Да, ладно?» — сердце забило быстро-быстро, стало весело и страшно одновременно. Она осмотрела себя — тонкие ручки, тонкие ножки, член в штанах. Дернула себе за волосы — в пальцах оказался черный волос.

«Пиздец...» — Александра Владимировна присела обратно на матрас, одновременно с этим заметив бегущего по стенке паука, чей дом она разрушила.

Взяла тапок и прибила его, потом завернула в бумажку и решила, что пора выбираться из чулана, чтобы выкинуть трупик. Надо было делать что-то простое и понятное, чтобы не заистерить. Все же, позади остались любимые дочь и сын, внуки и правнуки, хорошая обеспеченная жизнь.

«Интересно, кто обнаружит на лавочке мое тело?» — бывшая старушка надеялась, что этот кто-то сильно не испугается.

«Зато, меня ждут приключения» — она толкнула невысокую дверцу и вышла в холл двухэтажного дома.

«Сколько мне лет»? — в помещении было темно, лишь свет из кладовки освещал прихожую.

Заурчал живот. Его просто свело от голода.

«О, я есть хочу» — найти кухню оказалось несложно, Александра Владимировна подошла к холодильнику и задумчиво начала изучать его содержимое.

Положив кусок курицы на тарелку и прихлебывая молоко прямо из бутылки, она уселась за стол и приступила к ночному ужину, как она это называла при первой жизни.

Вот так Петунья Дурсль, разбуженная шумом, своего племянника и увидела — развалившегося на стуле, с куском курицы в руках и с перемазанными жиром и молоком губами.

— Что ты...- задохнулась она в возмущении.

— Извините, ебаное дерьмо, — слова вылетели сами собой. — Заткнись, — активный словарный запас английского языка у попаданки был небольшой, хотя, сам язык она понимала хорошо, но нужные выражения нашлись сами собой.

Она надеялась, что швабра не разорется, надежда была небольшой, но она умирает последней.

Шпала и правда заткнулась, замерев с открытым ртом.

— Я есть хочу, — сказал ее племянник с жутким акцентом.

«Племянничек» в это время думал о том, что ему нужно два-три месяца, чтобы пополнить свой словарный запас до такой степени, чтобы нормально изъясниться с представителями ювенальной юстиции.

Но голодать, быть одетой неизвестно во что, спать в кладовке и работать на эту семейку убогих Александра Владимировна не собиралась даже это короткое время.

«Она будет орать или распускать руки, или позовет своего жирного муженька?» — размышляла она, поедая курицу и глядя на то, как швабра приходит в себя.

Единственным чувством, которое испытывал новоявленный Гарри Поттер к родственнице, была ненависть. Ведь, если она, Саша, стала попаданкой, значит, ребенок почему-то умер? Значит, эти твари довели его до этого? Или это произошло по какой-то другой причине?

Петунья, тем временем, наконец, пришла в себя и возмущенно и визгливо начала выговаривать племяннику, какой тот наглый, грубый, неблагодарный и так далее и тому подобное... Половину слов Александра Владимировна не поняла. На шум спустился Вернон — жирный мужчина на вид лет сорока с красной рожей, страдающий одышкой.

«Как они трахаются, интересно?» — новое тело нравилось попаданке, оно было детским и у нее ничего не болело, не ныло и не тянуло, странное, непривычное, давно забытое ощущение.

— Мальчишка! — боров, особо не разбираясь, ринулся в атаку, желая схватить племянника за шкуру и швырнуть в чулан.

Но, не тут-то было.

Гарри, засунув в рот остатки курицы, живенько запрыгнул на стул, схватил со стола тарелку, размахнулся и разбил ее об пол, закрывая голову и лицо руками, чтобы в них не попали осколки.

Вернон застыл на месте, истошно завизжала Петунья, но быстро взяла себя в руки, заставив себя замолчать.

— Если Вы что-то сделаете, я скажу в полиции, что ты сосал мой пенис, когда она спала, — неграмотно и с акцентом произнес Гарри, воспользовавшись тишиной. — Я сделаю это, жирный, тупой ублюдок. И ты пойдешь в тюрьму, — конечно, Александра Владимировна могла бы сказать, что опозорит их перед соседями, но ей для этого не хватало словарного запаса. А вот слова: «сосать», «пенис», «тюрьма», «тупой» и «бастард» она знала. На людей, работая генеральным директором всю свою жизнь, давить умела и даже любила, поэтому решила не растекаться мыслью по древу, а сразу поставить семейную парочку на место.

Вернон испугался, он племяннику поверил. Мужчина был растерян, он не знал, что делать. Им навязали этого мальчишку, но, возможно, с ним надо вести себя добрее. Тем временем, привлеченный скандалом на лестницу вышел высокий толстый ребенок лет двенадцати на вид.

«Дадлик» — Александра Владимировна идентифицировала его как кузена.

«Охота на Гарри, говоришь, жирдяй?»

— Кто ты? Где Гарри? — перехватив взгляд того, кто просто не мог быть ее племянником, задала вопрос напуганная до смерти Петунья.

— Я Гарри Поттер, сумасшедшая женщина, — произносить это было странно, но попаданка решила называть себя Гарри, это было правильно и удобно. — Я сын Джеймса Поттера, я волшебник, я все про себя знаю, ничтожная маггла, — новоявленному спасителю волшебного мира нравилось оскорблять эту тощую женщину. Это было разумно. Если очень грубо и вызывающе вести себя с Дурслями, запугивать их и унижать, возможно, тетушка найдет способ связаться с Дамблдором.

Надо было выручать Сириуса, это было несправедливо, что тот находится в тюрьме.

«Если мое пребывание здесь станет невозможным, то добрый дедушка отправит меня в Нору, больше некуда. Там я завладею Коростой и найду способ превратить её в Питера Петтигрю» — цель была намечена, способ её достижения примерно определен.

— Я буду жить в Вашей комнате. Или он — мальчик указал взглядом на Вернона, — попадет в тюрьму и надолго. Тогда его жизнь станет жалкой и твоя тоже. Пропусти, хрюшка, — Гарри, поднимаясь по лестнице, пихнул, не понимавшего, что происходит, кузена и пошел по коридору второго этажа, открывая по очереди все двери, войдя, в конце концов, в самую большую из спален.

— Мам, что случилось? — Дадли сбежал вниз на кухню. Вернон грузно опустился на стул. Петунья взяла веник и, глотая слезы, начала подметать осколки...

«Маггла, маггла...» — навязали ребенка, подкинули, как щенка, под дверь, не дали ни пенса, а теперь тот вырос и вытирает о них ноги... «Маггла...»

Новоявленный Гарри Поттер, тем временем, уселся на подоконник и посмотрел в окно. Светало, наступало хмурое зимнее утро. Ему не было жалко семейку Дурсль, ему было все равно.

Глава 2

— Я не знаю, что мне делать, я не снимаю с себя вины за происходящее, но жить так больше не могу. Если его не заберет кто-нибудь из ваших, я отведу его в приют, — Петунья Дурсль, в девичестве Эванс, отчаянно блефовала. Никуда она племянника, опасаясь мести с его стороны и общественного осуждения, не отвела бы, а продолжила бы нести свой крест вплоть до его совершеннолетия.

Но об этом другу ее погибшей сестры, Северусу Снейпу, которому Петунья написала на старый адрес и тот, к счастью, откликнулся и приехал на встречу, знать было совершенно необязательно.

На самом деле женщина была в полном отчаянии, она около месяца терпела выходки племянника, которому не нравилось все: его старая одежда, еда, мебель в бывшей комнате Дадли, куда наглый маленький волшебник согласился переехать из спальни четы Дурсль лишь после длительных уговоров, потребовав, чтобы в дверь комнаты изнутри врезали засов. Теперь он сам запирался на ночь от своих опекунов.

Единственное, с чем не было проблем — это с посещением Гарри школы, там он был тихим, исполнительным ребенком, который старательно делал домашние задания.

Благодаря заработанной репутации забитого молчаливого аутсайдера, мальчика редко спрашивали учителя, а друзей у Поттера в классе не было. Поэтому никто не заметил никаких изменений в его поведении, не заметили вообще ничего: ни грубой речи, ни маленького словарного запаса, ни появившегося, но начинавшего пропадать иностранного акцента. Единственное, на что обратили внимание — это на то, что у ребенка появилась новая оправа для очков и он стал носить добротные вещи.

Беда пришла откуда не ждали. Петунья обожала Дадли и идеализировала его, считая тычки и пинки ненормальному племяннику чем-то обычным, за что не стоит делать замечания. И если чета Дурсль, находившаяся под дамокловым мечом обвинения в педофилии, начала вести себя по отношению к «ненормальному» прилично, то избалованный Дадли не счел нужным менять свое поведение. Он не понимал, почему родители все стали «уроду» разрешать и ревел, как белуга, когда Гарри занял его комнату. Дадли обижался, злился и ревновал.

В тот ненавистный воскресный день, после которого миссис Дурсль нашла в телефонном справочнике адрес Северуса Снейпа и написала ему, скандала ничто не предвещало. Вернон смотрел телевизор, Дадли играл в своей маленькой комнате в новую приставку, купленную в качестве компенсации морального ущерба, Гарри готовил на кухне пончики — лепил кругляши из теста и кидал те в кипящее в стоявшей на плите кастрюле оливковое масло, после чего складывал в тарелку с ванилином — просто семейная идиллия. Петунья понимала, что по большому счету ее племянник не делал ничего плохого, предъявить отродью Лили было нечего. А им с Верноном много что можно было поставить в упрек.

Решив, что все в порядке, миссис Дурсль сказала мужу и сыну, что идет во двор рыхлить землю возле роз: неблагодарный негодяй ухаживать за ними отказался и женщине садик перед домом теперь приходилось облагораживать исключительно своими силами.

Этот поступок был ошибкой. Вернувшись за забытыми перчатками, Петунья увидела, как Дадли, воспользовавшись отсутствием матери, которая в последний месяц запрещала парню обижать кузена, спустился на кухню, схватил с тарелки пончик и ударил Гарри в плечо так сильно, что тот не смог устоять на ногах и упал, больно ударившись копчиком о плитку пола.

Миссис Дурсль уже хотела сделать Дадли замечание, как Гарри, который тетю

прекрасно заметил, поднялся, посмотрел на кузена, словно прицеливался, взялся прихваткой за ручку кастрюли с кипящим маслом...

Петунья поняла, что тот хочет сделать, но остановить ничего не могла, не успела бы. — Только не в лицо! — крик женщины оказался сиплым, задушенным. Это даже на шепот было не похоже.

Будто в замедленной съемке она видела, как Гарри размахнулся и выплеснул кипящее масло на грудь и живот ее сыну, в мозгу, словно фотография, отпечаталось спокойное, даже не злое лицо племянника в этот момент, казалось, он даже не волновался.

А затем время ускорило свой ход.

Вой и слезы Дадли, его безумный крик от боли, прибежавший Вернон, который по привычке хотел во всем обвинить Гарри.

— Я готовила пончики, Дадли схватился за кастрюлю голой рукой и обварился, — женщина бросилась мужу наперерез, всерьез испугавшись, что если Вернон что-то сделает с Поттером, тот выполнит свою угрозу.

Звонок в службу спасения, поездка в больницу, возмущение мужа, плач сына, все слилось в кошмар.

— Как ты мог? — спросила она у племянника, когда вернулась домой.

— А как Вы могли? — ответил Гарри. — Он злой и тупой, вы плохие родители. Он должен быть наказан, он больше меня не ударит...

— Северус! Теперь у моего сына на всю жизнь останется на груди ожог! — женщина комкала салфетку в руках.

Мужчина мало что понял из ее путанного рассказа. Сын Поттера ни с того ни с сего захотел жить в супружеской спальне своих опекунов, грозился оклеветать Вернона, обвинив того в педофилии и выплеснул на кузена кипящее масло.

В последнем учитель зельеварения вообще ничего страшного не видел, у него таких происшествий было по три раза на дню, сходит к мадам Помфри...

«Не сходит, она же маггла»...

— Я тебе лекарство от ожога пришлю, следа не останется, — пообещал он. В конце концов, применяют же к магглам магические лекарства ликвидаторы проклятий. А это просто мазь от ожогов.

— Петунья, посмотри мне в глаза, — мужчина достал палку, похожую на ту, что Лили привозила на каникулы, и что-то быстро произнес.

Перед глазами женщины пронеслась ее жизнь, словно это было кино.

Вот она, молодая мать, выходит за молоком и находит у порога дома корзинку с младенцем.

Дорогие, даже роскошные пеленки, записка и больше ничего.

Ни свидетельства о рождении, ни свидетельств о смерти Лили и ее мужа, ни денег. Ничего.

Вот она ждет своего супруга из полиции, где пришлось показывать записку, которую сочли за писанину наркомана-хиппи, переборщившего с галлюциногенами.

Вернувшийся усталый супруг рассказал, что Лили и Джеймса Поттеров подали в розыск, чтобы или вернуть им ребенка, или лишить бедовых отца и мать родительских прав, или объявить пару пропавшими без вести, а через шесть лет, если не найдутся — погибшими.

Гарри с кровоточащим шрамом на лбу, который плакал и звал маму, папу, Лунатика и Сириуса, который не хотел есть, не хотел идти на руки к незнакомой тете, летающие вокруг него игрушки и бьющиеся стекла в окнах маленькой комнаты, куда поселили подкидыша.

Единственным местом, где не было окон и стекол, оказалась каморка под лестницей. Раздражение мужа по поводу нахлебника, нехватка денег, выплаты по кредиту за дом, усталость, постоянное желание спать, невозможность уделять родному сыну и любимому мужу столько времени и внимания, сколько хотелось.

Когда Гарри был совсем маленьким, Петунья еще сдерживалась, но когда тот начал взрослеть, женщина понемногу начала его шпынять, срывая на мальчике усталость, злобу и раздражение, и загружать посильной домашней работой. Постепенно это превратилось в привычку.

«Неблагодарный мальчишка, такой же ненормальный, как твои отец и мать, они были бродягами и алкоголиками и разбились на машине...» — после того, как Гарри исполнилось семь лет, мистер Дурсль и миссис Дурсль уже не считали нужным для себя сдерживаться.

Запирали племянника в кладовке, оскорбляли его, плохо кормили, одевали в обноски, единственное — никогда не били. Зато, глядя на поведение родителей, Гарри избивал кузен.

И так продолжалось до той ночи, когда приобретший странный акцент, такой, какой был у племянника Антонина Долохова, Гарри Поттер не вышел из кладовки, и не развалился на стуле, поедая курицу.

— Я не понимаю, Петунья, что тебя удивляет и что тебя беспокоит? — один Мерлин знал, как сложно было Северусу Снейпу сохранить лицо.

«Мальчик растет в полной безопасности с хорошими людьми...» — передразнил он про себя маразматика Альбуса Дамблдора.

Все эти годы мужчина был уверен, что сын его подруги Лили Эванс, он же — поттерово отродье, живет там, где его балуют, холят и лелеют, а все оказалось совсем наоборот. — Тебе, как взрослому человеку должно быть понятно желание десятилетнего ребенка жить в хороших условиях, носить новую одежду и есть досыта, — акцент Гарри Северус счел обычным лицедейством, чтобы напугать родственников.

— Он хорошо учится, готовит себе еду, следит за своей одеждой. Тебя удивляет, что он не дает себя избивать? — мужчина вспомнил отца и свое собственное полуголодное детство и пьяного отца-дебошира. — Он действительно мог плеснуть маслом на штаны твоему сыну или в лицо, учитывая обстоятельства, Гарри — само милосердие. Дадли действительно плохо воспитан, а твое собственное поведение отвратительно, — в голосе зельевара звучала злая насмешка и мрачное торжество.

— Значит, ты мне не поможешь? — миссис Дурсль вздохнула и закрыла руками лицо.

— Не вижу ни одной причины тебе помогать, Петунья, — мужчина положил несколько банкнот на столик, чтобы расплатиться за кофе, которое выпил. — Ты можешь отвести Поттера в приют, но тогда за доброе имя твоего муженька я не дал бы и ржавого пенса. Не могу сказать, что мне было приятно тебя видеть, — в кафе было пусто, поэтому Северус аппарировал прямо с места.

Когда миссис Дурсль отняла руки от лица, за столиком она сидела уже одна.

Глава 3

— Они хотели пойти, они пошли, они идут... — Гарри (Александра Владимировна привыкала обращаться к себе в мужском роде и даже научилась, писая стоя, попадать струей в унитаз), запершись в своей комнате, вслух штудировал английскую грамматику. Падежей нет, и на том спасибо, зато есть шестнадцать времен.

— Гарри! К тебе пришли! — ни разу в жизни Петунья Дурсль не обращалась к племяннику столь радостно. — Пришел директор твоей будущей волшебной школы! — добавила она, чтобы отродье Лили открыл наверняка. А то ведь мог откликнуться с десятого раза или даже к двери не подойти.

«Долго же они чесались...» — с момента так удачно подвернувшегося случая с маслом для пончиков (Дадли тупо подставился) прошло две недели.

Вообще, Дурслю-младшему не повезло с самого первого дня пребывания попаданки в теле Гарри.

Отобранная комната — это было только началом.

Разделяй и властвуй. Когда Дадли вернулся из гостей от Пирса Полкисса, Гарри прокрался в комнату кузена и, пока тот спасал на кухне свои жировые клетки от исчезновения, разрисовал и так неверно сделанное домашнее задание брата по математике горшками с цветами — зелеными кактусами, форма которых ничем не отличалась от мошонки с эрегированным членом.

На следующий день младший Дурсль работу, не проверяя, сдал, получил ожидаемое «неудовлетворительно», вызов родителей в школу, неодобрение отца. В результате, Дадли решил, что это Пирс так над ним подшутил, мальчики подрались, причем Полкиссу досталось очень сильно. Следом за этим случился уже второй скандал, с родителями Пирса. После чего Гарри подкинул в портфель Полкисса случайно найденную в рекреации школы дохлую крысу, то есть, нашел ее и подкинул в тот же день, тем более, внешнее сходство крысы и Полкисса было несомненным. Теперь уже Пирс бросился с кулаками на Дадли, они подрались снова, дружбе наступил конец, как наступил конец и охоте на Гарри. Загонщики дичи поругались, некому стало травить «гадкого Поттера». Это все было, конечно, весело, но недостаточно хорошо.

Гарри планировал с Дадли сотворить что-то такое неопасное для жизни кузена, но чтобы материнское сердце Петуньи дрогнуло, и женщина начала искать помощи у волшебников, и случай быстро представился.

Кажется, все получилось.

«Не так уж сильно я его обварил...» — мальчик закрыл учебник и открыл дверь.

За ней стояли его сияющая тетя и высокий старик с длинной бородой, поломанным в двух местах носом и голубыми глазами, которые, наверно, когда-то были очень яркими, но выцвели со временем.

— Мальчик мой, здравствуй, — обратился Альбус Дамблдор (а это был именно он) к Гарри. — Ты мне позволишь пройти?

Альбус Дамблдор не был ни плохим человеком, ни интриганом. Он был сильным волшебником, талантливым ученым и умелым дуэлянтом, но не слишком хорошим психологом и средненьким администратором. В силу сексуальной ориентации, он остался бездетным и не женатым, поэтому понятия не имел, сколько сил отнимает воспитание ребенка, особенно — годовалого.

Оставляя корзину с Гарри на пороге дома сестры Лили, директор Хогвартса был уверен, что о мальчике его тетя позаботится. Возможно, не будет слишком баловать, но это, с

точки зрения старика, было даже хорошо.

«У Гарри не будет звездной болезни», — рассуждал Альбус, самовольно и единолично решив судьбу ребенка, потерявшего родителей и пережившего смертельное проклятье. Точно так же на несколько десятков лет раньше профессор трансфигурации отправил из безопасного Хогвартса в Лондон под немецкие бомбы юного Тома Риддла, несмотря на просьбы мальчика оставить его в школе. Профессор даже не задумывался никогда о том, что, поступи он с сиротой иначе, Темный Лорд никогда бы не появился.

Но теперь Альбус был намного старше и немного мудрее.

Информация, которую поведал Северус Снейп, старика расстроила, Дамблдор не хотел вырастить еще одного Тома Риддла, директор не ожидал, что девочка, которая писала письма, просясь в Хогвартс, будет столь жестока со своим племянником-сиротой. Однако то, что профессор увидел, заставило его подумать, что желчный Северус сгустил краски.

Гарри жил в хорошем чистом доме, у мальчика была своя комната, он не выглядел запуганным или несчастным, а Петунья встретила его, Альбуса, очень приветливо, хотя, с некоторой опаской.

— Да, проходите, пожалуйста, — Гарри ответил вежливо, но оглядел старикана скептически. Александра Владимировна считала, что всему должно быть свое время и место. Являясь в гости к магглам, Альбус (про себя Гарри назвал его по имени, так как при первой жизни умер в более чем почтенном возрасте и ощущал себя ровесником директора) мог бы одеться, хотя бы, в классический костюм.

«Интересно, у него под ночнушкой есть портки»? — в своих лиловых одеяниях и с колокольчиками в бороде Дамблдор напомнил Гарри Гендальфа-трансвестита.

«Гендальф лиловый. Лет через двадцать пять он мог бы пришкандыбать на каблуках и все делали бы вид, что так и надо», — язвительная старушка брала верх над Гарри-мальчиком.

— Присаживайтесь, пожалуйста — юный Поттер указал вошедшему на новенькое крутящееся кресло, стоявшее перед таким же новеньким персональным компьютером с установленным на нем Виндоусом 3.0 — хорошей, еще не «глючащей» базовой версией «маленькой и мягкой» программки. Но общедоступного Интернета, увы, пока не было. Сам мальчик, немного помедлив, уселся на кровать.

Сначала он подумал, прилично ли это, не будет ли это выглядеть, как завуалированное соблазнение? Потом Гарри себя одернул, вспомнил про свое десятилетнее тельце и решил, что если директор школы гей, то совершенно необязательно, что одновременно с этим тот является педофилом.

«Я теперь тоже — гей» — на женщин бывшую Александру Владимировну не тянуло вообще от слова «совсем», девочки-ровесницы тоже не казались сколько то ни было привлекательными, новоявленный Гарри заглядывался на парней лет двадцати, но понимал, что для него лет на пять-шесть, как минимум, тема личной жизни стала неактуальна.

Еще не понятно, как к геям относятся в волшебном мире, там, судя по всему, процветал менталитет конца девятнадцатого века, поэтому светиться в Хогвартсе не хотелось, а в Великобритании возраст согласия шестнадцать лет, до которых еще жить и жить... Обо всем этом Гарри думал, разглядывая фиолетовые с загнутыми мысами тапочки Альбуса Дамблдора, видневшиеся из-под полы длинной лиловой мантии волшебника «Старик Хоттабыч, такой же безответственный и не приспособленный к современному миру, как и средневековый джин».

— Меня зовут Альбус Дамблдор, я директор школы, где учились твои родители и в которую тебя тоже записали с самого рождения... - старик представился и замолчал, вероятно, ожидая каких-то вопросов. Про себя он отметил, что у Гарри действительно акцент, как у Игоря Каркарова, когда тот начинал волноваться и забывать английские слова. «Это очень-очень странно».

— Приятно познакомиться, мистер Дамблдор, — Гарри на провокацию не повелся и о родителях ничего расспрашивать не стал. «Надеюсь, он не скажет мне: «Зови меня Альбусом?» — ехидный женский голос, совсем не похожий на тонкий детский голосок Гарри, снова появился в голове.

— Мальчик мой, — директору Хогвартса пришлось взять инициативу разговора на себя, — как тебе здесь живется?

— До последнего месяца жилось очень плохо, — эту речь Гарри отрепетировал заранее.

— Я жил в каморке под лестницей, голодал, одевался в обноски кузена, который меня бил каждый день и устраивал в школе «охоту на Гарри» со своими приятелями, а тетя и дядя меня оскорбляли. Потом, я, голодный и доведенный до отчаяния, решил изменить ситуацию и пригрозил тете, что если она не исправит свое отношение ко мне, я обвиню ее мужа в сексуальных домогательствах... — мальчик сказал все, что хотел, и замолчал, дожидаясь реакции.

— Но клеветать на людей и шантажировать их — это неправильно, Гарри, — старик пытался воззвать к совести ребенка.

— Конечно, неправильно, — мальчик не стал спорить, — но теперь у меня есть своя комната, хорошая одежда, я сплю на кровати, а не на тонком матрасе на полу и мне на лицо ночью не падают пауки, меня никто не бьет и не оскорбляет, и ем я досыта.

— Тебе нравится то, что тебя боятся? — Альбус надеялся, что героя волшебного мира еще можно исправить.

— Мне это совсем не нравится, я хотел бы жить с людьми, которые любили бы меня, — нужные слова были сказаны. Старик услышал, что хотел, директор Дамблдор и не подозревал, что общается с опытным манипулятором и переговорщиком.

«Северус не прав. Гарри надо срочно забирать отсюда, пока в мальчике не угасла искра доброты, которая еще сохранилась...»

— Мальчик мой, а как ты отнесешься к тому, чтобы пожить со своими троюродным дядей и кузенами? — именно в таком родстве через Блэков состоял юный Поттер с Артуром Уизли и его детьми.

Конечно, у Гарри в волшебном мире было много более близкой родни: троюродные сестры Нарцисса Малфой и Андромеда Тонкс, четвероюродный племянник Невил Лонгботтом, воспитывавшийся овдовевшей бабушкой Августой, и любая из этих женщин по разным соображениям с радостью взяла бы сироту себе на воспитание. Только вот для проживания мальчика-который-выжил подходила, по мнению Альбуса Дамблдора, исключительно семья Уизли: бедная, дружная и многодетная. Если уж с Петуньей ничего не получилось.

— Я был бы счастлив! А они волшебники? — личико Гарри сияло от радости.

«Получилось!!!» — душа попаданки ликовала.

Кузены во множественном количестве у Гарри Поттера в волшебном мире были только со стороны Блэков и исключительно в семье Уизли. Это родство состоялось, если Александре Владимировне не отказывала память, через Дорею и Цедреллу Блэк — матерей Джеймса Поттера и Артура Уизли, соответственно.

«Надеюсь, в ближайшее время я доберусь до крысы и мой крестный и троюродный брат, по совместительству, выйдет на свободу» — новоявленному Гарри хотелось побыстрее

попасть в волшебный мир. Но не жить в хибаре, а, имея деньги, развернуться по полной, как попаданка в лучшие свои годы делала в первой жизни.

Красивая одежда, лучшие отели и рестораны, курорты с белым песком и теплой прозрачной океанской водой — между всем этим и Гарри стояли лишь старик-идиот, со своими странными представлениями о том, как надо воспитывать национальных героев, и мерзкая облезлая крыса...

После ухода Альбуса Дамблдора, пообещавшего, что «завтра я заберу мальчика» из дома семьи Дурсль, у многих людей наступил очень счастливый вечер.

Альбус радовался, что все завершилось хорошо и сердце Гарри не очерствело.

Северус Снейп был доволен, что ему больше не придется выслушивать жалобы Петунии.

Радовались Артур и Молли Уизли и их дети, готовясь принимать у себя «милого Гарри».

Ликовали Петунья, Вернон и Дадли Дурсль. Наконец-то избавятся от ненормального — им обещали его привезти следующим летом на одну неделю. Неужели раньше нельзя было забрать?

И настроение Гарри стало прекрасным. Его планы начали осуществляться.

Глава 4

Но ничто не бывает прекрасно целиком и полностью. Утро семьи Дурсль началось феерично.

Из соображений безопасности и экономии времени Артур Уизли решил забрать Гарри, воспользовавшись камином по названному Альбусом адресу: улица Тисовая, дом четыре, который директор Хогвартса оперативно подключил к магической транспортной сети. Но, в результате, Артур ударился лбом о кирпичную кладку, которой заложили дымоход еще во времена Великого Смога, после которого запретили печное отопление в Лондоне и его ближайших окрестностях.

Конечно, если бы он направлялся в дом магов, мистер Уизли вернулся бы обратно. Но, проникая в жилища магглов, которых он обычно спасал от зачарованной и опасной бытовой техники, мужчина церемониться не привык. Вот и на этот раз он, не раздумывая ни минуты, разрушил кирпичную кладку бомбардой, засыпав еще пару секунд назад уютную и чистую гостиную семейства Дурсль сажей, осколками кирпичей и обломками фальш-панели, которая скрывала бывший камин. Один из камней влетел прямо в экран телевизора и разбил его.

Мистер и миссис Дурсль, ожидавшие гостя к назначенному времени, стояли посреди разгромленной гостиной обсыпанные строительным мусором с ног до головы, и с видом двух рыб, выброшенных на берег (глаза выпучены, рты хватают воздух) наблюдали, как из пролома в стене навстречу им вышел высокий рыжеволосый мужчина, на вид лет сорока-сорока пяти.

Свесившийся с перилл второго этажа Гарри Поттер наслаждался представлением. Его, то ли двоюродный, то ли троюродный дядя Артур был одет в выдавшие виды кожаные ботинки, которые в сочетании с тренировочными штанами, майкой-алкоголичкой и пиджаком, со стоявшими дыбом остатками рыжих волос, перепачканных в саже и паутине, создавали образ деревенского алкаша из российской глубинки, лишь бутылки водки в руках не хватало.

Вид у всех троих взрослых был настолько комичным, что Гарри не выдержал и расхохотался.

— О, Гарри, счастлив тебя видеть! — «предатель крови и магглолюбец» Артур Уизли с магглами, чей дом он чуть ли не разрушил, поздороваться не соизволил. О чем ему было разговаривать с людьми, державшими мальчика-который-выжил в камерке под лестницей? — Ты готов? — обратился мужчина к герою волшебного мира.

Ребенок уже хотел ответить на приветствие, как в гостиной дома семейства Дурсль появилось новое действующее лицо.

— Дорогой! — тем временем представление продолжилось. — Ты забыл летучий порох! — из камина вышла полная женщина с ярко-рыжими волосами. — О, Мерлин! Что здесь случилось?! — она начала махать волшебной палочкой и ковер на полу стал чистым, экран телевизора целым, стены белыми, обломки фальш-панели и осколки кирпичей женщина собрала в одном месте, уменьшила и отлевитировала в мусорное ведро.

«Она могла бы работать хозяйкой хаус-киппинга, цены бы ей не было» — Гарри (бывшая Александра Владимировна) по достоинству оценил мастерство домохозяйки.

— Зачем вы камин заложили? — обратилась она к чете Дурсль так, слово те в пьяном угаре валялись на проезжей части.

Вернон хотел в ответ сказать что-то грубое, но Петунья дернула мужу за руку.

— Нас не предупредили, каким образом Вы прибудете, у нас в доме батареи, — предельно вежливо объяснила одна женщина другой. Она мечтала, чтобы урода-

племянника, как можно быстрее забрали, и ради этого готова была наступить на горло собственной песне.

— О, дорогуша, ты уже собрался? — обратилась миссис Уизли к спустившемуся с двумя дорожными сумками в руках Гарри. — Как же ты похож на своего отца! Вылитый Джеймс, — Молли даже прослезилась, а затем заключила ребенка в свои объятия. Это было неожиданно, Гарри смутился...

— Не закрывайте камин, я через него буду в школу ходить, чтобы вам вопросы не задавали, — сертификат о начальном образовании мальчик, все же, решил получить. Вернон и Петунья скривились, но это были уже не его проблемы, а их. Сейчас они пожинали плоды многолетнего отвратительного отношения к племяннику.

Самым сложным для Гарри оказалось вступить в зеленое пламя, мальчик закрыл глаза и сделал шаг вперед.

Путешествие по каминной сети чем-то напоминало поездку в аттракционе «Комната Страха», но вместо чудовищ он видел в проемах каминов людей, гревшихся у огня, или их гостиные и решил, что никогда перед камином не станет делать или говорить ничего секретного.

А затем он оказался в Норе.

Гарри вывалился в ее гостиную, чуть не свалившись на пол, дав себе зарок научиться степенно выходить из камина.

Дом семьи Уизли оказался именно таким, каким его Александра Владимировна себе и представляла.

Недорогая, но добротная мебель, вязанные салфетки, куча ненужных мелочей, наподобие вазочек и сувениров, все пространство было чем-то заставлено — стульями, столами, шкафами с посудой, над большой печью на крючках висели сковородки и полотенца...

Александра Владимировна подумала, что эта гостиная очень похожа на комнату ее собственной мамы.

«Давно это было» — решив не вспоминать то, что невозможно вернуть, Гарри начал осматриваться.

— Ты правда Гарри Поттер? Ты будешь у нас жить? — лицо выбежавшего ему навстречу мальчика ровесника светилось от восторга. — А ты любишь играть в квидич, а в шахматы? У тебя правда есть шрам? — Рон Уизли оказался обычным любопытным и доброжелательным ребенком высокого роста. У него было симпатичное лицо и веснушки на носу, он совсем не походил на того «Макара Гусева», которого сняли в экранизации книги Роулинг, и обещал во взрослом возрасте стать красивым парнем.

— Рональд Уизли! Веди себя прилично! — Молли действительно могла быть несколько громогласной.

— Привет, Гарри! — девочка лет девяти в домашнем ситцевом сарафанчике показалась из-за двери, она пропищала приветствие, покраснела и убежала.

«Прости детка, но ты не станешь моей женой. Ты достойна лучшей участи, нежели стать супругой парня, который всю жизнь будет тебе изменять с мужиками» — Джинни тоже оказалась очень милой и совсем не похожей на свой экранный прототип.

Вообще, оставив сумки с вещами в комнате Рона и поедая вкусный и сытный завтрак, приготовленный гостеприимной Молли, отвечая на вопросы Артура и улыбаясь пунцовой от смущения Джинни, Гарри (с высоты жизненного опыта Александры Владимировны) решил, что Уизли действительно очень дружная и хорошая семья, члены которой порядочные и искренние люди.

Единственное, не очень богатая, но зато хлебосольная и радушная. Попробуй, оплати

обучение семи детей в Хогвартсе, — Гарри подумал, что льготы для магглорожденных на волшебников не распространялись, и тем приходилось раскошелиться на обучение своих детей из собственного кармана, а богатые аристократы еще, в придачу, платили за чужих.

В общем, Гарри все нравилось, все складывалось замечательно, жаль лишь, что Перси должен был вернуться на каникулы (а крыса была именно у него) только в июне.

Попаданка переживала, что до этого момента ни в чем не повинному Сириусу придется еще четыре месяца провести в Азкабана и это ее очень расстраивало.

Глава 5

— То есть, я скажу: «Вверх», сяду на нее, и она полетит? — Гарри и Рон вытащили из сарая два «Чистомета» и юный Уизли учил кузена летать на метле.

— Да! Конечно! — Рон ответил это с таким видом, словно летающие метлы это — самая обычная вещь в мире.

— «Для него все так и есть». Вверх! — «Чистомет» тут же влетел Гарри в руку, и мальчик схватил его за древко, отметив, при этом, что то абсолютно ничего не весит. Хотя, когда он тащил метлу от сарая, та казалась довольно тяжелой.

Это не была метла как у дворников, в обычном ее понимании. К толстому древку были прикреплены сидение, наподобие велосипедного седла, руль и похожие на стремена подставки для ног. Прутья «Чистомета» были длинными и крепкими.

«Работает! Значит я волшебник!!!» — до этого Гарри (вернее Александра Владимировна) не замечал за собой ничего необычного и даже сомневался, сможет ли он колдовать, как бывший хозяин этого тела. И тут выяснилось, что может!

— О! Это! — мальчик, все еще держа метлу в руке, не находил слов от восторга. — Я волшебник!

— Ну, да... Ты волшебник. Полетели! — Рон легко оторвался от земли и завис над ней метрах в трех.

— Подожди меня, я первый раз это делаю, — Гарри перекинул ногу через древко, ухватился за руль и уселся в седло, поставив ноги в стремена.

«Интересно, как это работает?» — мальчик интуитивно потянул руль на себя и метла начала под небольшим углом подниматься вверх, набирая высоту. Гарри руль выровнял и «Чистомет» полетел строго горизонтально, тогда новоявленный волшебник нажал на руль, толкая тот вперед, и метла начала снижаться. Если повернуть руль влево — метла поворачивала влево, а если направо — то направо. «Чистомет» шел ровно и уверенно, так, словно Гарри не летел по воздуху, а ехал по дороге, не качаясь ни сбоку набок, ни ныряя вверх-вниз. Метла оказалась на удивление удобным и безопасным транспортом. Сделав несколько аккуратных горизонтальных восьмерок над окружавшим Нору садом, мальчик понял, что если хочешь повернуть более резко, надо отклониться влево или вправо и метла поворачивала вправо и влево, соответственно. Таким же образом можно было набирать или сбрасывать скорость. Можно было еще более резко тянуть руль на себя или от себя, тогда скорость тоже менялась.

— Йо-хо! — летать было здорово! Да он словно родился на метле. Через десять минут они с Роном гонялись над садом наперегонки, закладывая все более и более крутые виражи.

— Я была навеселе и летала на метле, хоть сама не верю я в эти суеверия! И-и-и-и!

— Гарри охватил кураж. Поднявшись высоко над деревьями, мальчик запел песню из мультфильма времен своего детства, вернее, детства Александры Владимировны, и начал резко снижаться...

Позади сидения раздался подозрительный треск.

«Наверно, прутья ломаются. Эти метлы не рассчитаны на такие скорости. У волшебников есть Мунго, у них есть костерост!» — радостное «И-и-и-и!» перешло в «И-и-и-и!» испуганное. К счастью, Гарри удалось затормозить у самой земли.

— Вниз! — «Чистомет» послушно упал на землю, снова став тяжелым.

— Ну, ты крут! — Рон по какой-то непонятной причине смотрел на Гарри с восхищением.

— Что здесь происходит? — на крыльцо выбежала встревоженная и разгневанная Молли, волосы растрепаны, фартук не снят, руки в боки — классика жанра.

— Это я летать учусь, — Гарри принял удар на себя.

— Будь осторожнее, береги себя, — голос и взгляд женщины стали гораздо добрее.

— Мы уже все, сейчас метлы в сарай отнесем... — маленький манипулятор смотрел на миссис Уизли с видом «я не я, я хороший...»

— Отнесите и приходите обедать, мальчики, — Молли подобрела окончательно и вошла обратно в дом.

— Ух, кажется, пронесло, — констатировал Рон. Ребята потащили «Чистометы» в сарай, где Артур Уизли помимо садового инвентаря хранил «всякое бесполезное маггловское барахло».

Не такое уж и бесполезное.

Артур в буквальном смысле слова хранил деньги в банке: прозрачной, стеклянной, трехлитровой, в такие обычно варенье закатывают. Она была пыльной и стояла в темном углу.

«Денюжки! Деньги, забытые, брошенные, мятые», — Гарри, вернее Александре Владимировне, стало их жаль так сильно, словно те были живыми.

«Где он их насобирали хоть?» — это кладбище наличных копилось явно не один год. «Кто-нибудь знает, сколько их здесь?» — судя по состоянию купюр — вряд ли.

— Давай их пересчитаем? — присвоить себе деньги тайно — это совсем не то же самое, что вступить в сговор с одним из законных обладателей богатств. Крысятничать Гарри не собирался, но доводить до сведения Молли или Артура, что эти бумажки можно и нужно менять на полновесные галеоны, тоже не хотел. На Рона эти деньги явно не потратят, скорее всего, купят что-нибудь Джинни и Перси, которого назначат старостой, «потому что для них важнее», а шестой сын снова станет чьи-то вещи донашивать. А Гарри хотел, чтобы его друг и кузен поехал в Хогвартс прилично одетым и с новой палочкой. Чтобы у того же Драко Малфоя не было повода смеяться над бедностью Уизли.

— А зачем? Все равно их нигде не принимают, — Рон тоже не осознавал, что бумажные деньги могут обладать какой-то ценностью.

— Их магглы принимают, да и магглорожденные где-то, наверно, меняют на галеоны свои деньги, — «предположил» Гарри.

После чего глаза Рона загорелись и он преисполнился энтузиазмом.

В банке Артура Уизли оказалось накоплено две тысячи четыреста тридцать семь фунтов стерлингов.

«Примерно пятьсот галеонов» — Гарри тут же пересчитал.

— Я буду хранить их в своей сумке, туда никто не полезет. — предложил мальчик. — А то, кто-нибудь начнет убираться и выбросит их.

— Давай... — Рон быстро подумал и согласился, ведь они жили с Гарри в одной комнате и, вообще, тот был классным парнем.

Маленький Уизли тут же начал рассказывать другу, как они купят себе новые метлы и сахарные перья, он был обычным десятилетним ребенком, и мечты у него были детские.

«Ничего, я займусь твоим воспитанием» — на растерзание некой амбициозной Гермионе Грейнджер Гарри кузена решил не отдавать. На интеллектуальное светило у него были совсем другие планы, если Сириус по характеру окажется таким же, как в книге Роулинг, то его надо женить на властной умной женщине. Гермиона на эту роль, по мнению Гарри, подходила идеально.

Глава 6

Клубы дыма, вырывавшиеся из трубы паровоза, тащившего Хогвартс-экспресс, заволокли собой платформу девять и три четверти, на которой Гарри в обществе Рона, Джинни и их родителей встречал приехавших домой на летние каникулы Перси и близнецов. И, конечно же, прикинувшегоса крысой Питера Петтигрю.

Гарри уже решил, как он завладеет Коростой. Он собирался ее в наглую выпросить, тем более, что Уизли она уже, вроде как, была ни к чему.

Во время прогулки по Косой Аллее, которая состоялась на день Рождения Рона, предусмотрительный Поттер подарил кузену полярную сову, наверно, ту самую, которую, скорее всего, должны были купить ему самому.

Продавец в магазине спокойно взял у Гарри сорок маггловских фунтов стерлингов, вместо восьми галеонов, и сказал, что не стоит беспокоиться, что такие деньги он часто принимает у магглорожденных. В джинсах, куртке и кроссовках Гарри таковым и выглядел, а шрам хитрый Поттер предусмотрительно прикрыл челкой и бейсболкой. Мальчику с душой Александры Владимировны было абсолютно понятно такое поведение продавца — зачем отпускать покупателя, который может, пока обменивает деньги, передумать? Легче потом сходить в Гринготтс и обменять купюры самому, благо — идти недалеко.

«Что же, одной проблемой меньше» — вручая подарок потерявшему дар речи от радости и изумления другу, Гарри объяснил его смутившимся родителям, что это от чистого сердца, из сбережений (и ведь не наврал), и не стоит беспокойства. Ведь они столько для него делают, что он счастлив сделать хоть что-то хорошее для них в ответ. И, вообще, Рон его друг и у него День рождения. Что в пришедшем накануне письме из Хогвартса написано про домашнее животное, и вот оно.

Гарри поверили, но все еще долго ахали и охали.

Юному Поттеру действительно неловко было чувствовать себя нахлебником в доме Уизли, потому что не было у этой семьи лишних денег, а на проживание еще одного ребенка, Гарри был в этом уверен, Дамблдор Молли не выделил ни сикля.

Вообще, поведение директора Хогвартса иначе, как преступной халатностью и злоупотреблением служебным положением, назвать было сложно.

«Привык старый хрыч жить на всем готовом...» — в будущность руководителем Александра Владимировна никогда не была безразлична к проблемам своих сотрудников или тех, кто следовал ее интересам, поэтому поведение Альбуса не одобряла.

Социалка — это важно, люди должны быть сытыми и довольными.

Мальчик хотел сделать для семьи Уизли что-то хорошее, и случай представился достаточно быстро.

Артур взял по просьбе Гарри того к себе на работу в Министерство Магии.

Вот тут-то мальчик-который-выжил свой «товарный знак», то есть шрам, прятать не стал. А, напротив, зачесал волосы со лба назад, чтобы подарочек Волдеморта было видно всем и издалека.

Расчет оказался верным. Ахи, вздохи, приветствия, благодарность.

Гарри со всеми здоровался, всем улыбался, со всеми обнимался (Александра Владимировна тряхнула стариной и вспомнила те времена, когда она устраивала крупные рекламные акции), фотографировался, давал автографы.

Минут через десять, как Гарри и ожидал, когда вокруг национального героя, оттеснив Артура Уизли в сторону, образовалось столпотворение, возле мальчика появился министр магии Корнелиус Фадж.

В этой реальности Гарри Поттер его не разочаровал.

Посмеиваясь в душе над ярмаркой тщеславия, мальчик смотрел на министра с восхищением, разве что в рот не заглядывал, долго жал руку, снова улыбался, позировал непонятно откуда появившейся Рите Скиттер, и восторгался всем вокруг. Волшебный мир был прекрасен и фонтан прекрасен, и Атриум Министерства прекрасен, и познакомиться с Самим Министром Магии Гарри был счастлив, но просто счастлив!

На вопрос мистера Фаджа о том, с кем он, Гарри, пришел в министерство и у кого живет, мальчик с детской непосредственностью выдал, что в последнее время живет он у дяди Артура. Артура Уизли.

— Родство со стороны Блэков, — напомнил мальчик министру. И снова тихо затараторил, периодически прерываясь, чтобы подобрать слова, на ухо наклонившемуся к нему мужчине, что, де живется ему весело, и с Роном он подружился, но вот только у дяди Артура зарплата маленькая, нельзя ли ее прибавить, такому хорошему человеку? А то во время войны столько волшебников убили, надо помогать многодетным семьям, чтобы детей было больше и волшебников больше становилось?

Корнелиус покрывался красными пятнами и про себя грозился проклясть Дамблдора, который так его подставил перед избранным, хорошо хоть Поттер маленький еще и ничего не понимает, жал руку пробившемуся к Гарри Артуру Уизли, вспоминал, что тот входит в перечень священных чистокровных двадцати восьми семей. И говорил, что, конечно же, такой ценный сотрудник не может оказаться без поощрения, а потом пил коньяк у себя в кабинете, вытирал со лба пот платком и искал для родственника Гарри Поттера нормальную вакансию с достойной зарплатой.

На следующий день Артура Уизли назначили начальником отдела, который занимался ликвидацией последствий стихийных выбросов несовершеннолетних и боролся с незаконным использованием магии несовершеннолетними. Также, особо ценному сотруднику выдали за «прекрасную службу» премию в девятьсот галеонов, Фадж, чтобы набрать себе потом политических дивидендов, не поскупился.

Молли ахала, охала, говорила, что на свете есть справедливость и накупила детям обновок.

«Прекрасно», — думал Гарри. — «Теперь на каникулах можно будет колдовать сколько угодно».

И вот, семья Уизли стояла на перроне и ждала старших детей, чтобы встретить их и проводить домой. Там же, в Норе, Коросту ожидала в комнате Рона крепкая и уютная клеточка со стальными прутьями, Питер Петтигрю даже не догадывался, что на свободе ему осталось бегать всего несколько минут.

Глава 7

— Назовите Ваше имя, — разоблаченный предатель отвечал на вопросы следователя.

— Питер Петтигрю, — одутловатый мужчина с всклокоченными пегими волосами и рад был бы соврать, но не мог, не имел он возможности и испугаться, сейчас он испытывал одно лишь чувство — безразличие. Голос допрашиваемого под сывороткой правды преступника звучал монотонно и безэмоционально.

— Вы понимаете значение татуировки на Вашей руке? — время молниеносных решений давно прошло, следователю необходимо было убедиться, что темную метку считавшийся погибшим и даже награжденный орденом волшебник получил добровольно, в здравом уме и твердой памяти при полном сознании, а не под Империсом.

— Это знак отличия, меня наградил ей Темный Лорд, — одними этими словами предатель подписал себе путевку в Азкабан.

— Вы получили ее добровольно?

— Да, я был счастлив это сделать.

— Выполняли ли Вы какие-то задания Того-кого-нельзя-называть? — приткопишущее перо, тем временем, протоколировало допрос.

— Да, я следил за четой Поттер, Лили и Джеймсом Поттер.

— Почему он поручил это задание именно Вам?

— Я был хранителем тайны их дома, находившегося под заклинанием ненахождения Фиделиус... — после этих слов в кабинете, куда набилось достаточно много народа (не каждый день обнаруживают обладателя ордена Мерлина Первой степени посмертно живым, да еще и с темной меткой на руке) стало шумно. Находившиеся там волшебники начали переговариваться и восклицать: «Как же так! Разве им был не Сириус Блэк?»

— Был ли Сириус Блэк вместе с Вами, Питер Петтигрю, хранителем тайны?

— следователь задал взволновавший всех вопрос.

— Нет, никогда не был. Он дал ложную информацию о себе, чтобы последователи Темного Лорда искали его, а на меня никто бы не подумал, — после этого признания в кабинете стало еще более шумно.

— Контактывал ли Сириус Блэк с Тем-кого-нельзя-называть?

— Во время сражения контактировал, Сириус Блэк сражался против него... — теперь стали раздаваться возгласы: «Бедный Сириус! Невинно осужден!» — убитые непонятно кем магглы уже никого не интересовали.

— Находились ли Вы во время убийства Лили и Джеймса Поттеров возле того-кого-нельзя-называть? — глупо было упускать возможность узнать, что на самом деле произошло в Годриковой Лощине в ту злосчастную и, одновременно, счастливую для Волшебного Мира и Гарри Поттера ночь.

— Нет, я только подвел его к дому, в него Темный Лорд вошел один.

— Что Вы сделали потом?

— Я аппарировал на Косую Аллею и зашел перекусить, — и снова возгласы: «Какое бессердечие! Какой цинизм!»

— Что случилось потом?

— Меня заметил прибывший на Косую Аллею Сириус Блэк, он стал называть меня предателем и попытался арестовать, я бежал в маггловский Лондон, сжег двенадцать магглов заклинанием, отсек себе палец и аппарировал в сад перед домом Артура Уизли.

— Почему именно к Артуру Уизли?

— Мы с Дамблдором там обедали накануне, там всегда хорошо кормят, там можно было прокормиться.

— Что было потом?

— На порог вышел Чарли Уизли, я, чтобы он меня не обнаружили, превратился в крысу, он меня все равно заметил и занес в дом, потом я поехал в Хогвартс, как его домашний питомец.

— Артур Уизли знал, кто Вы такой?

— Нет, он не знал, никто не знал, что я анимаг.

— Что было потом? — следователю было важно узнать, как преступник попал к мальчику-который-выжил. Не было ли здесь чьего-то злого умысла?

— Когда Чарли закончил школу, он передал меня Перси, когда Перси приехал к себе домой на каникулы, Гарри Поттер меня выпросил себе в подарок...

Тогда это было почти мило.

— Ой, какая хорошенькая! Как ее зовут?

— Короста, — Рон посмотрел на друга, как на душевнобольного.

Во-первых, тот начал сюсюкаться, словно девочка, а, во-вторых, Уизли не понимал, как вот эту старую облезлую крысу можно назвать хорошенькой. Конечно, мальчик был привязан к Коросте и часто подкармливал ее чем-то вкусненьким, но та была уже старая и дряхлая. Рон был рад своей новой питомице — полярной Сове, которую Гарри предложил назвать Хедвиг, она, в отличие от Коросты, была здоровая и красивая.

Питер, сидевший у аккуратного Перси в клетке, тоже удивился. Еще никто не называл его милым или хорошеньким, ни в человеческом образе, ни в зверином. В глубине души Петтигрю считал себя некрасивым жирным уродцем, ему было странно, что его хвалили.

— Можно, я ее подержу? — Гарри забрал клетку из рук Перси.

Когда мальчик поднес крысу, держа клетку двумя руками, себе на уровень глаз, Питер так испугался, что ему хотелось обратиться и аппарировать куда угодно, лишь бы долой от этих зеленых глаз Лили Эванс, смотревших на него с лица Джеймса Поттера.

Так Джеймс выглядел, когда они познакомились в вагоне Хогвартс-экспресса.

Но потом сидевший в клетке Питер успокоился. Гарри ведь не мог ни о чем знать? Он оказался добрым наивным ребенком, который за обедом выпросил у Перси крысу себе в подарок. Это было приятно.

Юный Поттер хорошо о Питере заботился: поселил в красивую и более комфортабельную клетку, кормил свежими овощами, вареными яйцами и творогом, а не тем жутким крысиным дешевым кормом, что часто давали Уизли, поил молоком. Гладил по шерстке и называл самой прекрасной в мире Коростой.

В эти моменты Питер чувствовал себя почти счастливым, что он хоть для одного Поттера, пусть даже в виде крысы, смог стать особенным, а не быть на вторых ролях, как у Джеймса. За это Петтигрю того и предал. Он отчаянно ревновал друга к Сириусу, а потом к Лили. Непонятная и ненормальная привязанность к школьному товарищу, признаться в природе которой Питер не смог даже самому себе, с годами превратилась в ненависть...

В день, когда Гарри стал жаловаться, что у него устают глаза и, похоже, ему перестали подходить очки, ничто не предвещало беды.

Молли предложила мальчику сходить в госпиталь имени Святого Мунго, чтобы проверить зрение.

То, что Поттер взял его, Питера, с собой, волшебника не насторожило. У Гарри уже вошло в привычку везде таскать клетку с крысой с собой.

«Коросте скучно одной в комнате», — и все восторгались, какое у ребенка доброе сердце, какой тот ответственный и заботливый.

Посещение целителя, в результате, превратилось в экскурсию по госпиталю,

организованную для мальчика-который-выжил.

Каждый был счастлив встретить его в своем отделении и рассказать, чем занимается и кого лечит.

Гарри задавал вопросы, крутил головой, переспрашивал, вел себя открыто и непосредственно.

Так они дошли до пятого этажа, где занимались снятием последствий проклятий. И как-то так получилось, Питер даже не заметил, как именно, что Поттер начал расспрашивать про превращения в животных, что бывает ли такое, или это сказки. Ему тут же с удовольствием стали рассказывать про анимагию, в том числе, и принудительную. Что от нее расколдоваться очень сложно, если не знаешь как, и превращенных волшебников, в таких случаях, относят к целителям.

Гарри тут же спросил, можно ли понять, что это действительно был человек с самого начала, а не животное.

— Ведь я тоже могу сказать, что моя крыса человек, а ведь это не так. Вы попытались бы превратить её в волшебника, но ничего бы не получилось, — Поттер смотрел на целителя, явно сомневаясь в его словах.

— О, юноша. Для этого есть специальное заклинание, — колдомедик поспешил развеять скепсис национального героя. — Я сейчас пошлю его в Вашу крысу, с Вашего позволения, и если воздух возле нее засветится красным...

Воздух не просто засветился, а ярко вспыхнул багряным. Все же, Питер был не самым слабым магом.

Потом все произошло очень быстро.

Последнее, что помнил Петтигрю перед тем, как впасть в беспамятство, — это напряженное лицо целителя и луч заклинания, летевший в него, Питера. Очнулся он уже человеком в камере в тюремной одежде, а потом его повели на допрос. И все...

— Нет! Это все неправда! Меня заставили! Я не хочу в Азкабан! — кричал Питер, падая на колени и цепляясь за ноги брезгливо удерживавших его за руки авроров. Действие сыворотки правды закончилось, к трусу и предателю вернулись все его чувства и эмоции. В результате, преступника уволокли.

И в это же время маленький, никем не замеченный жук улетел в окно.

Глава 8

«Сириус Блэк невиновен! Десять лет в Азкабана без суда и следствия!» — с газетной передовицы на читателей смотрело лицо улыбавшегося двадцатилетнего, одетого в аврорскую мантию молодого человека. Сияющие глаза, вьющиеся мелким бесом длинные черные волосы — юный Сириус Блэк, несомненно, был красавцем.

Читавший статью про самого себя, лежавший в палате госпиталя имени святого Мунго мужчина выглядел лет на пятнадцать старше и был изможден.

Он был истощенным, с острыми проступавшими сквозь кожу ключицами, торчавшими, как у скелета, ребрами, скрытыми больничной пижамой тощими руками и ногами. Лишь запавшие, выглядевшие темными провалами на исхудавшем лице, но все еще такие же яркие, как и десять лет назад, глаза свидетельствовали о том, что Сириус Блэк каким-то чудом не сошел с ума рядом с дементорами, сохранив разум.

— Вам пора обедать и пить зелья, — в палату зашла улыбающаяся колдоведьма и поставила на колени находившегося на кровати мужчины поднос с едой, подоткнув тому под спину высокую подушку, чтобы пациент мог покушать сидя, не вставая с постели. Сейчас все пытались угодить оклеветанному герою, жалели его и старались лечить как можно лучше. Женщина даже попыталась покормить Сириуса с ложечки, но тот ее остановил:

— Красавица, я не парализован, слава Мерлину, — он ей улыбнулся и подмигнул, а затем взялся за поглощение жидкой овсянки, перетертого мяса, запив все это бульоном. Ничего другого желудок привыкшего за долгие годы к каше-размазне бывшего арестанта пока не принимал.

— А теперь зелья, — терпеливо дождавшаяся, пока пациент поест, целительница протянула Сириусу кружку, тот ее схватил тощими длинными пальцами и выпил содержимое залпом. Варевое оказалось на удивление вкусным, а не тошнотворным, как ожидалось. Мужчина ощутил прилив сил. Руки больше не дрожали, а ноги согрелись и не мерзли.

— К Вам пришел посетитель, мистер Блэк, Ваш крестник, Гарри Поттер, — в голосе целительницы прозвучали нотки обожания и восхищения. — Он такой замечательный мальчик!

— Сириус, Роза, я же просил, называй меня по имени, — мистер Блэк всегда флиртовал с женщинами на людях, зарабатывая себе репутацию плейбоя, которым, на самом деле, никогда не являлся. Он делал это автоматически, отводя подозрения от истинного положения вещей.

Дорея и Карлус Поттеры не просто так встретили с распростертыми объятиями невестку-грязнокровку. Они обрадовались бы любой: горбатой, хромой, разведенной с тремя детьми, старше Джеймса на десять лет — лишь бы она была женщиной, а Лили Эванс оказалась красивой юной и талантливой ведьмой, отвадившей их единственного сына от порока.

Пожилые родители слишком избаловали своего единственного позднего и долгожданного сына, тот всегда получал все, что хотел. Когда у шестнадцатилетнего Джеймса разыгрались гормоны, он решил попробовать секс с лучшим другом. Это связь стала для юноши не более, чем подростковым экспериментом, растянувшимся во времени, потому что Лили не давала, а с Сириусом было легко и удобно. Для юного же Блэка Джеймс Поттер стал смыслом всей жизни.

Если бы у Сириуса, напоив его зельем веретасерум, спросили, как он относился к своему другу, тот бы ответил: «Я его люблю».

Вальпурга, которая вовсе не была наивной и все заметила, устроила сыну скандал, после которого тот ушел из дома, а разъяренная женщина выжгла Сириуса с семейного гобелена.

Старый Кикимер, который знал всю эту историю, не просто так ворчал о недостойном сыне, разбившем сердце собственной матери.

После этого Сириус стал осторожнее, он не хотел стать предметом грязных сплетен. Поэтому завел себе почетную репутацию бабника, не пропускавшего ни одной юбки, а потом у него даже появилась девушка, Марлин Маккинон. Боевая подруга по Ордену Феникса, ничего серьезного между ними не было — несколько свиданий, пара поцелуев, но все считали их парой. После гибели Марлин от руки пожирателя смерти, Сириус «берег память о ней», чем заслужил всеобщее уважение.

Когда Джеймс женился и позже, когда скрывался под Фиделиусом в Годриковой Лощине, то пенял другу, что тот про него совсем забыл. А Сириусу было больно смотреть, как бывший любовник счастлив с молодой женой, но был рад, что друг счастлив, пусть даже не с ним. Это было болезненное, жертвенное чувство, когда человек ничего для себя не просит.

И вот сейчас на пороге его палаты должен был появиться сын Джеймса и Лили, которому он, Сириус, на год летающую метлу подарил.

Подспудно мужчина ожидал увидеть карапуза, но никак не десятилетнего мальчика, похожего на Джима в том же возрасте, как две капли воды, разве, что оказался ниже ростом. Те же черты лица, так же взлохмаченные волосы, даже галстук был так же повязан и столь же небрежно наброшена мантия поверх повседневной одежды. Если бы не зеленые глаза, которые сейчас смотрели на него, Сириуса, с удивлением, граничащим с шоком и жалостью, то Блэк был бы готов поклясться, что перед ним Джим.

Гарри, тем временем, сделал пару шагов к кровати, потом подбежал к ней, обхватил Сириуса за шею и разрыдался. И бывший узник Азкабана услышал, что мальчик сквозь слезы прошептал, всхлипывая: «Ну как же так, Бродяга? Как же ты так?»

Но переспрашивать не стал, а то еще приняли бы за душевнобольного.

Увидев своего крестного, Гарри был действительно в шоке, тот был похож на узника фашистского концлагеря.

«Довели человека» — сердце у бывшей Александры Владимировны было не каменным, поэтому мальчик разревелся на груди мужчины вполне искренне.

А вот оговорка, когда он назвал крестного Бродягой, была спланирована заранее.

В день освобождения Сириуса, когда того только перевели в госпиталь имени святого Мунго, на пороге дома Артура Уизли появился одетый в выдавшуюся вида, но хорошо отглаженную мантию мужчина.

Тот долго извинялся, что пришел без приглашения, но супруги Уизли приняли гостя радушно и представили всем, как Ремуса Люпина.

В результате застольной беседы, умело задавая наводящие вопросы, Гарри выяснил, что тот был другом его отца и крестного.

Мальчик к этому побитому жизнью человеку никаких претензий не имел. Дамблдор никогда бы не подпустил к избранному, которого старик спрятал ото всех, оборотня. Тот бы увидел, как к Гарри относятся Дурсли и загрыз бы в полнолуние всех троих.

Вместо того, чтобы предъявлять претензии, Гарри стал жаловаться, что не видел ни одной фотографии мамы и папы, не говоря уже о крестном, и понятия не имеет, как они выглядят.

Молли и Артур были другого года выпуска, и колдографий Лили и Джеймса у них не было даже групповых.

Перси, поддерживая беседу, заметил, что если бы нашелся думосброс, то Люпин мог бы слить туда свои воспоминания о друзьях, а Гарри их посмотреть. Ремус тут же на это согласился.

Молли вспомнила, что думосброс был у живших по соседству Лавгудов, к которым, в результате, направились всей толпой.

Оказалось, что на тот день у миссис Лавгуд был намечен какой-то сложный и опасный эксперимент, который ради такого случая решили отложить.

Ксенофилиус притащил тяжелый думосброс, который установили на чугунную треногу и Ремус начал сливать туда свои воспоминания. Его заверили, что, конечно же, после просмотра он заберет их обратно.

Тишина, образовавшаяся при этом, была нарушена восклицанием Пандоры Лавгуд: — Это неверно! Я все перепутала!

После чего она вскочила с кресла и обняла мужа и дочь, прижимая их к себе.

«Похоже, Луна не останется сиротой», — все же, попадание души Александры Владимировны в тело Гарри Поттера изменило реальность волшебного мира очень сильно. Возможно, именно в этот день миссис Лавгуд должна была погибнуть на глазах родной дочери.

Тем временем, Ремус закончил сливать воспоминания о своем детстве и отрочестве, и Гарри опустил голову в думосброс. Это было круче, чем фильм 5D, здесь ощущался эффект полного погружения и присутствия. Мальчик смотрел и насмотреться не мог, настолько все было интересно. И чем дольше он наблюдал за своим крестным и отцом, тем больше убеждался, что ни Гермионе Грейнджер, ни другой самой распрекрасной женщине рядом с Сириусом Блэком делать нечего. Тот был по уши влюблен в своего друга Джеймса Поттера.

«Как этого никто не замечал?! Уму непостижимо! Где у всех были глаза, на жопе?» — Александра Владимировна стала вспоминать канон.

Сириус Блэк воспринял гибель друга, как личную трагедию, и вел себя, словно буйно-помешанный, обвинял себя во всем, дал посадить себя в Азкабан, хотя был аврором и знал законы. Суда над собой не требовал, убежать, хоть мог это легко сделать, не пытался. А убежал тогда, когда узнал, что Питер Петтегрю жив и здоров. Сириус стремился не к крестнику, Блэк решил убить крысу. В Хогвартсе, проникнув в башню Гриффиндора, не стал общаться с Гарри, а полез к кровати Рона, где спала крыса. Все складывалось одно к одному.

Тут в голове Гарри сложился очередной план. Если уж так случилось, что Сириус Блэк любит Джеймса, то почему бы не дать хорошему человеку смысл и радость жизни?

«И искать никого не надо будет, он упадет к моим ногам спелой грушей» — собираясь в больницу, Гарри копировал перед зеркалом манеру держаться своего отца, благо сделать это было нетрудно. В той, прошлой жизни Александра Владимировна, самостоятельно достигнув определенного социального положения, привыкла к тому, что все вокруг делают то, что захочет ее левая нога. Интонации голоса, построение речи, манера причесываться и носить одежду. Гарри целенаправленно создавал из себя копию своего отца, усилия для этого пришлось приложить минимальные.

Судя по взгляду Сириуса, Гарри преуспел в своем начинании.

«Ничего, вылечим, откормим, от морщин избавим, снова станешь красавцем», — мальчик обнимал мужчину за шею.

Во время этой душещипательной сцены в палату вошел Корнелиус Фадж и вездесущая

Рита Скиттер.

— Не груби ему, он тебя освободил, — прошептал Гарри крестному на ухо и посмотрел благодарно на министра, шмыгнув носом и стерев слезу с щеки.

Снимок получился шедевальным: заплаканный, но сияющий от счастья мальчик, его растерянный крестный — жертва халатности Крауча (крайнего нашли очень быстро), лежащий в кровати, и обнимающий их за плечи Фадж, Министр Магии, борец с несправедливостью и просто Отец Нации.

Гарри был в этот момент далек от альтруизма, ему необходимо было добиться, чтобы Корнелиус ел у него с руки. А Сириус? Для Гарри Поттера тот готов был сделать очень многое, для Сохатого же, пусть почти полностью потерявшего память и каким-то чудом в ту проклятую ночь вселившегося в тело убитого Авадой Кедаврой собственного сына, Бродяга сделал бы что угодно.

Поэтому надо было постоянно подкидывать Сириусу пищу для размышления, чтобы тот сам припер вновь обретенного «Сохатого» к стенке и заставил признаться в том, кто тот такой на самом деле.

Гарри надо было избавить крестного от влияния Дамблдора. Он точно так же, как и старик, умел загонять людей к счастью железной дубиной, решая, что для тех будет плохо, а что хорошо. Только вот, в отличие от Альбуса, он понимал, что некое абстрактное всеобщее благо складывается из благополучия каждого отдельного человека.

Глава 9

— Папа! Купи эту метлу! Ну, купи, ну, пожалуйста! Посмотри, «Нимбус-2000», какая она маневренная! — канючил в магазине спортивного инвентаря платиновый блондин на вид лет одиннадцати тоненьким мальчишеским голосом, обращаясь к высокому светловолосому мужчине с длинными волосами и миловидной женщине, одетой в нежно-голубую шёлковую мантию и шляпку с цветами.

— Ребята, проходите! Именно про эту метлу я вам говорил. Нравится? — в торговом зале появился Сириус Блэк собственной персоной, вслед за ним вошли Гарри и Рон, которых мужчина взялся сопровождать за покупками перед школой. Выглядел он так, словно недавно слез с тяжелых наркотиков. Но роскошная мантия из кашемира (Сириус все еще все время мерз) и перстень на руке с огромным сапфиром заставляли думать, живи Блэк среди магглов, о благородной героиновой потрепанности.

— В нашем магазине все только лучшее!

— Папа! Это же Гарри Поттер! — слова продавца и возглас мальчишки, который до этого выпрашивал себе новую метлу, прозвучали одновременно.

— Я Драко Малфой, будешь со мной дружить? — белобрысый мальчик с тонкими чертами лица протянул руку тому, о встрече с кем мечтал, начиная с пяти лет.

Во взгляде растерявшего на время всякую надменность ребенка было столько всего намешано: вызов, надежда на грани отчаяния, неприкрытый интерес, что Гарри решил, что отвергнуть этот жест немилосердно.

«Да не оскудеет длань даящего», — юный Поттер пожал руку Драко в ответ.

— Приятно познакомиться, я Гарри Поттер, — мальчик решил соблюсти формальности, — мы будем с тобой друзьями, Драко, если ты станешь уважать моих друзей.

Герой волшебного мира однозначно намекал на пыхтящего от возмущения, словно чайник, у него за спиной Рона.

— Пожмите друг другу руки, вы же родственники, нехорошо отвергать родную кровь, — Гарри явно наслаждался мизансценой, наблюдая не столько за детьми, сколько за взрослыми.

У Сириуса был вид, словно тот хотел попросить стул и послать кого-нибудь за попкорном, Нарцисса сжимала в руках платок и явно опасалась скандала, Люциус кипел от возмущения, но сдерживался.

«Вот ведь говнюк высокомерный», — Александра Владимировна оценила блондина и пришла к выводу, что тот хорошо себя чувствует лишь благодаря накопленным предыдущими поколениями капиталам.

«Будь он бедным с таким характером, то мыл бы сортиры и систематически по морде получал. Интересно, его жена понимает, какой он надутый павлин?»

Рон и Драко, тем временем, не желая ссориться с Гарри, пожали друг другу руки так быстро, словно оба боялись ошпариться.

— Драко Малфой — Рон Уизли, — протараторили они и выдохнули, после чего Драко боязливо оглянулся на родителей, чтобы увидеть нечитаемый взгляд отца и сопереживающий — матери.

В этот момент Сириус громко зааплодировал и соизволил заметить родственников.

— Нарцисса, Люциус, — он склонился в церемонном поклоне, больше похожем на шутовской, и приложился к ручке кухни. — Десять лет вас обоих не видел! Как у вас дела?

— Спасибо, великолепно, — мистер Малфой улыбнулся, приняв соломоново решение не лезть в бутылку. Нарцисса и Драко с облегчением выдохнули.

— Вот зашел купить сыну новую метлу, «Нимбус-2000», — в этот момент Драко чуть от радости не подпрыгнул.

— Надо же, какое совпадение, мы тоже за ней пришли. Милейший, — обратился Сириус к продавцу, подзывая его к себе, — покажите мальчикам метлы поближе.

— Люциус, он же на ней убьется! — прошептала мужу, тем временем, Нарцисса.

— Не убьется, он взрослый, — мистер Малфой не мог допустить, чтобы у его сына метла была хуже, чем у какого-то Уизли, который явно пользовался покровительством мальчика-который-выжил и его крестного.

— Люциус Малфой, приятно познакомиться, — оставшись с Гарри наедине, воспользовавшись моментом, когда Нарцисса, Сириус, Драко и Рон отошли к стеллажу с новинкой, мужчина, склонившись к мальчику, протянул ему руку с той же целью, что и его сын три минуты назад.

— Люциус, мой скользкий друг, — Александра Владимировна решила не обманывать ничьих ожиданий, и мистера Малфоя, в том числе. Тот ждал своего Лорда, считая Гарри Поттера новым его воплощением. Пусть он его получит, целее будет.

Вместо рукопожатия, мальчик накрыл пальцы мужчины своими пальцами — легкое касание, на пару секунд, посмотрел Люциусу в глаза и улыбнулся ему ободряющей, покровительственной улыбкой из той своей, прошлой жизни. — Я рад видеть тебя и Нарциссу в добром здравии.

Это был тот момент, когда мистер Малфой не сумел справиться со своей мимикой. На долю мгновения его лицо окаменело, а потом на нем отразились такая радость, такое ликование, что мужчина словно помолодел на десять лет.

Со стороны все смотрелось абсолютно нормально. Ничего удивительного при встрече с Мальчиком-который-выжил не произошло, ему почти все радовались.

— Я знал... Я верил, — мистер Малфой утратил дар речи, на его губах появилась нормальная, а не надменная улыбка, хотя, немного заискивающая.

«Чем же Том их всех так взял?» — В меня здесь все верят, — в голосе мальчика прозвучали ехидство и легкий сарказм.

— Кстати, когда Артур забирал меня от маггловских родственников Гарри Поттера, он им разнес бомбардой половину гостиной. И, представляешь, даже не извинился. Так что слухи об его магглолюбии сильно преувеличены. Надеюсь, если вы встретитесь, то не подеретесь. И вот еще что, Люциус, — направляясь к Сириусу и Рону, которые уже заметили его отсутствие и звали к себе, Гарри обернулся к мужчине, — передай через Драко мне в школу тетрадь, что я тебе оставил. Никому ни о чем не рассказывай, даже жене. Был рад тебя встретить, — мальчик повернулся к мистериу Малфою спиной и отошел в сторону.

— Да, мой Лорд, — произнес тот вслед своему кумиру еле слышно.

«Что за идиот?» — размышлял Гарри, оглаживая рукой полированное древко «Нимбуса-2000».

«Если бы я захотел, он бы мне, наверно, дал? Да, однозначно, дал бы» — вариант с Люциусом Малфоем был интересным и перспективным. Тот был красивым мужиком.

«Конечно, в связи с Люциусом никогда не будет душевности отношений с Сириусом, но, зато, Малфой безотказен и с ним можно не церемониться» — Александра Владимировна моногамной была лишь в ранней юности, любовников заводила до старости, пока позволяло здоровье, причем, даже за деньги, поэтому рассуждала довольно цинично. Зачем отказываться от того, что само плывет в руки? Да и вопрос с еще одним хоркрусом

Волдеморта был решен. Гарри был уверен, что Люциус беспрекословно выполнит его распоряжение.

— Гарри! — от размышлений о будущем мальчика оторвал Рон. — Наши монограммы на метлах будут готовы только через час! — Уизли разве что, как лампочка, не светился. Казалось, что от охватившего его энтузиазма и брызжущей от радости энергии можно было вырабатывать электричество.

— Предлагаю в это время поесть мороженого у Фортескью, — Драко, похоже, взял себя в руки и пытался вести себя светски. Со стороны это выглядело столь потешно, что Гарри умилился.

«Это было хорошей идеей», — доедая остатки мороженого со дна стеклянной креманки, Гарри вполуха слушал дискуссию мальчиков о квидиче и вспоминал месяц, прошедший с момента освобождения Сириуса. Во время него столько всего произошло...

Глава 10

Тетрадка стала уже пятым хоркрусом, который удалось обнаружить с того момента, как Сириус Блэк вышел из Азкабана.

Пролежав в палате в постели предписанные ему две обязательные недели и ни секундой дольше, мужчина вместе с Гарри, который захотел помочь крестному освоиться в изменившемся мире, камином ушел из больницы имени Святого Мунго прямо в дом, где проживал до своего ареста.

Увитый плющом особнячок, построенный из красного кирпича, был подарен Сириусу его неженатым и бездетным дядей Альфардом, который был выжжен с семейного гобелена Вальпургой Блэк по той же причине, что и ее непутевый старший сын. А еще из чувства солидарности «убежденный холостяк» отсыпал племяннику изрядное количество золота. Столько, что тот, если бы захотел, мог бы до конца жизни ни в чем себе не отказывать и не работать.

Вышедшие из камина Сириус и Гарри увидели перед собой разгромленную гостиную, в которой очевидным образом лет десять назад проводился обыск. Перевернутые столы и стулья, вытряхнутые ящики, разбитая посуда — все это было покрыто историческим слоем пыли.

— Может, мы поживем в гостинице, пока здесь в порядок все не приведем? — оценив масштаб работы, спросил Гарри у Сириуса. — Или позовем на помощь Молли? — мальчик вспомнил, как та оперативно убралась у Дурслей. «Интересно, у магов есть профессиональный хаускипинг?»

— Нет, не надо ее звать. Но ты подал мне идею. Кричер! — рявкнул внезапно мистер Блэк и посреди комнаты материализовалось одетое в грязную наволочку лопухое низкорослое существо с обвисшей кожей.

«Редкостный уродец» — констатировала Александра Владимировна.

«Как у волшебников дети заиками не вырастают, если они с детства видят вот такое?»

Домовик оказался не только некрасивым и неряшливым, но еще и дурно воспитанным. Вместо того, чтобы поприветствовать хозяина, он тут же начал причитать о недостойном Сириусе Блэке, разбившем сердца отца и матери и даже не побывавшем на их могилах. Гарри, возможно, такое и вытерпел бы, но Александра Владимировна была возмущена до глубины души.

— Сириус, я сейчас, — Гарри быстро поднялся на второй этаж и, осматривая комнаты, нашел вываленные, вероятно, тоже во время обыска, на пол из ящика комода носки хозяина дома.

«То, что надо», — мальчик взял парочку и спустился обратно в гостиную, где Кричер продолжал препираться с Сириусом.

— По-моему, он бесполезен. Подари ему это, и пусть проваливает. Без него справимся, — Гарри протянул мужчине носки.

Зачем угрожать домовику изгнанием, когда можно показать наглядно, сделав угрозу реальной?

— Правильно Со... Гарри, — Сириус поправился в последний момент, оговорился он неслучайно. Откуда было знать выросшему с магглами мальчику, как навсегда выгнать домового эльфа? Это выходка была, как раз, в стиле Джеймса Поттера. Да и спальню с хранившимся там нижним бельем Гарри нашел подозрительно быстро.

«Мерлин. Неужели такое возможно?» — надежда была слишком сильной, такой же сильной, как и страх ошибиться с выводами.

— Кричер, — Сириус приблизился к понявшему, что происходит и моментально

заткнувшемуся домовику, — я тебе да...

— Нет! Хозяин! Простите, Хозяин, глупого Кричера! — эльф бился головой об пол и клялся, что никогда-никогда не позволит себе ничего подобного, заламывал руки к потолку и пытался облобызать хозяйские ботинки. Невозможность увидеть портрет обожаемой Вальпурги Блэк стала бы для эльфа настоящей трагедией. В какой-то момент из-под «ворот» ветхой наволочки, заменявшей Кричеру одежду, вывалился золотой медальон на толстой цепочке.

— Да ты еще и вор, к тому же?! — возмущенно прикрикнул на несчастное создание Сириус, спровоцировав того на исповедь.

Далее все закрутилось очень быстро: рассказ Кричера о подвиге Регулуса Блэка и невозможности выполнить данное тому обещание уничтожить «проклятую вещь».

Слово «хоркрус», шок, осознание проблемы и сожаление Сириуса, что сейчас у него еще не хватает магической силы, для того, чтобы испепелить эту дрянь адским огнем.

Предложение Гарри воспользоваться административным ресурсом, то есть — помощью Фаджа, прибытие последнего в компании начальника Отдела Тайн, который, собственно говоря, и забрал медальон, принадлежавший некогда самому Салазару Слизерину...

Все это превратилось в водоворот событий, во время которых гостиняя, благодаря действиям все еще боящегося, что его выгонят, и поэтому расстаравшегося на славу домовика, чудесным образом преобразилась: паркет заблестел, люстра сияла, тюль на окнах радовал воздушной белизной, а гардины — яркими красками. Стулья, целые и невредимые, стояли вокруг покрытого накрахмаленной скатертью стола.

Теперь в этом месте можно было принимать пищу. Сириус, сменив гнев на милость, послал Кричера за едой в ресторан.

Запивая разбавленным минеральной водой белым вином фаршированные черной икрой перепелиные яйца и заедая эту пищу богов своим любимым фуа-гра, Гарри, вернее Александра Владимировна, подумала, что все складывается прекрасно.

Молодое тело, никаких болезней, много-много денег, красивый мужчина, которого, правда, надо будет привести в порядок, (но пока я маленький, пусть походит страшным), никаких бытовых проблем. Что еще надо человеку для счастья?

Начавший на полную катушку наслаждаться жизнью мальчик даже не подозревал, что передача хоркруса Фаджу повлечет за собой череду событий, о которых он, Гарри, узнает лишь по факту.

Глава 11

Корнелиус Фадж никогда не был дураком. И трусом он тоже не был. Ему, скорее, были присущи такие качества, как дипломатичность, осторожность и умение сглаживать острые углы. Он не любил громкие публичные заявления и открытые конфликты. Именно это позволило Фаджу, занимавшему на момент первой гражданской войны 1975—1981 годов высокую должность в Министерстве Магии, остаться нейтральным политиком. Он сумел не примкнуть ни к крайне правому, ни к крайне левому радикальному крылу волшебного общества того времени: Ордену Вальпургиевых рыцарей и Ордену Феникса, соответственно. Фадж всю жизнь занимал центристскую позицию, что позволило, в конце концов, ему выиграть выборы и стало, в дальнейшем, его политическим кредо. Корнелиус считал, что обществу не нужны потрясения, что обыватели имеют право жить тихо и спокойно и ничего не знать про те гипотетические угрозы, которые над ними периодически нависают. Но это не означало, что Фадж не осознавал реальность этих угроз и не боролся с ними.

Когда начальник отдела Тайн пришел с докладом о том, что в упокоенной невыразимцами части души Тома Риддла, называвшего себя Темным Лордом и Лордом Волдеморт, находилось менее половины целой души, Министр не на шутку обеспокоился.

Это означало лишь одно — существовал еще хотя бы один хоркрус, и его необходимо было обязательно найти и обезвредить.

С этой целью была сформирована аналитическая группа из невыразимцев, которые, обработав тонны архивной информации, пришли к выводу, что с самой высокой долей вероятности Том Риддл спрятал хоркрус либо в особняке Риддлов, доставшемся ему по наследству от отца маггла, либо — в находившейся поблизости лачуге Гонтов, или отдал на хранение фанатично преданной ему Беллатрикс Лестрейндж, урожденной Блэк, которая по оперативной информации с шестнадцати лет была его любовницей.

Результаты поисков оказались неожиданными.

В подвале обветшавшего особняка Риддлов нашли огромную спящую змею, в которой обнаружилась частичка души Того-кого-нельзя называть.

Лачуга Гонтов принесла огромный сюрприз — вместительнее для своего хоркруса Том Риддл выбрал ни больше, ни меньше — кольцо с легендарным воскрешающим камнем, который до этого момента считался детской сказкой.

«Темный Лорд действительно был необыкновенным, раз смог раздобыть такое сокровище», — но от того лидер Вальпургиевых рыцарей виделся куда более опасным, могущественным и безумным.

Министру не нужны были конкуренты в виде всяких воскресших Темных Лордов.

Поэтому к Беллатрикс Лестрейндж Корнелиус Фадж в сопровождении невыразимца-легилименты, переодетого в обычного охранника, отправился лично.

Азкабан был и оставался отвратительным местом, мрачным и зловещим. Глядя на худую, с длинными спутанными в колтун волосами, одетую в рваное от старости платье вцепившуюся, при виде пришедших к ней посетителей, в решетку женщину, Министр содрогнулся и подумал, что та давно сошла с ума.

Это было ужасно, Корнелиус помнил ее прекрасной, блиставшей на приемах и Министерских балах высокородной леди, неприступной красавицей.

«Заключение никого не красит», — несмотря на совершенные этой женщиной злодеяния, Фаджу, как мужчине, стало ее жалко.

— Миссис Лестрейндж, — обратился он к выглядевшей невменяемой арестантке, — Я Министр Магии, Корнелиус Фадж. Я пришел, чтобы поговорить с Вами.

— И что от меня надо самому министру? — Беллатрикс отпрянула от решетки и громко расхохоталась, обнажая грани собственного безумия.

— Я хотел спросить Вас, миссис Лестрейндж, не отдавал ли Вам Ваш Лорд что-нибудь на хранение. Возможно, что-то очень ценное и редкое?

У самой преданной сторонницы Того-кого-нельзя-называть была очень выразительная мимика, стало ясно сразу, что да, что-то ей Волдеморт оставлял.

Мысль оказалась на поверхности на долю мгновения, но опытному легилименту хватило времени, чтобы перехватить взгляд женщины и ее считать.

В воспоминании, которое удалось увидеть, в спальню тогда еще совсем юной девушки вошел одетый в домашний халат высокий красивый мужчина.

— Белла, я хочу тебе кое-что показать, — он присел к любовнице на кровать, протягивая ей красивую золотую чашу.

— Что это? — руки, взявшие сокровище, были холеными и красивыми. — Она прекрасна, Милорд, — ей нравилось так называть своего любимого.

— Я хочу, — Темный Лорд погладил Беллу по волосам, — чтобы ты положила ее в свой личный сейф. Это чаша самой Хельги Хаффлпаф.

— О, Милорд! — девушка решила, что обожаемый мужчина сделал ей роскошный подарок.

— Я знаю, что могу рассчитывать на тебя, моя милая... — лицо Тома Риддла было все ближе, ближе, так, словно он хотел Беллу поцеловать...

Легилимент покинул сознание женщины. То, что он хотел узнать, он узнал, а остальное смотреть было не этично.

— Ненавижу!!! — поняв, что произошло, Беллатрикс сжала кулаки и заорала так, что, казалось, содрогнулись каменные стены.

«Откуда в этом тщедушном истощенном теле столько силы?» — несмотря на кажущуюся хрупкость, миссис Лестрейндж была полна ненависти и собиралась поплясать на могилах своих посетителей.

Этот министр и его подпевала вторглись в самое светлое, интимное, дорогое для нее, то, что давало силы жить и не сходить с ума.

— Будьте вы прокляты! Он вернется и накажет всех вас! — бесновалась она в камере.

— Подлые скоты! Плебеи! Предатели крови!

— Кажется, нам пора. Прощайте, миссис Лестрейндж, — Фадж понял, что договориться с этой фанатичкой не удастся, и пошел к выходу.

Той же ночью по личному приказу Министра (в исключительных случаях тот имел право на подобные полномочия, а это был именно такой), Беллатрикс поцеловал дементор.

После чего Корнелиус обратился к ее мужу, Рудольфусу, с более чем щедрым предложением: амнистия в обмен на доступ к унаследованному им сейфу.

Тот отказался. Не прошло и двух дней, как главу рода Лестрейндж нашли в его камере мертвым.

Рабастан оказался куда более сговорчивым. Когда его арестовали десять лет назад, ему было всего двадцать шесть. Ему хотелось еще пожить, он чувствовал себя обязанным продолжить род. Деверь покойной Беллатрикс, ставший ее единственным наследником, дал нерушимый обет, что, как только его амнистируют, он лично проводит невыразимцев в необходимый им сейф и позволит им вынести оттуда чашу Хельги Хаффлпафф. Так же он поклялся полностью компенсировать стоимость лечения Френка и Алисы Лонгботтомов в госпитале Святого Мунго и выплатить щедрую компенсацию их семье: Августе и Невилу Лонгботтому...

— И, вот, древняя реликвия спасена! — хвалился Корнелиус перед Гарри и Сириусом, обедая в их доме.

Конечно, он мог ни о чем не рассказывать, но, учитывая обстоятельства (все, что касалось хоркрусов, было строго засекречено), они были единственными, перед кем господин Министр мог похвалиться своими достижениями. Никто не совершенен, Фадж был хвастлив, тщеславен и жаждал одобрения.

Существовала еще одна причина подобной откровенности. Необходимо было объяснить Сириусу Блэку, который после полного восстановления магических сил собирался продолжить свою прерванную службу в Аврорате, истинную причину, по которой младшего Лестрейнджа, обвешенного обетами, словно рождественская елка — гирляндами, отпустили на все четыре стороны из Азкабана. Официальная версия амнистии была такова: находился под заклятием Империи, что выяснилось при допросе под веритасиумом. Вряд ли Сириус Блэк ей поверил. А, оформив официальную опеку над крестником, мужчина мог стать серьезным препятствием для доверительного общения с Избранным, чья поддержка Фаджу была необходима, прибавляя очки его популярности. «Оперативно сработали!» — если честно, Гарри не ожидал от немного вальяжного Министра такой прыти.

— Да, Гарри, сама чаша Хельги Хаффлпафф! — Корнелиус по-своему объяснил удивление, появившееся на лице мальчика. — Я буду вручать ее целителям в Святом Мунго на следующей неделе. Приглашаю тебя и Сириуса туда в качестве почетных гостей.

— Пойдем? — Гарри повернулся к сидевшему за столом с задумчивым видом мужчине.

— Корнелиус, ты меня удивил, если честно, — произнес тот, в конце концов. — Я думал, ты размазня, а ты прешь напролом.

— Я могу считать это комплиментом? — Фадж, как обычно, постарался сгладить острые углы разговора, не зная, куда тот мог завести.

— Да, черт подери, это круто, Корнелиус! — отмер, наконец, мистер Блэк. — Но этот Лестрейндж на свободе, не нравится мне это.

— Мне тоже, но это была единственная возможность добраться до сейфа. Если бы умер и младший брат, могли бы начаться судебные разбирательства среди потенциальных наследников. Дело затянулось бы на несколько десятков лет. Я не мог так рисковать. Фадж не стал признаваться в том, что был готов собственноручно наложить на младшего Лестрейнджа Империи, если бы тот не согласился сотрудничать добровольно.

— Мы придем на вручение чаши, можешь на нас рассчитывать, — тема была закрыта и теплая компания приступила к десерту...

— Гарри... Гарри! Ты слышишь меня? — пронзительный тонкий голос доевшего мороженое Драко Малфоя отвлек мальчика от воспоминаний.

— Пока мы ели, мама ходила смотреть волшебные палочки и говорит, что у Олливандра сейчас нет покупателей и уместно его посетить, — он пытался вести себя, как взрослый, и, с точки зрения Александры Владимировны, выглядел уморительно. Малфой втерся в друзья к Гарри Поттеру и вцепился в него, как клещ, к неудовольствию Рона Уизли.

— Отлично. Драко, Рон, пойдете! — привычка Александры Владимировны руководить никуда не делась. Мальчики встали, пока взрослые расплачивались.

— Но... — шестой Уизли хотел сказать, что у него уже есть волшебная палочка, которую ему подарил Чарли на день рождения, вместе с перчатками и фартуком для зельеварения из кожи дракона.

— Все потом, а сейчас мы пойдём и купим тебе палочку, — Гарри сделал акцент на

последних трех словах, произнеся их с некоторым нажимом.

Надо было потом намекнуть Рону, чтобы тот перед родителями помалкивал об этой покупке, а впоследствии, на втором курсе, например, признался, что случайно сломал палочку брата и приобрел себе новую, свою собственную.

Дополнительная волшебная палочка, которая числится за взрослым и которую никто не отслеживает, по мнению Гарри, открывала перед ними огромные перспективы.

«Сириус бы одобрил».

А затем все случилось, как в книге Роулинг.

Гарри выбрала палочка-близнец палочки Волдеморта, после чего Олливандер двинул спич об ужасных, но великих делах. Люциус Малfoy, который на этот раз присутствовал при покупке, окончательно удостоверился, что его обожаемый Лорд вернулся.

Все складывалось идеально.

Глава 12

— *Милый Бартемиус,* — Гарри Поттер марал пергамент, держа перо левой рукой и периодически сажая кляксы. Мальчик не считал такое обращение слишком фамильярным. Что было хорошо для маггловской деловой переписки с англичанами, вполне сойдет и для послания Главе Департамента магического сотрудничества, тем более, что письмо было чистого вида анонимкой, написанной с целью шантажа.

— *Я знаю Вашу грязную тайну,* — выводил герой волшебного мира кривые буквы, делая орфографические ошибки так, что все написанное выглядело жутко безграмотным. Если говорить и читать на английском языке мальчик мог уже свободно, то грамматику еще в полной мере не освоил. Но каракули были вполне читаемыми.

— *Мне прекрасно известно, что Вы выкрали сына из Азкабана и наложили на него заклятье Империи. Вы заработали себе пожизненный срок,* — Гарри перечитал написанное и, глумливо улыбаясь, закусил кончик пера.

— *Если Вы не хотите, чтобы о Вашем преступлении стало известно широкой общественности, а жертва Вашей почившей супруги не осталась напрасной, Вам необходимо в течение полугода жениться и в ближайшие пять лет завести не менее двоих детей.*

Подпись Гарри, понятно дело не поставил. Потом немного подумал и дописал постскриптум:

— *Прекратите расчесывать волосы на пробор, Вас это не красит.*

Вот теперь дело было сделано.

Мальчик скатал послание в аккуратную трубочку и перемотал его розовой лентой, завязав красивый бантик.

Эту шелковую веревочку Гарри приобрел заранее, так как написание анонимки Краучу-старшему явилось заранее продуманной акцией.

Во-первых, хотелось сделать этому волшебнику гадость, заставив нервничать, поставив его в безвыходное униженное положение. Такая небольшая месть за преступную служебную халатность, которая стала причиной десятилетнего несправедливого заключения Сириуса в Азкабанае.

Во-вторых, дети и новая жена заставили бы Бартемиуса лучше следить за старшим сыном, хотя бы для того, чтобы тех от него защитить. Александра Владимировна всегда считала, что Бартис-старший расслабился и потерял бдительность именно потому, что жизнь не имела для него особого смысла, и мужчине было нечего терять.

В-третьих, Гарри полагал, что совершает благое дело, спасая древний чистокровный род от вымирания.

Поэтому, находясь в прекрасном расположении духа, мальчик поправил у себя на шее зеленый факультетский галстук, одернул мантию и встал из-за стола, за которым писал. Выйдя из библиотеки, где он, якобы, уроки делал, первокурсник отправился в школьную совятню. Птиц для общественного пользования, школьных сов, там обитало штук двадцать. Хрен бы кто потом нашел, кто отправил анонимку, даже если бы искал. Это было той причиной, по которой Гарри не послал это письмо до отъезда в Хогвартс.

Сделав все, что хотел, маленький слизеринец отправился в «родные» подземелья, которые на ближайшие семь лет должны были стать его вторым домом.

А куда еще могла отправить шляпа Гарри Поттера с душой Александры Владимировны? Едва коснувшись головы ребенка, она проорала «Слизерин!» столь отчаянно, словно боялась, что ее заставят передумать.

Вообще, распределение произошло не так, как было описано в книге.

Шляпа долго спорила с Драко Малфоем. Тот кивал головой, о чем-то ее просил и даже чуть не заплакал.

— Слизерин! — произнесла та, в конце концов, с такой интонацией, словно тяжело вздохнула и хотела сказать: «Не слушается меня никто. Что же мне с вами делать?»

— Представляешь! Она хотела отправить меня в Гриффиндор! — жаловался Драко Гарри, сидя в гостиной, а тот обнял мальчика за плечи и обозвал шляпу древней маразматичкой.

Но про себя подумал, что прямолинейному и порывистому Драко Малфоем, который говорил всегда то, что думал, и влезал, если считал это справедливым, в любую словесную перепалку или драку, размахивая именем своего отца, словно красным стягом, было самое место на Гриффиндоре.

— Ути-пути, два голубка, — хихикал над ними до этого медитативно рассматривавший рыб Черного озера в гигантский иллюминатор, заменявший в гостиной Слизерина окно, Рон Уизли.

Он тоже уговорил шляпу, предпочтя стать «мерзким слизнем», чем отдать лучшего друга в полное владение примазавшегося к ним Драко Малфоя.

«Вот ведь змея», — в этой реальности мальчики друг друга не ненавидели, но между ними существовала здоровая конкуренция за внимание Избранного.

Невилл Лонгботтом попал на факультет Хельги Хаффлпафф.

На этот раз его пропавшую жабу искали всей толпой: объявившая поиски Гермиона, присоединившиеся к ней Рон, Гарри и Драко (бегать по вагону оказалось гораздо веселее, чем сидеть в купе и смотреть на однообразные пейзажи), нашедшие своего приятеля Малфоя Винсент Крэбб и Грегори Гойл и, собственно говоря, хозяин пропавшей тварюшки — Невилл Лонгботтом. В результате, чуть не затоптали несчастное земноводное в туалете. После чего закупили сладостей у разносчицы и набились в одно купе, как сельди в бочку. Но всем было очень весело и совсем не тесно.

Когда зашел разговор о факультетах и распределении, Гарри сразу перехватил инициативу и рассказал про шляпу. Глядя на Невилла, он решил, что парню неплохо было бы похудеть, а перетаскивание навоза и копание в грядках для этого подходило идеально.

Поттер, которому была прямая дорога на Слизерин, в чем он ни капли не сомневался, разродился речью о том, какие на факультете Хаффлпафф прекрасные теплицы с редкими растениями, как близко от их гостиной расположена кухня, где можно поесть в любое время дня и ночи. Стоит пощекотать грушу на натюрморте, висящем рядом со входом в гостиную — на нем появляется ручка и открывается дверь в царство вечного продуктового изобилия, которым повелевают радушные эльфы. А еще Гарри рассказывал, какой это дружный и сплоченный факультет, где нет интриг.

В результате, Невилл Лонгботтом, любивший растения и мечтавший восстановить дедушкины теплицы, Гермиона Грейнджер, отчаянно желавшая найти себе друзей и впервые оказавшаяся в компании сверстников, принявших ее, Грегори Гойл и Винсент Крэбб, обожавшие плотно покушать, сплоченной компанией отправились к Помоне Стеббль.

Через две недели Гермиона уже что-то активно внушала плетущемуся рядом с ней, словно собачка на поводке, Невиллу, а за ее спиной возвышались два телохранителя — изрядно отождравшиеся Винсент и Грегори.

Первый искал ее одобрения, вторые у мисс Грейнджер систематически списывали домашние задания.

На этот раз никаких проблем с социализацией у девочки не возникло, никто не хотел, обидев ее, получить в морду.

Гермиона оказалась в выигрыше: вместо одного подкаблучника (в виде Рона), она получила целых трех. И с наслаждением доминировала.

Глядя на это представление, умевшая без прямого нажима манипулировать людьми Александра Владимировна тихо посмеивалась. Люди притягивают обстоятельства и создают свое окружение, а не наоборот. Если ты готов бороться за собственное «Я», куда бы ты ни попал и с кем бы рядом ни оказался, то все равно останешься самим собой...

Вернувшись из совятни в гостиную, Гарри развалился на диване и, глядя на Рона и Драко, яростно пытавшихся обыграть друг друга в волшебные шахматы, рассуждал о том, что у него остались две первостепенные нерешенные задачи.

Во-первых, надо было обличить Квиррелла так, чтобы того забрали невыразимцы. И чем быстрее, тем лучше, от того невыносимо воняло чесноком и гниющей плотью. Ведь существовала вероятность, что этого волшебника еще можно было спасти от неминуемой смерти.

Во-вторых, необходимо было как-то решить вопрос с неврастеником Снейпом.

Александра Владимировна была убеждена, что если этот, прости Господи, профессор, не сменит свою манеру поведения на уроках и не прекратит самоутверждаться за счет учеников, оскорбляя их, в школе ему делать нечего.

Гарри решил, что если мужчина не прекратит запугивать детей, то он потребует от профессора зельеварения, чтобы тот написал заявление на увольнение и покинул Хогвартс в качестве оплаты ему, сыну Джеймса Поттера, долга жизни.

Глава 13

После прочтения книги «Гарри Поттер и Тайная Комната» Александра Владимировна представляла себе Волдеморта, несмотря на заявленную автором гениальность, таким тугодумом.

К примеру, зачем тому понадобился философский камень в то время, когда Квиррелл, открыв свою вторую сущность, мог забрать у Люциуса тетрадку и по приказу своего Лорда начать в ней писать? В результате, где-нибудь к Рождественским каникулам преподаватель З.О.Т.И. умер бы, а Волдеморту, напротив, возродился в молодом здоровом теле.

Изящное, не привлекающее лишнего внимания решение.

«И в Хогвардсе ему не надо было бы торчать все время. Мог бы жить в роскоши, в поместье Малфоя. Сдать Ж.А. Б. А. после возрождения в Министерстве магии экстерном под любым именем, а потом делать, что хочется» — рассуждал Гарри Поттер, сидя на занятии по защите от Темных Сил.

В кабинете воняло нещадно, у мальчика от тошнотворного запаха разболелась голова. Именно от смрада, так как в большом зале голова у Гарри в присутствии Квиррелла не болела.

Александра Владимировна это объясняла тем, что она хорошо относилась к своему подселенцу. Возможно, именно он был причиной того, что Гарри Поттер с душой магглы обладал магией. Поэтому мальчик к части души Тома Риддла относился, как к некоему модулю, который наделял его знанием языка змей и волшебной силой, как к чему-то нужному, крайне полезному и от себя неотделимому.

Сейчас подселенец никак себя не проявлял. Именно по этой причине Гарри не собирался уничтожить тетрадку и диадему Ровены Ревенкло, а решил положить их в свою банковскую ячейку. Не известно, как повел бы себя хоркрус Волдеморта в голове мальчика, если бы остался единственным. Сохраняя еще два, Гарри перестраховывался и ничем не рисковал.

Но с Квиринусом Квирреллом надо было что-то решать, причем, срочно. В свое время Александра Владимировна сильно мучилась мигренями, она ненавидела головную боль.

«Мой драгоценный друг Люциус», — мальчик диктовал текст письма приткопишущему перу. Гарри понятия не имел, какой почерк был у Волдеморта, и, поэтому, не желая быть разоблаченным, не стал ничего писать своей рукой.

«Спасибо за подарок на день Рождения, Драко мне его передал. Рад тебе сообщить, что появилась прекрасная возможность дискредитировать Дамблдора, возможно, даже уволить. Для этого необходимо, чтобы Министр появился в кабинете директора в компании владеющих боевой магией невыразимцев для того, чтобы Альбус пригласил в свой кабинет профессора по защите от темных сил, которого надо тут же обездвигнуть, лишить сознания и снять с него тюрбан. Мне горько сообщать тебе, друг мой, что твоего сына учит одержимый, а я не имею возможности ничего предпринять, чтобы не обнаружить себя раньше времени. Сам во время задержания в кабинете Дамблдора не появляйся ни в коем случае. Это может тебе навредить. Знаю, что я всегда могу рассчитывать на тебя, Люциус...» — подписи не было.

Это письмо Гарри отправил со своим собственным филином, имевшим очень оригинальную кличку — Грей.

Малфой-старший на письмо не ответил, но не прошло и недели, как профессор Квиррелл исчез — не пришел на обед и больше его никто не видел.

Альбус Дамблдор тоже отсутствовал целые сутки, но, затем, вернулся, имея вид

потрепанный, а взгляд потухший. Судя по всему, на этот раз он в своем директорском кресле усидел.

В этой реальности Дамблдор Гарри в комнате с зеркалом Еиналеж не заставлял и по душам с мальчиком-который-выжил не разговаривал.

Во многом этому способствовало то, что старик накануне отъезда Гарри в Хогвартс серьезно поскандалил с его крестным, Сириусом Блэком.

Когда последний узнал, что господин Директор взял «для исследования» у Джеймса Поттера мантию-невидимку в то время, как тот скрывался с семьей от Волдеморта, Бродяга впал в такое неистовство, что смог бы затмить бешеную Беллатрикс в ее лучшие годы.

— Они же могли под ней спрятаться и спастись! — орал мужчина на Дамблдора.

— Джеймс мог скрыться под ней и убить Волдеморта, когда тот поднимался по лестнице к его сыну!

Затем Сириус припомнил бывшему соратнику по борьбе, что тот спас от тюрьмы Сопливиуса, а под конец потребовал отдать ключ от сейфа своего крестника.

Так что и мантию-невидимку, и золотой ключ Гарри получил не в виде особого поощрения, а как законное наследство. Но свою банковскую ячейку еще не посетил, так как за него всегда и везде платил и щедро ссуживал деньгами на карманные расходы Сириус.

«Можно будет зайти туда на Рождественских каникулах под предлогом того, что я хочу сделать ему подарок самостоятельно» — хоркрус, лежавший в данный момент на дне школьного сундука, необходимо было перепрятать более основательно, да и фунты на галеоны для Рона уже давным-давно пора было поменять.

В тот день, когда Альбус Дамблдор во время завтрака представил нового преподавателя по З.О.Т.И. — Ремуса Люпина, Гарри понял, что наступило время для разговора со Снейпом.

Все же, лишать детей учителей по двум профилирующим предметам одновременно было бы слишком жестоко.

Глава 14

«Личная гигиена? Нет, не слышал. Зубная паста? Какая зубная паста?» — Гарри меланхолично разминал пестиком в ступке сушеных скарабеев до порошкообразного состояния и с неодобрением рассматривал профессора зельеварения.

«Сальные волосы, желтые зубы, землистого оттенка кожа. И это — в то время, когда у декана Слизера в единоличном распоряжении есть роскошная ванна, даже лучше, чем у старост» — про её существование Гарри узнал от Драко.

«У него, наверняка, и член грязный, годами невымытый. Заплесневелый член тридцатилетнего девственника» — какой Мерлин заставил мальчика именно в момент этой, лежавшей на поверхности мысли пересечься с Северусом Снейпом взглядом?

«А портки, Ньюиус, иногда надо стирать», — вспомнился тому обидный комментарий Лили Эванс пятнадцатилетней давности.

«Чистые они у меня были, чистые! Просто заношенные, потому что старые! Потому что у нас с мамой денег было мало. И член у меня чистый. А это, тупой Поттер, чары гламура. К тебе никогда на „консультацию“ не приходили озабоченные старшеклассницы в мантиях, надетых на голое тело? Хотя, ты, гаденыш, наверно, обрадовался бы!» — у Снейпа стал такой взгляд, словно тот хотел кого-то убить.

«Нечего залезать в чужую голову без спроса, профессор, это неэтично», — глумился Гарри, зная, что декан Слизера никогда со своего факультета баллы не снимет. — Я его никогда таким не видел. Может, он под заклятьем? — прошептал ему на ухо Драко, с которым они работали в паре.

Рона Уизли отдала под присмотр аккуратной и дисциплинированной девочке, Дафне Гринграсс...

В жизни Северуса Снейпа было много потрясений, но одно из самых сильных он испытал в тот момент, когда распределяющая шляпа, надетая на голову Поттера отродья, прокричала, как ошпаренная: — Слизерин!

«Хотя, после того, что он вытворил у Петунии, чего-то в этом роде можно было ожидать» — находясь в некотором эмоциональном оцепенении, которое явилось следствием шока, распределение на свой факультет одного из Уизли Северус воспринял вполне флегматично.

Однако, вопреки опасениям Снейпа, Избранный проблем не доставлял: не шлялся по ночам по коридорам, не дрался, не зазнавался, хорошо учился, был доброжелательным и общительным ребенком.

Северус, наверно, тоже поверил бы этой насквозь лживой и лицемерной личности, если бы собственными глазами не видел в воспоминаниях Петунии Дурсль, как этот «ангелок» недрогнувшей рукой выплеснул на кузена кипящее масло и даже зол, при этом, не был. Профессор зельеварения переживал из-за того, что под влияние Поттера попал его крестник, Драко Малфой — мнящий себя самым умным и хитрым, а, на самом деле, избалованный, но хороший и искренний мальчик.

В добавок к этому, Драко довольно быстро сошелся и с другим другом Избранного — Роном Уизли. Как такое могло произойти, оставалось выше понимания Северуса Снейпа. А ведь точно так же, двадцать лет назад Джеймс Поттер из совершенно, казалось бы на первый взгляд, неподходящих друг другу детей сколотил свою банду.

Еще профессора Снейпа очень тревожила компания, в которую входили Грейнджер, Лонгботтом, Крэбб и Гойл — дочь стоматолога-маггла, сын одного из самых жестоких авроров и двое кузенов (их матери были родными сестрами), сыновья двух беспощадных,

никогда не оставлявших свидетелей боевиков Волдеморта.

Северус наблюдал за тем, как Грегори Гойл, сидевший с Гермионой за одной партой, аккуратно нарезал ингредиенты, что перед тем клала хаффлпаффская зубрилка, затем пододвигал их в сторону Грейнджер, а сам клал руки на стол и почти не шевелился, пока не получал новую порцию для нарезки.

Маглорожденная умная и амбициозная девочка явно обладала талантом дрессировщицы, раз умела держать в кулачке трех тупых потомков благородных семей магической Англии, сделав из одного пажа, а из двоих других — бодигардов.

Профессор зельеварения ходил между рядами и наблюдал за работой учеников. У Ханны Аббот, которой ассистировал Невилл Лонгботтом, и Сьюзен Боунс, взявшей на себя Винсента Крэбба, получалось вполне себе сносное варево, тянувшее на «выше ожидаемого», а у Грейнджер с Гойлом так и вовсе — на превосходно. Хаффлпафф, в принципе, был факультетом дружным, где все друг другу помогали.

Именно его в этом году поставили в пару со Слизерином, а Ревенкло — с Гриффиндором, соответственно.

«Мальчик мой, дети подружились в поезде, надо дать им возможность больше общаться!» — передразнил Северус про себя директора.

Того десять лет просили провести такую рокировку, так как всем надоели драки между Гриффиндором и Слизерином, редко какой урок зельеварения заканчивался без взрыва или травмы. Альбусу было плевать! Но стоило священному Поттеру с кем-то там подружиться, как ему поставляют приятелей прямо в учебный зал! Дамблдор впал в маразм! Он понимает, что будет, если фан-клуб Поттера сольется с бандой Грейнджер? Близнецы Уизли покажутся на их фоне ангелочками.

А Поттер то, скотина! Улыбается Драко! Что-то на ухо шепчет! А этот дурачок краснеет, хихикает.

Некстати вспомнились слухи, передаваемые в свое время шепотом в гостиной Слизерина, что, де, Сириус, наследник Блэк, порвал с семьей потому, что ушел жить к своему любовнику Поттеру, который его совратил. И вот, история повторяется, все всегда начинается невинно. Да и состав участников тот же: Поттер и Драко, Блэк наполовину. «Надо написать Люциусу, что Поттер и Уизли на Драко плохо влияют».

Северус ходил между рядами, отпуская язвительные комментарии и пугая детей.

Больше всего в этой ситуации бесило то, что он не мог сделать проклятому Поттеру ни одного замечания и баллы снять с него не мог, ведь коварный змей был Слизеринцем и варил зелье вместе с Драко.

— Удовлетворительно, — Северус поставил отметку Боунс и Аббот. — Выше ожидаемого, — кивнул мужчина Гермионе, занижая оценки на один балл. И встретил обиженный взгляд Грейнджер, возмущенный Лонгботтома, злой Кребба, набыченный Гойла, Боунс поджала губы, а Аббот смотрела с прищуром. Даже в ненависти Хаффлпаффцы были едины.

— Превосходно, — бросил Снейп Драко с Поттером и Гринграсс, хотя, у последней, работавшей в паре с Роном, субстанция в котле еле тянула на «выше ожидаемого».

— Время закончено! Налейте зелье в пробирки и поставьте мне на стол! Надеюсь, в ваших жалких мозгах что-то останется после этого урока! — слава Мерлину, еще один час в обществе Поттера прошел.

«Что это он про мой член думал? Мытый он, не мытый? Может, он его вымыть хочет языком, как его папаша Блэку? Большому любителю шоколадного очка и скольжения по глине?» — если с детьми Снейп был язвителен, то со взрослыми мог быть откровенно скабрёзен.

Северус хотел бы устыдиться таких своих мыслей, но не мог, слишком сильна была его ненависть.

«Один, два, три, четыре, пять, шесть...» — он считал до десяти, уставившись в пол. Надо было успокоиться. Снейп поднял глаза и увидел стоявшего рядом с ним, Северусом, щенка Поттера, кроме них в классе никого не было.

— Профессор, я хотел бы с Вами поговорить, сэр, — мальчик был сама вежливость.

— Да, я слушаю Вас, мистер Поттер, — Снейпу захотелось оказаться где-то очень далеко от класса зельеваления, хоть на Северном Полюсе с белыми медведями.

— Я читал, что Вы стали самым молодым профессором зельеварения за прошедшие сто лет, — мальчишка явно зачем-то подлизывался.

«Может, хочет о дополнительных уроках попросить?» — Да, это так, Поттер.

— И Вам предрекали блестящую научную карьеру, сэр? — вкрадчиво произнес поганец.

«Он мне хочет взятку предложить или к чему-то склонить?» — в сочетании с мыслями о члене, последнее предположение звучало угрожающе.

«Я даже пожаловаться не смогу! Мне никто никогда не поверит» — мальчишка и так стоял совсем рядом с ним, Северусом, а теперь подошел еще ближе, но в глаза не смотрел, смотрел в пол, как-будто что-то взвешивал в уме. Снейп чувствовал себя загнанным в угол, как тогда, в Визжащей Хижине. Перед ним в каком-то смысле сейчас тоже стоял оборотень, который мог в любой момент обнажить свои клыки.

— Я сделал карьеру, я стал деканом Слизерина, — осторожно ответил Северус наглцу то, что и себе сам внушал неоднократно.

— Но у Вас нет ни малейшей склонности к педагогической деятельности. Вы не любите детей, — услышав это, Снейп выдохнул от облегчения.

Поттерово отродье не собирался шантажировать или подкупать, он остался, чтобы поглумиться.

— Что Вы понимаете, маленький наглец! — мужчину затрясло от гнева, — Вы такой же...

— кулаки Снейпа произвольно сжались, он сделал шаг вперед, он хотел схватить Поттера за шиворот, поднять в воздух и как следует потрясти, рассказывая, каким мерзавцем был его, Избранного, отец. И будь что будет.

— Стоп! — голос мальчишки прозвучал как-то очень по-взрослому, тот выставил перед собой ладонки, почти коснувшись ими груди возвышавшегося над ним мужчины, но назад не отступил.

— Я требую у тебя, Северус Снейп, — голос Поттера зазвучал звонко и торжественно. Мужчина понял, что за этим последует.

«Допрыгался», — подумал он обреченно. Худшие прогнозы становились реальностью, этот гаденыш, наслушавшись паршивую псину Блэка, не упустит возможности его, Северуса, унижить.

— В исполнении долга жизни, перешедшего мне по праву наследования от моего отца Джеймса Поттера, молчать и не сообщать никому никаким другим образом о том, что я прикажу тебе совершить, — мужчина увидел, как его запястье и запястье мальчишки обвила золотистая искрящаяся магическая лента, подтверждая правомерность выставленного требования.

«Неужели, он, и правда, сделает это? А потом сольет воспоминания в думосброс и будет всю жизнь меня шантажировать?» — Снейп чувствовал, как по его спине вдоль позвоночника льется холодный пот.

— Я требую, чтобы ты, Северус Снейп, сегодня же уволился из Хогвартса и более никогда не устраивался сюда на работу!

В этот момент у зельевара открылся рот. Он не мог не выполнить этот приказ, а это

означило, что он, Северус, наконец, свободен, а Дамблдор со своими обетами идет на хуй!

Мужчина почувствовал, что мышцы лица его не слушаются, а дрожащие губы сами собой складываются в кривую счастливую улыбку.

— Так же, если ты, Северус Снейп, продолжишь свою научную карьеру, я от своего имени снимаю с тебя все обязательства, данные тобой по отношению ко мне третьим лицам! — золотистая лента стала в два раза толще, заискрилась и растворилась в воздухе. Клятва Гарри Поттера была принята.

«Я свободен! Свободен!» — Северус верил и не верил, а потом понял, что у него трясутся руки и он кусает губы, чтобы позорно не разреветься.

— Спасибо, Поттер, — произнес он, словно выплюнул, и направился к выходу из класса деревянной походкой. — И еще, — Снейп оглянулся. — Пятьдесят баллов со Слизерина за неуважение к учителю, — как давно он хотел это сделать!

Никого не замечая вокруг себя, мужчина сначала медленно шел по коридорам, затем быстрее, а потом сдерживался, чтобы не побежать в свои апартаменты. Там он собрал вещи и ингредиенты, которые считал своими, и ушел камином в Тупик Прядильщиков, оставляя позади десять бесплодных лет, тупых учеников и пустые комнаты.

У себя дома Северус Снейп написал заявление об увольнении и послал его Дамблдору почтовой совой.

Когда Альбус, получив корреспонденцию, аппарировал в Тупик Прядильщиков, чтобы вернуть мятежного зельевара, окна искомого дома оказались заколочены. Северус Снейп забрал все свои накопленные за десять лет сбережения из Гринготтса и отбыл из Англии в неизвестном направлении.

«Северус, Северус...» — сидя в гостиной, Гарри задумчиво смотрел на плававших в Черном Озере рыб. «Как же ты мог? Твой Лорд принял тебя никому не нужного, бедного, отвергнутого. Поверил в твой талант. Дал тебе знания, связи, деньги, уверенность в собственных силах, помог получить звание Мастера. Как же после всего этого ты смог его предать ради какой-то девки, которой не было до тебя никакого дела?»

Глава 15

— Целый котё-ол бурлящей любви! — дурным голосом напевал Драко, кривляясь и виляя бедрами, подражая сценической манере исполнения Селестины Уорлок, чья песня доносилась из радиоприемника, стоявшего в спальне мальчиков.

— О, Драко! — ржавший над ним Рон молитвенно сложил руки на груди. — Ты пригласишь меня на танец на рождественском приеме у тебя в мэноре? — пропищал Уизли тоненьким голосом, передразнивая Панси Паркинсон, которая накануне с этим вопросом пристала к Малфою, как банный лист.

— Всенепременно, — развеселившийся Драко подошел к приятелю — Дорогая, Вы позволите? — мальчик взял Рона за руку, обнял за талию и закружил в вальсе.

Ну, как закружил? Он повел, а Уизли переставлял ноги, как Мерлин положит. В результате, он в них запутался и мальчишки с хохотом повалились на кровать к сидевшему на ней и хихикавшему над их проделками Гарри.

Разве можно было представить такое в той, другой, реальности?

Наступил комендантский час, но спать никому не хотелось.

«Дело было вечером, делать было нечего» — вспомнился Александре Владимировне стишок из ее далекого детства.

В самые жуткие авантюры люди ввязываются именно от скуки.

Момент был подходящим.

— Ребята... — произнес Гарри с интригующей интонацией.

— Что? — спросили те одновременно.

— Пообещайте мне, что никто не узнает о том, что я сейчас Вам покажу и расскажу.

Обещаю вам не вредить, — эта фраза была адресована Драко.

— Обещаем... — мальчишек не пришлось долго уговаривать.

— Хотите посмотреть на цербера? — ответом ему были два ошарашенных и недоверчивых взгляда. — Да, да, на такую собачку, — Гарри, изображая ее размер, поднял руки над головой, — с тремя головами.

— А где мы ее найдем? — Рон отмер первым.

— На третьем этаже в запретном коридоре. Директор забрал ее у Хагрида и поселил там. Информация конфиденциальная, от кого узнал, не скажу, сами понимаете.

Уизли в ответ на это замотал головой, что: «Да, да, я все понимаю».

— Он старый маразматик! Это же волшебное существо четыре икса класса опасности!

— воскликнул возмущенный Драко.

«О, прогресс. Он не сказал: «Я напишу об этом своему папе!» — иронизировал про себя Гарри.

— Цербер спокойно засыпает вот под это вот! — юный Поттер ткнул пальцем в сторону радио, из которого доносилась очередная песня про любовь.

— Ты это точно знаешь? — уточнил Рон.

— Абсолютно, — улыбнулся Гарри.

Конечно, он мог пойти к церберу один, но мальчик, ни больше, ни меньше, задумал похитить философский камень, а для этого ему нужны были помощники.

Ведь недостаточно было просто пройти полосу препятствий, проникнуть к зеркалу Еиналеж и взять искомое, необходимо еще было тихо вернуться обратно и сделать так, чтобы никто не заподозрил исполнителей похищения.

Сперва, нужно было убедиться, что цербер на месте и все еще охраняет люк.

По большому счету, Гарри в этом практически не сомневался. Мантию-невидимку у

Джеймса Поттера Альбус тоже взял «для изучения» ненадолго, а отдал лишь через десять лет.

Потом, Гарри был в этом уверен, возвращение философского камня Николасу Фламелю вообще не предполагалось. Раз Фламель сделал один камень, то он мог создать и второй, и третий, и десятый. Изучение же твердой субстанции подразумевает, что ее будут нагревать, охлаждать, подвергать давлению, пилить, колоть, толочь, в общем — лишать целостности. То есть, возвращать в любом случае было бы нечего.

«Так что, Николас Фламель, если камень, хранящийся в Хогвартсе, исчезнет, никак не пострадает, а Дамблдор обломается» — план похищения возник в голове Гарри Поттера после того, как хитрый старичок пригласил мальчика для беседы в свой кабинет.

— Мальчик мой, — угостив гостя засахаренными лимонными дольками, которые Александра Владимировна обожала с детства, директор принялся его увещевать, — я хотел попросить тебя об услуге, — он взял драматичную паузу. — К сожалению, профессор Снейп нас покинул, — Дамблдор вздохнул.

— Он умер?! — сложив бровки домиком, воскликнул Гарри с самым расстроенным видом, Александра Владимировна глумилась.

— Нет, что ты, мальчик мой, — поспешил его успокоить Альбус, — он всего лишь уволился.

«Большая потеря для Хогвартса» — юный Поттер не стал озвучивать эту мысль вслух, чтобы Директор не понял, что над ним издеваются, и просто промолчал.

— Есть хороший кандидат на должность профессора зельеварения, но я боюсь, что сразу он не согласится. Я хотел попросить тебя, Гарри, сходить к нему вместе со мной, чтобы уговорить его начать преподавать, — речь, очевидным образом, шла о предыдущем декане Слизерина, организаторе Клуба Слизней, Горации Слизнорте.

«Интересно. Почему он уволился?» — Да, профессор Дамблдор, я согласен, — ответил вежливо мальчик.

А потом, испытывая терпение старика, который не рассчитывал на столь долгий разговор, Гарри поглощал лимонные дольки, запивая их чаем и расспрашивая Альбуса про своих папу и маму.

Так они и сидели друг напротив друга, думая каждый о своем, поблескивая стеклами очков.

План у Гарри сформировался сразу. Квиррелл, вернее, Волдеморт, в той, другой реальности, пошел на похищение тогда, когда Директор отсутствовал в Хогвартсе. И все у него получилось бы, если бы не Поттер и компания.

Сейчас Гарри знал, какого числа они с Дамблдором пойдут в гости к профессору Слизнорту. Осталось лишь создать сплоченную группу заинтересованных товарищей, которые умыкнут в это время камушек. Поэтому, вовлекать участников в проект правильно было с самого начала. Чтобы ребята прониклись идеей и считали ее своей.

Глава 16

— Нас Филч поймает и отправит на отработку, — констатировал Драко.

— Не поймает! Мы от него убежим! — возразил Рон.

— Не поймает и убежать будет не надо, — Гарри подошел к своему сундуку и вытащил из него серебристую легкую переливающуюся ткань, а затем набросил ее на плечи.

— Летающая голова!

— Мантия невидимка! — воскликнули Малфой и Уизли. Глаза мальчишек сверкали от предвкушения.

Их ждало настоящее Приключение!

— Рон, ты должен взять с собой волшебную палочку, она может нам понадобиться, — обратился к другу Гарри.

— Ту самую?

— Ту самую.

Уизли порылся в вещах и нашел среди них волшебную палочку Чарли. На уроки Рон сразу начал ходить со своей собственной волшебной палочкой, так как она его слушалась гораздо лучше, чем подарок брата.

— У вас есть неучтенная волшебная палочка? — бровки Малфоя стали высокими-высокими, а затем на лице мальчика появилась досада, он даже покраснел, вернее, некрасиво пошел пятнами.

У Гарри есть мантия-невидимка, у Рона — неучтенная палочка, а у него, Драко, ничего такого особенного нет!

— Тебе принадлежит радио, — правильно «считав» мимику ребенка, напомнил Гарри.

— Радио есть у кого угодно, — вздохнул почувствовавший себя уязвленным Малфой.

— Не скажи. У Рона нет, у меня нет. Без мантии и дополнительной палочки мы все равно смогли бы проникнуть в запретный коридор, а вот без музыки цербера не усыпить, — сейчас мальчика увещевала Александра Владимировна.

— Да, действительно! — Драко заметно повеселел. — Что, идем? — Малфой, гордо задрав нос вверх, направился к выходу из спальни с таким видом, словно сходить к церберу предложил он и, вообще, такие прогулки для него — самое обычное дело.

— Шляются, спать не дают... — ворчали на картинах сонные портреты.

По ночному коридору маленькие заговорщики передвигались гуськом. Первым шел Гарри, так как был самым низким, за ним — Драко, а замыкал процессию высокий Рон. Мантия с глубоким капюшоном, рассчитанная на двухметрового весьма упитанного мужчину, скрывала трех одиннадцатилетних мальчишек целиком, с головы до ног.

Поначалу друзьям было очень страшно находиться одним в неосвещаемых сводчатых коридорах старинного замка. При виде любой темной ниши, смотревшейся черным провалом, от каждого шороха мальчишки вздрагивали и останавливались. Но, наткнувшись за одним из поворотов на парочку целующихся старшеклассников, которых спугнула миссис Норрис, ребята поняли, что идут по тому же Хогвартсу, по которому бегали днем, и успокоились.

Замок теперь виделся чем-то таинственным и прекрасным, со множеством удивительных секретов.

— Кто это у нас порядок нарушает, миссис Норрис? — Филч появился, словно из-под земли. Кошка что-то мякнула старику, Гарри был готов поклясться, что они разговаривают. — Пойдем их поймать, будут у меня карточки переписывать, — шаркающей походкой смотритель ушел за угол.

— Дышать уже можно, — прошептал Рон, который, так же, как и все, прижался к стенке, чтобы зритель не наткнулся на невидимое препятствие.

Дальнейший путь к запретному коридору третьего этажа прошел без происшествий.

— Я думаю, нам сюда, — Гарри указал на высокую дубовую дверь с широкими створками. Ни в какую другую цербер бы не прошел.

— Алохомора! — Рон поднес конец волшебной палочки к замку и произнес заклинание. В этой реальности он был вынужден «держать марку» перед Драко, не уступая ему ни в чем. Заклинание отпираания замков на Слизерине считалось элементарным.

Дверь неслышно отворилась и мальчики, не снимая мантию-невидимку, тихо на цыпочках проникли внутрь и встали у стенки, противоположной той, в которую было вмонтировано кольцо от цепи цербера.

Тот был щенком, но уже впечатлял. Огромный с тремя головами, каждый зуб в пасти которого был величиной с кисть взрослого человека, он внушал ужас.

Чтобы усыпить монстра, Драко включил радио, хорошо, что негромко. Вместо протяжной баллады Селистины Уорлок из динамиков загремела ритмичная быстрая песня «Ведуний», исполненная в жанре «тяжелый рок».

Щеночек, услышав такое музыкальное сопровождение, радостно завизжал, мотая сразу тремя головами и, высунув языки и заливая все вокруг слюнями, начал прыгать по комнате настолько высоко и далеко, насколько позволяла длинна цепи.

«Лучше брать с собой волшебный граммофон, чтобы точно знать репертуар», — вжавшись лопатками в стену, практически слившись с ней, Гарри понял, что при Филче они стояли весьма расхлябанно.

Наконец, композиция сменилась на более плавную, цербер начал зевать, а затем лег и уснул.

— Работает! — восторженно констатировал Рон, вылезая из-под мантии. — Если честно, я чуть со страху не помер!

— Я даже скляночки не взял, даже пробирочки! — быстро придя в себя от потрясения, сокрушался Драко. — Свежие слюни цербера! Из Греции только консервированные поставляют. Папа говорит, что это совсем не то.

— А ты дружи с Хагридом, — произнес Гарри назидательно. — И будут тебе и свежие слюни, и перья гиппогрифа, и шерсть единорога и паутина акромантула. А то все: «Лесник! Тупица!» — передразнил друга Поттер.

— Паутина акромантула? Ты знаешь, сколько она стоит?! — Драко разве что на цербера не залез, бегая вокруг него.

— Много? — заинтересовался Рон.

— Она очень дорогая, — констатировал Драко, задумавшись над тем, как бы ему побыстрее подружиться с полувеликаном-лесником. — А что это за люк?

«Заметили. Не прошло и года» — Гарри ждал, когда же это событие произойдет.

— Там, наверно, хранится что-то очень ценное, раз над люком цербера держат, — предположил Рон.

— Так и есть, — согласился Гарри.

— И ты, конечно же, знаешь что именно, — констатировал Малfoy.

— Знаю, — подтвердил Поттер, интригуя. — Я подслушал. Помните, в газете писали об ограблении Гринготтса? — мальчик спросил это шепотом. — Здесь то, что там искали.

Предлагаю вернуться, я вам все расскажу в нашей комнате.

У стен есть уши, и, потом, перед тем, как он поведает друзьям про философский камень, с них надо будет взять клятву о неразглашении, настоящую.

Глава 17

«Мой милый Люциус» - постепенно Гарри начал осознавать причину, по которой высокомерный и не ловивший звезд с неба Люциус Малфой стал правой рукой Волдеморта. Надменный аристократ был идеальным, не слишком обремененным совестью исполнителем с огромными связями и возможностями, он не сомневался и делал то, что ему было поручено, и делал хорошо. Поэтому в очередной раз за помощью Гарри обратился именно к нему, а не к Сириусу. Для Блэка были важны такие понятия, как честь и гордость, скорее всего, тот не одобрил бы воровство. А Избранный не хотел, чтобы кто-то вставлял ему палки в колеса.

«Как у тебя дела, друг мой?» - Гарри таким обращением тешил самолюбие чванливого аристократа. «Я буду рад, если ты пришлешь Драко ювелирные весы, напильник с алмазной гранью, три пинты оборотного зелья, зелье, улучшающее память, безоар, сборник лучших шахматных партий последнего столетия, ноты колыбельных песен и три пары переговорных зеркал. Высылай частями, а не все сразу, но пришли в ближайшие четыре дня. Еще было бы очень хорошо, если бы ты появился в Хогвартсе в это воскресенье около двух часов дня и никуда не отлучался, но был, при этом, на виду, дожидаясь Дамблдора, который, насколько мне достоверно известно, будет отсутствовать в замке. Было бы идеально, если бы ты, как Председатель Попечительского Совета, потребовал у Директора срочно сделать какой-нибудь особо нудный отчет и задержать его не менее, чем на десять минут, как только тот прибудет в Хогвартс. Меня до этого не ищи, мы подойдем к тебе с Драко после ужина. Буду рад тебя видеть...» - письмо, как обычно, улетело без подписи.

Подготовка к похищению Философского камня шла полным ходом.

К операции пришлось подключить Невилла Лонгботтома, а вместе с ним всю Хаффлпаффскую четверку.

Здраво рассудив, Гарри понял, что на этот раз зеркало камень ему не отдаст. Потому что он был лицом корыстным и заинтересованным, точно так же, как и Драко с Роном. Камень из зеркала, как это Александра Владимировна поняла из книги Роулинг, мог получить лишь бескорыстный, чистый душой человек, не желавший ни денег, ни славы, ни величия, ничего для самого себя.

А о чем бы подумал Невилл, увидев философский камень? Правильно. Он захотел бы вылечить своих родителей – благородная, не имеющая ничего общего со стяжательством цель.

Но, если привлекать его, то это автоматически означало, что придется задействовать Грейнджер, Гойла и Крэбба. Иначе, как бы Лонгботтом потом объяснил друзьям, где он пропал в воскресенье?

- Невилл, мы можем поговорить, только один на один? – Гарри подошел к хаффлпаффцу после урока трансфигурации.

- Да, конечно, - согласился мальчик. – Я ненадолго, - тут же отчитался он перед Гермионой.

- Хорошо! Мы тебя подождем, - радостно откликнулась девочка. Не то, чтобы она не доверяла Поттеру, тот был прекрасным парнем, просто они уже привыкли везде ходить вчетвером.

- Привет! Гермиона, Винсент, Грегори, - к подпиравшей в коридоре стену троице подошли Драко и Рон, чтобы завести беседу и отвлечь их внимание.

- Невилл, ты, наверно, знаешь, что я теперь живу с крестным, Сириусом Блэком? – Гарри

начал разговор издалека.

- Да, он был несправедливо осужден. Мне жаль, хорошо, что все разрешилось, в конце концов, - ответил Лонгботтом.

- Он работал с твоими мамой и папой. Они были друзьями. У Сириуса сохранились их совместные колдографии. Я отобрал несколько для тебя... - смущенно произнес Гарри и протянул Невиллу четыре снимка.

На них Алиса и Фрэнк Лонгботтом танцевали в баре, смеялись, что-то отмечая, Сириус и Фрэнк пили на брудершафт. Такие снимки обычно маме, в данном случае - Августе Лонгботтом, не показывают и не присылают для семейного альбома. Но с удовольствием рассматривают на старости лет, вспоминая бурную молодость.

А одна была вполне пристойной с летнего пикника, на ней было хорошо заметно, что Алиса Лонгботтом беременная.

- Сириус! - попросил накануне Гарри крестного по переговорному зеркалу, - пожалуйста, пришли мне для Невилла колдографии его родителей, где они нормальные. А то у бабушки Невилла есть только детские Фрэнка, а еще с выпускного, со свадьбы и крестин. Сириус выбрал, видимо, самые приличные из хранившихся в его доме. Сразу было видно, что погулять бравые авроры были не дураки.

- Спасибо, - Невилл был всего лишь одиннадцатилетним ребенком, поэтому, рассматривая колдографии, он заплакал. – Я... - мальчик не знал, что ему сказать Гарри, как его благодарить.

- Я их такими никогда не видел, они болеют, - всхлипнул он, а Поттер обрадовался, что они с Невиллом во время разговора зашли за угол, иначе Гермиона обязательно подбежала бы к другу, чтобы выяснить, что случилось.

- Я знаю... - Гарри взял паузу.

- Невилл, - продолжил слизеринец, немного помолчав, - если бы ты знал, что есть средство, которое вылечит твоих отца и мать, но его нужно украсть и сделать это достаточно легко, ты бы попытался?

- Нет никакого средства! Мы все перепробовали! – после выплаты Лестрейнджа Алису и Фрэнка Лонгботтом лечили лучшие специалисты.

- Невилл, поверь мне. Я кое-что случайно подслушал, я не стал бы шутить такими вещами. Есть что-то, что может их исцелить, но это что-то кое-кто зажал для себя самого, я хочу это украсть и разделить на части, но мне нужна помощь.

Невилл, скажи ему такое кто-то еще, заподозрил бы подвох, но перед ним стоял сам Гарри Поттер.

Мальчик еще раз взглянул на колдографию, где его отец кружил его мать на руках.

- Какой-то редкий волшебный предмет? – слезы у Лонгботтома сразу высохли. Не такой уж он оказался и рохлей.

- Он самый, - подтвердил Гарри. Он не боялся разоблачения, вряд ли в случае отказа Невилла, если бы все равно удалось умыкнуть философский камень, Дамблдор кричал бы об этом на всю школу.

- Я в деле, - согласился Лонгботтом. Наверно, с таким же видом он пошел в седьмой книге Роулинг убивать змею Волдеморта.

Психологическая атака сработала. Гарри не просто так подобрал колдографии, на которых не было официоза, как на снимках, хранившихся у Августы Лонгботтом.

Слизеринец Поттер показал Невиллу, какими станут его родители, если их удастся исцелить. Расчет сработал.

- Тогда приходи с Гермионой, Грегори и Винсентом сегодня после ужина на восьмой этаж. Встречаемся у картины с танцующими горными троллями, - чем не момент найти

Выручай-комнату?

- Она слишком правильная... - Невилл находился в сомнениях.

- Без нее ничего не получится, - объяснил Гарри. – Перед тем, как все рассказать, я возьму со всех обет о неразглашении. Она не сможет пожаловаться, даже, если очень сильно захочет.

- Хорошо, мы придем, - друзья друзьями, но родители для Невилла Лонгботтома были гораздо важнее.

Глава 18

Гермиона Грейнджер согласилась сразу. Она слишком хорошо помнила те времена, когда ей в начальной школе не с кем было перекинуться парой слов на перемене. А здесь у нее сразу появились друзья. Ее соседки по комнате: Ханна Аббот и Сьюзен Боунс оказались прекрасными общительными девочками, которые заплетали Гермионе французскую косу каждое утро, но самыми близкими друзьями для хаффлпафки, конечно же, стали Грегори, Винсент и Невилл.

Грегори и Винсент были вовсе не глупыми, просто им нужно было больше повторений, чтобы освоить материал, но выучивая правильное произношение заклинания и движение палочкой, они колдовали очень хорошо. Зная эту их особенность, Гермиона предложила мальчикам учить все немножечко вперед, чтобы приходиться на уроки заранее подготовленными.

А Невиллу не хватало уверенности в себе, его нужно было хвалить и подбадривать, и тогда он был готов свернуть горы. Поэтому друзья мисс Грейнджер показывали себя на занятиях с самой лучшей стороны. Гермиона не хотела все это потерять.

Потом, она могла стать владелицей настоящего философского камня! Вряд ли Дамблдор дал бы ей его не то что в руках подержать, а одним глазком, хотя бы, на него посмотреть. Если уж Директор его на лекарство для родителей Невилла пожалел.

«К тому же, когда я вырасту, я смогу этот камень изучить и сделать, если не такой же, то с подобными свойствами, чтобы помогать другим людям».

И потом, Гермиона, благодаря компании, в которую влилась, прикоснулась к настоящей тайне Хогвартса. Девочка попала в Выручай-комнату.

Когда они вчетвером: Гермиона, Невилл, Винсент и Грегори поднялись на восьмой этаж, девочка думала, что Гарри нужно лишь уединенное место для того, чтобы без свидетелей поговорить. Невилл предупредил подругу, что слизеринец хочет раскрыть им что-то очень важное, какой-то удивительный секрет, но придется дать клятву, что они никому ничего не расскажут и не сообщат об услышанном каким-либо другим образом. Но, найдя картину с танцующими троллями в балетных пачках, ребята застали занятную сцену.

Гарри с крайне сосредоточенным видом ходил вдоль стены туда-обратно, в то время, как Драко и Рон чего-то ждали.

Девочка хотела поздороваться, но Малфой прижал палец к губам.

Загадка разрешилась быстро, на месте только что гладкой стены появилась высокая дубовая дверь.

— Это Выручай-комната, мне про нее Сириус рассказал, — Гарри потянул за ручку, вошел внутрь и замер на месте.

Александра Владимировна оказалась в своей собственной переговорной комнате.

Овальный дубовый стол, стоявшие вокруг него высокие изящные, деревянные кресла, обитые атласом. Все такое родное, давно не виденное. От избытка чувств на щеку мальчика скатилась слеза, которую он тут же смахнул. Слава Мерлину, никто ничего не заметил.

— Вау! Круто! Это действительно здорово! А что нужно сделать, чтобы появилась дверь? — примерно такой была всеобщая реакция.

Гарри отмер, прошел вперед и уселся на свое привычное место во главе стола.

— Прошу вас, присаживайтесь, — он сделал приглашающий жест рукой. Мальчик почувствовал себя, как на производственном совещании, окунувшись в родную стихию.

— Прежде чем я что-то объясню, я хочу, чтобы вы все дали мне клятву о том, что

информация, полученная в этой комнате, не будет передана третьим лицам любым из известных ныне способов или в дальнейшем изобретенным, — про электронные письма и интернет связь тоже забывать не следовало.

Дети, точно повторив формулировку, поклялись очень быстро. Гарри сперва удивился такой доверчивости и горячности, все же, Малфой, Кребб и Гойл были сыновьями Пожирателей смерти, но потом вспомнил, что англичан хлебом не корми, а дай вступить в какое-нибудь тайное, элитарное общество.

— Мы сейчас находимся в Выручай-комнате, дверь в которую появляется в том случае, если вы ходите вдоль стены рядом с картиной с троллями и думаете о том, что вам требуется уединение, убежище или вы хотите что-то спрятать. Обстановка здесь появляется в соответствии с Вашими запросами. Если бы кто-то сюда пришел на свидание, — Гарри решил немного разрядить атмосферу, все же, рядом с ним находились его друзья, а не подчиненные, — здесь стояла бы огромная кровать. Драко смутился и захихикал, Рон, Гермиона и Невилл покраснели, Грегори и Винсент ехидно хмыкнули.

«Какие же они еще дети» — умилилась Александра Владимировна про себя.

— Вынести из этой комнаты можно лишь то, что Вы сами сюда принесли. Все другие вещи исчезнут, стоит Вам очутиться в коридоре, — мальчик выдохнул, закончив объяснения.

— Теперь по поводу того, почему мы здесь собрались. Я узнал, подслушав разговор, не спрашивайте меня где и между кем, что Альбус Дамблдор хранит здесь, в Хогвартсе, философский камень. Я знаю, где он лежит, я знаю про все ловушки, созданные на его пути. Я позвал вас сюда, чтобы предложить им завладеть, а, затем, распилить на равное количество частей по числу участников этой операции. У меня есть план. Если кто-то из вас не хочет в этом участвовать, он может выйти прямо сейчас.

«Уйти? Сейчас? Ну, уж нет!» — Я согласна! — Гермиона объявила это первая.

— Я уже говорил, я в деле, — подтвердил Невилл.

— Я тоже, — Грегори был немногословен.

— И я, — вторил ему Винсент.

— Драко и Рон уже подтвердили свое участие ранее, — объяснил Гарри.

— Помните, в первый день во время пира Дамблдор сказал, что никому под страхом ужасной смерти нельзя ходить в коридор на третьем этаже?

Затем слизеринец подробно изложил план действий. В воскресенье в двенадцать по полудню он отправляется с Дамблдором в гости к их будущему декану и профессору зельеварения Горацию Евгению Флаккусу Слагхорну.

— Я буду у него давиться засахаренными ананасами и слушать сплетни про ваших бабушек и дедушек, — объяснял Гарри. — Попытаюсь заболтать его до шести вечера.

— Как только я отбуду из Хогвартса, Невилл под мантией-невидимкой, Гермиона, Драко и Рон под одноразовыми мантиями-невидимками, рассчитанными на четыре часа действия, проникнут в запретный коридор. Откроют дверь в комнату с цербером и активируют музыкальную шкатулку, зачарованную на бесконечное воспроизведение колыбельных песен. Цербер уснет.

— Цербер охраняет люк, он не заперт. Ты, Гермиона,крепишь волшебными крючьями веревочную лестницу, которую спустишь в люк.

— Невилл, — теперь Гарри обратился к хаффпаффу, — спускаешься по лестнице первый. Там внизу есть дьявольские силки. Возможно, ты знаешь, как с ними обращаться, чтобы они никого не душили?

— Да, знаю. Их нельзя бояться и надо гладить. Мы их с бабушкой выращиваем на продажу... выращивали... — Лонгботтом понял, что протрепался. Августа не имела

лицензии на их разведение, но где-то надо было брать деньги на оплату лечения ее сына и невестки. Потом Невилл вспомнил, что никто не сможет проболтаться о его секрете. Он посмотрел на реакцию друзей на свои откровения: Гермiona и Гарри сидели с серьезным видом, Грегори, Винсент и Драко пожалы плечами: «Бывает», дети пожирателей смерти и не такое дома видели, а Рон, похоже, не знал, что такое дьявольские силки.

— Вот и отлично, — констатировал Поттер.

— Затем, — продолжил он, — спустится Рон, Драко — замыкающий.

— Гермiona, — обратился Гарри к девочке, — ты останешься наверху под мантией невидимкой, вытянешь лестницу, закроешь люк, будешь следить за тем, чтобы шкатулка играла все время без перерыва. Если кто-то войдет, ты ее выключишь. Скорее всего, придет Хагрид, чтобы покормить цербера. Когда он уйдет, ты снова включишь шкатулку, если она не заиграет, будешь петь сама. Вот тебе сборник колыбельных песен, — Поттер положил перед девочкой книжку, — изучай. Так же, ты станешь координатором. У тебя в руках будут три переговорных зеркала: первое — для экстренной связи со мной, второе для связи с Грегори и Винсентом, третье — для общения с Невиллом, Роном и Драко.

— Вы двое, — Гарри обратился к Креббу и Гойлу, — получите от меня по две склянки с обратным зельем. Когда ребята пойдут добывать камень, зайдете в заброшенный женский туалет, я вам его покажу, и выпьете содержимое флакона. Побудете час в библиотеке под видом Невилла и Гермiony, затем, вернетесь в туалет. После того, как вы превратитесь в самих себя, выпьете содержимое флаконов с цифрой два. И под видом Драко и Рона пробежитесь по замку так, чтобы Вас видело, как можно больше людей. По сигналу Гермiony вы снова возвращаетесь в туалет, дожидаетесь, когда закончится действие зелья, после чего спокойно идете в гостиную Хаффлпаффа. Вы обеспечиваете всем алиби.

— Понятно, — кивнула двоица, решив потом все еще раз уточнить у Гермiony.

— Теперь Вы, ребята, — слизеринец посмотрел на Драко, Рона и Невилла.

— Спустившись по веревочной лестнице и пройдя мимо адских силков и дальше по коридору, вы окажетесь в комнате с огромными волшебными шахматами.

— Это тебе, Рон, — Гарри вручил другу сборник лучших шахматных партий последнего столетия и зелье для улучшения памяти. — Ты будешь играть черными. Сидеть сверху, чтобы командовать фигурами, ты сможешь лишь на коне. Подбери комбинацию, чтобы твоя фигура не пострадала и ты поставил мат королю противника.

— Спасибо! — Уизли потер лоб и начал листать справочник.

— Теперь ты, Драко. Ты же хочешь стать ловцом?

— Да, я им буду! — гордо произнес Малфой.

«Пафос — наше все», — но, судя по тому, что писала Роулинг, летал и играл Драко очень и очень неплохо.

— Дальше вам встретится препятствие с метлой и летающими ключами. Ты должен разглядеть серебряный и самый большой из них и поймать его в полете, он начнет вырываться. Ключ надо удержать и открыть им следующую дверь.

— Невилл, — Гарри обратился к тому, для кого ставки были самые высокие. — Дальше ты пойдешь один. Ты тихо-тихо прокрадешься под мантией-невидимкой мимо горного тролля, на всякий случай, если он тебя заметит, воспользуйся заклинанием Глацтус для пола, тот влажный в подземельях и превратится в каток. Тролль споткнется и упадет, — он протянул мальчику бумажный листок с правильным написанием заклинания, с выделенным ударением и схемой движения палочкой.

«Гермiona меня научит», — надеялся Невилл.

— Затем, прокравшись мимо тролля, ты подойдешь к столу с семью склянками и

запиской-загадкой, лежащей на нем. В это же мгновение ты окажешься отрезанным от мира с двух сторон стеной огня. Свяжись по переговорному зеркалу с Гермионой, прочитай ей записку, она подскажет тебе, содержимое каких склянок надо будет выпить, чтобы пройти в следующую комнату, а затем вернуться сквозь пламя обратно. На всякий случай у тебя будет с собой безоар, — Александра Владимировна не помнила, откуда и что надо было пить, но решила, что если в той реальности Грейнджер решила логическую головоломку, то и в этой тоже все сделает правильно.

— Войдя в следующую комнату, ты увидишь большое зеркало. Твое отражение в нем может повести себя странно. Оно будет двигаться не так, как ты. Думай в это мгновение о том, для чего тебе нужен философский камень. Как только почувствуешь в своем кармане тяжесть, быстро уходи. Выпей содержимое второй склянки, пройди сквозь огонь, проберись мимо тролля к ребятам и все вместе, не медля ни минуты, бегите к дьявольским силкам. Свяжитесь с Гермионой, чтобы убедиться, что можно подниматься, после чего она скинет вам веревочную лестницу и вы вернетесь по ней в комнату с цербером. Невилл — ты лезешь первым, Рон — вторым, Драко — ты замыкаешь.

— Далее, Гермиона сообщит о завершении миссии Винсенту и Грегори, после чего вы все вместе встречаетесь в коридоре возле картины с троллями, заходите в выручай-комнату, распиливаете философский камень с помощью саморезущего лобзика с алмазной гранью на семь равных частей, взвешивая их на ювелирных весах. Раскладываете их в пробирки, забираете с собой и расходитесь. Ведите себя после всего, как обычно. Не надо сразу бежать в совятню, — Гарри был уверен, что Грейнджер, Гойл, Крэбб, Лонгботтом и Малфой тут же захотят переслать трофеи родителям.

— Драко и Рон, вы потяните соломинки — длинную и короткую, не глядя. Кому достанется длинная, тот заберет на временное хранение мою долю, пока я не вернусь в Хогвартс, — Поттеру не нужны были разборки между друзьями на тему, кому, он, Гарри, больше доверяет.

— Вопросы есть? — он посмотрел на притихшее собрание.

Вопросы были и их было много. Слизеринец терпеливо все объяснял по нескольку раз.

— Вот еще что, — немного подумав, добавил мальчик. — Есть одна карта, принадлежавшая моему крестному, она показывает, кто в Хогвартсе где находится. После этих слов у шестерых детей, которых, казалось бы, уже ничем нельзя было удивить, на лицах появилось крайне заинтересованное выражение.

— Сейчас она хранится в каморке у Филча, скорее всего, среди изъятого у студентов за 1977 год. В данный момент он ищет кого-то на отработку, чтобы переписывать там карточки.

— Мы можем в коридорах кидаться бомбами из навоза из теплиц, — Грегори сообразил все очень быстро.

— Ему нужен кто-то с красивым почерком, — намекнул Гарри.

— Я буду смотреть на это и громко смеяться, — внесла предложение Гермиона. — Чтобы это увидел зритель.

— Хорошая идея, — согласился Гарри. — Должна сработать.

— А еще необходимо придумать название нашему обществу, — торжественно резюмировал Драко.

— «Союз семерых» подойдет? — внесла предложение Гермиона.

«Звучит, как союз четырех, по-моему, у них там все хорошо закончилось?» — Семерка счастливое число, — улыбнулся Гарри.

— Нашим знаком станет корона! — возвестил Рон, указывая волшебной палочкой на логотип фирмы, принадлежавшей в свое время Александре Владимировне, вырезанный

на деревянных частях спинок кресел.

— Мне нравится, — заявил Драко.

— Нам тоже, это солидно, — согласился за двоих Винсент.

«Слишком пафосно». — Наверно, подойдет? — деликатно высказалась Гермиона. Если мальчикам нравится, то, какая разница? Пусть будет корона.

— Я тоже — за. Принято единогласно, — резюмировал Гарри.

Еще бы он был против. Он еще помнил, как в начале девяностых вместе с деловым партнером они нарисовали этот ужас на салфетке в ресторане, и ведь прижилось!

«Что же, задачи поставлены, цели определены, за работку, товарищи!»

— Предлагаю следующее собрание назначить на послеобеденное время в субботу, для окончательного обсуждения организационных вопросов и выдачи вспомогательных средств. А сейчас мы должны поклясться друг другу, что если добудем философский камень, то никогда не попытаемся завладеть без спроса чужой его долей или как-то к этому обманом или силой друг друга склонить или способствовать этому с помощью третьих лиц, — поставил точку в обсуждении Гарри Поттер.

Дети поклялись. Это было правильно. За свою предыдущую жизнь Александра Владимировна насмотрелась на то, как могут повести по отношению друг к другу друзья и деловые партнеры, стоит появиться хоть малюсенькой прибыли.

Все сразу нельзя продумать и предусмотреть. По мере разработки плана появлялись новые детали.

Возникла срочная необходимость пойти написать Люциусу, чтобы тот прислал четыре наручных кобуры для волшебных палочек, для того, чтобы ребята, которые будут карабкаться по лестнице, не выронили их прямо в дьявольские силки. А еще Малфой должен был прислать три мантии-невидимки кратковременного действия, еще одну пинту обратного зелья, семь не разбивающихся пробирок с креплениями для транспортировки почтовыми совами, небольшую музыкальную шкатулку с колыбельными песнями и веревочную лестницу с зачарованными крюками, желательно — самоподнимающуюся.

«Должны же быть такие в волшебном мире? Невилл — тучный мальчик, ему будет тяжело лезть вверх самому. Эх, все в последний момент» — время безжалостно поджимало, а многое еще было не готово.

Глава 19

«Какой же вонючий, все-таки, этот гиппогрифий навоз» — Гермиона глядела на рыдающую Панси Паркинсон, облитую с ног до головы жидким пометом, вытирала с глаз невольно проступившие на них слезы и не смеялась, не могла уже. Хохотала хаффлпаффка до этого. Да так, что у нее разболелся живот.

Сначала они: Гермиона, Невилл, Винсент и Грегори действовали по плану. Заготовили несколько навозных бомб из гиппогрифьего помета, завернув его в толстые листья земляничницы-бесстыдной. Та, почему-то, охотно сбрасывала листья и покрывалась цветами с ароматом земляники (за что и получила свое название) стоило Невиллу Лонгботтому к ней подойти. Поэтому для изготовления бомб использовали именно ее. Заготовили по десять штук на каждого, разложили по сумкам и решили начать кидаться друг в друга в конце крытой галереи, которая вела из теплиц в коридоры Хогвартса, с тем, чтобы в дальнейшем перенести битву окончательно в замок. Но жизнь внесла свои коррективы. Все карты смешала Паркинсон.

Панси Паркинсон, единственную дочь немолодого отца, с пеленок воспитывали в осознании собственного превосходства. Панси гордилась своей семьей, своей родословной, тем, что она вхожа в высшее магическое общество.

А еще она с детства была влюблена в Драко Малфоя. И всерьез рассматривала возможность того, что они поженятся, ведь они были ровесниками из одного социального круга.

Но виделись они довольно редко, а когда встречались, светловолосый принц не обращал на нее никакого внимания.

Панси надеялась, что все изменится, когда они вместе поедут учиться в Хогвартс. Но и здесь ее ждало полное разочарование, ее чаяниям сбыться было не суждено.

У Драко появилась своя компания — герой магической Британии и его кузен, Рон Уизли, отец которого непродолжительное время был опекуном Избранного. Тут было все понятно — выгода и от родственников никуда не деться.

Но потом к Драко присоединились Винсент с Грегори — двое тупиц, которых Панси терпеть не могла с самого детства, и Невилл Лонгботтом — тоже, кузен. Но самым обидным стало то, что возле её любимого Драко постоянно отиралась маглорожденная выскочка, Гермиона Грейнджер и тот обращал на хаффлпаффку внимания гораздо больше, чем на нее, Панси.

«Пусть себе мужа подбирает из своих тюфяков, а на моего Драко даже не смотрит!» — девочка обо всех судила по себе. Раз она, Панси, уже приглядела себе будущего супруга, то мерзкая Грейнджер сделала, несомненно, то же самое.

Паркинсон ревновала, Паркинсон злилась и, проходя мимо Гермионы, слизеринка сильно задела «соперницу» плечом.

— С дороги, грязнокровка!

— Как ты ее назвала? Извинись, сейчас же! — дорогу Панси преградил Невилл Лонгботтом.

— Пропусти меня! — но, не тут-то было, проход Паркинсон в коридор закрывали уже Крэбб и Гойл.

Сколько они себя помнили, столько Панси на них кляузничала родителям. А сейчас эта ябеда оскорбила Гермиону.

— Извиняйся, — угрожающе надвигался на нее Грегори.

— И что ты мне сделаешь ради этой уродины? У нее зубы, как у бобра! — закричала

Паркинсон.

— На себя посмотри, жертва инбридинга! — ответила Гермиона, которая действительно переживала из-за своих слишком крупных передних зубов.

Панси не поняла, что ей сказала эта забывшая свое место Грейнджер, но, наверно, что-то очень обидное.

— На что ты рассчитываешь, грязнокровка? — Паркинсон высказывала то, что давно копилось у нее в душе. — Захомутила себе пятерых из священного списка и думаешь, кто-то из них на тебе женится? — она смотрела на Гермиону с видом победительницы. — С такими, как ты, только развлекаются. У них, — Панси показала пальцем на мальчиков, — слава Мерлину, есть родители, которым ты не задуришь голову. Разве что с Уизли может прокатить, так как он в семье шестой, и с Невиллом, у него отцу вообще соображать нечем! — Панси занесло.

Процесс над Лестрейнджами и Краучем-младшим не был закрытым, о том, что случилось с Алисой и Фрэнком Логботтом, было известно, но даже их враги между собой не смеялись над бывшими аврами.

«Я никогда не буду ссориться с Невиллом» — у того на лице появилось такое яростное выражение, что Рону показалось, что еще секунда, и он Паркинсон убьет.

Но, вместо этого Логботтом достал из сумки навозную бомбу и кинул ее Панси прямо в лицо. Он расстреливал девочку гиппогрифьим пометом в упор до тех пор, пока он у него не закончился.

Панси громко визжала и топала ногами. Ее подруги, прибежавшие ей на помощь, не имели возможности никуда её увести, так как не могли к ней прикоснуться.

С ног до головы Паркинсон была облеплена дурно пахнущей коричневой субстанцией.

— Агуаменти, — Драко, когда окатил Панси с ног до головы водой, не хотел сделать ничего плохого.

Он просто попытался ее умыть и успокоить. Но стало только хуже. До этого липкий, но консистентный навоз превратился в густую текучую зловонную жижу, а вокруг девочки образовалась большая коричневая лужа.

«И Драко с ними заодно!» — Панси разрыдалась от стыда, обиды и унижения.

«Она вроде, как принцесса на горошине, когда та пришла просить убежище в замке от дождя».

— Какашечная принцесса, — глядя на ревущую Паркинсон, констатировала Гермиона.

— Завидная невеста для потомка благородного рода, — что уж там, хаффлпаффка была серьезно уязвлена тем, что ее обозвали грязнокровкой. — Где же твой принц-вонючка?

Первым засмеялся Рон, за — ним Гарри и Грегори, а потом, держась за животы, хохотали все свидетели происшествия.

Такими их и застала, прибежавшая на шум из теплиц профессор Стебль.

— Что здесь происходит? — она автоматически очистила пол и одежду рыдавшей слизеринки, а, также, пол от навоза.

— Они... Это все он... — Панси, плача и вытирая совсем не аристократично нос ладонью, не могла сказать ничего вразумительного.

— Панси обозвала Гермиону грязнокровкой, — тут же «накляузничал» Драко, — а родителей Невилла... — мальчик замялся.

— ...сумасшедшими, — закончил за него предложение Невилл, он все еще был очень зол.

— Я за это забросал ее навозными бомбами, а Драко облил водой, — Лонгботтом не хотел без надобности врать своему декану, тем более, все все видели.

— Вот как? — если бы взглядом Помоны можно было замораживать, Панси превратилась

бы в ледяную глыбу.

— Вам, мисс... — женщина помолчала, — Паркинсон, я настоятельно советую подумать над сегодняшним происшествием и сделать из него правильные выводы.

— Невилл, — декан Хаффлпаффа не могла допустить, чтобы подобный инцидент, случившийся на глазах у многих свидетелей, остался безнаказанным. Это было бы не педагогично. Но она помнила молодых и здоровых Алису и Фрэнка, Невилл стал ее любимым учеником, а Гермиона была доброй, отзывчивой девочкой, которая всем всегда помогала с учебой. И, поэтому...- ты мне поможешь в теплице после урока.

«Делайте со мной, что угодно, только не бросайте меня в терновый куст», — Гарри, который и возмутился, и хохотал вместе со всеми, оценил суровость наказания.

— А ты, Драко, пойдешь к мистеру Филчу и скажешь, что ты пришел переписывать карточки, — Помона Стебль вспомнила, что у мальчика красивый почерк, а смотритель просил прислать кого-нибудь из нарушителей именно с таким.

«Бинго!» — Драко от радости чуть на месте не подпрыгнул.

— Гарри, — после отработки Малфой вошел в свою спальню с гордым и сияющим видом, вытаскивая из-за пазухи втрое сложенный пергамент и поднимая его высоко над головой. — Я ее нашел!

Глава 20

— Малфой, есть разговор, — довольно грубо обратился к мальчику Маркус Флинт, когда, завладевшие картой мародеров Драко, Гарри и Рон спустились в гостиную слизерина.

— Я тебя слушаю! — Малфой гордо вздернул подбородок вверх, глядя на возвышавшуюся над ним глыбу капитана команды по квиддичу.

— Панси, — та сидела на диванчике в кружении Дафны Гринграсс и Милисенты Булстроуд и находилась в предвкушении расправы над своими обидчиками, — сказала, что ты ее оскорбил.

— Вот и делай людям после этого добро, — Драко картинно вздохнул и обвел надменным взглядом присутствовавших в гостиной Грэхема Монтегю, Адриана Пьюси, Перегрину Деррика, Люциана Боула, Майлза Блетчли и Терренса Хиггса. Похоже, в качестве группы поддержки, Паркинсон привлекла всю слизеринскую команду по квиддичу.

— Я ее отмыть пытался, у нее навозом было все лицо залеплено, она даже глаза открыть не могла. В следующий раз мимо пройду, мороки меньше. А то — поможешь человеку, а тебя за это отправляют на отработку к Филчу, а затем выставляют непонятные претензии, — Малфой лениво тянул слова.

— Еще большой вопрос, кто кого оскорбил, — продолжил мальчик. — Панси обвинила нас в том, что мы нечестивые совратители, которые планируют воспользоваться наивностью девушки, — Драко явно цитировал чьи-то слова.

— Подумаешь, какая-то грязнокровка, — фыркнула Панси.

— Заткнись, ты, мопсиха! — рявкнул на нее Рон. — Если кто-то на тебя и позарится, то лишь как к довеску к твоему приданному! Никто не захочет жениться на такой уродине, как ты, добровольно!

«Похоже, назревает скандал», — Гарри понял, что пора вмешаться.

— Маркус, — произнес мальчик примирительным, успокаивающим тоном. — Невилл был в своем праве. Панси оскорбительно отозвалась о его неизлечимо больном отце. Драко действительно хотел помочь Паркинсон. Она, вместо того, чтобы взять себя в руки и что-нибудь предпринять для своей защиты, визжала, как банши, и позорила факультет. Говоря тихим и вкрадчивым голосом, Гарри обходил в это время Маркуса против часовой стрелки, зная из курса обучения нейролингвистическому программированию, что собеседника такое деморализует и заставляет терять ход мысли. Это было как-то связано с работой головного мозга у правшей, вокруг левшей надо было ходить в обратном направлении.

— Но дело даже не в том, что Панси смеялась над некрасивыми крупными зубами Гермионы, — Поттер выразительно посмотрел на Флинта, который комплексовал, что не нравится девочкам из-за такого же недостатка во внешности, — и даже не в том, что она обвинила нас, будто мы хотим лишить чести Гермиону. Плохо то, что она произносит слово «грязнокровка».

— Знаешь, Панси, — он повернулся к девочке и посмотрел на нее, вроде как, не зло, но та почему-то вжалась в спинку дивана. — Наследники священных двадцати восьми женятся на магглорожденных, моя мама была магглорожденной, — произнес Гарри ласково. — Поэтому я, как победитель Волдеморта, обещаю тебе, если ты обидишь Гермиону хотя бы еще один раз, то то, что Невилл сделал сегодня, покажется тебе детской шалостью по сравнению с тем, как накажу тебя я.

Паркинсон нечего было ответить.

В гостиной наступила тишина.

— Панси, — Маркус Флинт, в конце концов, ее разрушил, разведя руками в стороны, давая понять: "Помочь ничем не могу, разбирайтесь сами".

В конце концов, эта Грейнджер первая ее не трогала, Паркинсон нарвалась сама.

Представление было окончено, все вернулись к своим делам.

— Почему одним все, а другим ничего? — зарыдала Панси в объятиях Милисенты, когда Рон, Драко и Гарри вышли из гостиной в школьный коридор.

Им надо было показать карту Гермионе, времени до отбоя оставалось мало. Да и, вообще, наступил вечер пятницы, воскресенье стремительно приближалось.

Глава 21

В воскресенье в двенадцать по полудню Августа Лонгботтом, как она это делала до этого на протяжении последних десяти лет, направилась в госпиталь имени Святого Мунго проведать сына и невестку.

Лекарства, которые теперь какое-то время настаивались в чаше Хельги Хаффлпафф, привели к улучшению состояния безнадежных пациентов.

Фрэнк сидел на кровати, обложенный подушками, и более адекватно реагировал на заботу о себе, а Алиса и вовсе встретила свекровь словами: «Вы кто?»

— Я твоя родственница, милая, я ухаживаю за тобой, меня зовут Августа Лонгботтом, — пытаюсь скрыть слезы, ответила пожилая женщина.

Целитель ее строго проинструктировал, чтобы она, во избежание ухудшения, ничего не рассказывала невестке, пока состояние той окончательно не стабилизируется.

— Ей не нужны никакие нервные потрясения, не говорите ей пока ни про мужа, ни про сына, — Фрэнк теперь лежал отделенный от Алисы ширмой.

— Когда придет Невилл? — спросила Августу невестка.

— Ты его помнишь, дорогая? — улыбнулась пожилая женщина.

— Он милый мальчик. Он мой брат?

— Да, Вы с ним самые близкие родственники, — миссис Лонгботтом думала, что она выплакала все слезы, но это оказалось не так.

— Почему Вы плачете? — спросила Алиса.

— Это я от радости, девочка, ты так долго не разговаривала со мной, — Августа достала из ридикюля платок и промокнула им глаза. — Ты хотела бы чего-нибудь?

— Пирог с яблоками, — речь Алисы стала заторможенной, она словно хотела что-то вспомнить, но не могла.

Миссис Лонгботтом полезла в ридикюль второй раз. Жена ее сына любила шарлотку и раньше.

«Если она про пирог вспомнила, то, может, и про Фрэнка и Невилла не все забыла?» — дождавшись, когда Алиса выпьет лекарство и уснет, Августа присела возле кровати сына.

Тот полулежал, опершись на подушки, и бессмысленно смотрел на стену, никак не реагируя на присутствие посетительницы, но, когда к нему подошла колдоведьма, протянул руку и взял стакан, выпил его содержимое и снова уставился в никуда...

— Чаша в больнице всего четыре месяца и уже такой впечатляющий результат, — обнадежил пожилую женщину целитель, — через год Фрэнк уже начнет все понимать, а Алиса еще раньше. Но, Вы будьте готовы к тому, что им придется учиться колдовать заново и они могут никогда не вспомнить друг друга и Вас могут не вспомнить, — слова целителя и ободряли, и огорчали.

Августа была взволнована, очень.

«Главное, чтобы им было хорошо, а мы уж с Невиллом как-нибудь продержимся», — чтобы успокоить нервы, миссис Лонгботтом решила прогуляться по Косой Аллее и сделать кое-какие покупки — последние десять лет недоступное Августе развлечение.

После похорон мужа экономить приходилось каждый сикль. Питались с огорода, продавали выращенные растения. Невилл все детство проходил в перелицованных вещах своего отца. В лучшие времена Августа никогда не жила бедно, поэтому мальчик выглядел очень прилично, не хуже остальных. Даже волшебная палочка (из соображений экономии) у Невилла была отцовская.

Зато, из наследства, оставленного ей мужем, миссис Лонгботтом ничего не потратила,

все должно было достаться внуку, когда тот вырастет.

Сейчас же дела с финансами заметно улучшились.

После выплаты компенсации оправданным Рабастаном Лестрейнджем (бедный мальчик, провести десять лет в Азкабана под Империей), Августа могла себе позволить любые расходы, но по привычке покупала лишь самое необходимое. Это был тот редчайший случай, когда женщина решила себя побаловать.

Прогулявшись по лавкам, раскланявшись со знакомыми, выпив кофе по-венски, миссис Лонгботтом увидела, что уже два часа дня — время обеденное. Затем, она вспомнила, что было бы неплохо купить внуку новую волшебную палочку и так удачно, что именно сегодня воскресенье. Значит, можно забрать Невилла из Хогвартса на полдня, а сыну, когда тот придет в себя, вернуть его волшебную палочку.

Определившись с планами, Августа заказала обед и попросила перо, пергамент и почтовую сову, что волшебнице было тут же предоставлено. Миссис Лонгботтом написала письмо Помоне Спраут, где рассказала той свежие новости и попросила отпустить внука до вечера из Хогвартса.

И уже через сорок минут, заручившись согласием декана Хаффлпаффа, Августа в сопровождении встретившего ее у ворот Аргуса Филча шла по направлению к большому залу.

Альбус Дамблдор отсутствовал, но, зато, за преподавательским столом почему-то обедал Люциус Малfoy. Вид у этого малолетнего засранца, как миссис Лонгботтом по старинке называла его про себя, был напыщенным и высокомерным.

«Но манеры, как всегда, хорошие. Лицемер», — Августа сухо кивнула мужчине в ответ на его вежливое приветствие.

Гораздо теплее она поздоровалась с Минервой Макгонагалл и Помоной Спраут.

«Как летит время», — обоим она помнила еще девочками. И вот, уже седина на висках.

— Бабушка, что случилось? — Невилл выглядел взволнованно. — Что-то с родителями?

— Нет, дорогой, все хорошо. Мы сейчас отправимся в Косой Переулок, купим тебе твою собственную волшебную палочку, — Августа сразу озвучила цель своего визита. — А вечером ты вернешься в школу.

— Здорово! — Невилл обрадовался.

«Хорошо, что я сразу не пошел в совятню. Надо вести себя естественно» — хаффлпафдец вспомнил наставления Гарри.

— Бабушка, позволь мне представить тебе своих друзей, — он подвел ее к девочке с аккуратно заплетенной толстой косой и двум упитанным высоким мальчикам, стоявшим в некотором отдалении.

— Гермiona Грейнджер, Грегори Гойл и Винсент Кребб, — Невилл озвучил их имена, в то время, как девочка сделала вполне приличный книксен, а мальчики синхронно кивнули головами и прищелкнули каблуками. Уроки хороших манер от Драко Малфоя не прошли даром.

«Надо же, какие воспитанные дети» — Августа помнила их дедов и отцов, никакого сравнения!

«Да и Невилл держится очень уверенно, а не как обычно. Похоже, она на них хорошо влияет» — пожилая ведьма внимательно рассматривала магглорожденную волшебницу, про которую внук упоминал в каждом письме.

— Августа Лонгботтом, приятно познакомиться. Молодые люди, леди, — доброжелательно произнесла бабушка Невилла. — С вашего позволения мы вас покинем. Рада была пообщаться.

— До свидания, — леди и молодые люди вежливо ответили.

— Пока, ребята! Вечером увидимся! — Невилл немного разбавил этот пафос и направился вслед за бабушкой к выходу из большого зала.

«Обязательно солью в думосброс» — Люциус Малфой следил за происходящим со смесью изумления и ехидства. Буквально намедни он получил от отцов Гойла и Кребба два абсолютно одинаковых письма. Те интересовались, кто такая Гермиона Грейнджер, не знает ли он что-нибудь про нее.

«Пусть полюбуются. Интересно, кто из этих трех тюфяков на ней, в конце концов, женится?» — девочка была хваткая и своих кавалеров, судя по их поведению, вышколила очень быстро. «Хорошо, что Драко это не грозит» — Люциус представил марширующих строевым шагом вдоль дорожек своего поместья павлинов и содрогнулся. «Но для Кребба или Гойла — то, что надо» — с такими мыслями Малфой приступил к десерту.

«Интересно, зачем Драко попросил меня зайти к нему в комнату после обеда? Возможно, у Лорда есть для меня поручение?» — вид у сына был подозрительно довольным и немного взволнованным, но еще подозрительнее выглядела его близкая дружба с Уизли...

— Бабушка, меня попросили тебе это передать. Я не могу рассказать, не спрашивай, я дал непреложный обет.

Когда Августа и Невилл спустились в подземелья Гринготтса за деньгами (миссис Лонгботтом большие суммы с собой не носила, а тут подумала, что было бы неплохо купить внуку новую зимнюю подбитую мехом мантию) и зашли в свой сейф, мальчик протянул волшебнице написанный Гарри накануне пергамент.

«Сначала отправляешь письмо, затем — камень отсылаешь», — вспомнил он наставления.

По прочтении послания выражение лица Августы несколько раз менялось, а затем стало непередаваемым.

— Давай его сюда, — сказала она тихо.

Взяла в руки неразбиваемую колбу, протянутую ей внуком. Увидев величину спила кристалла, который явно разделили на несколько частей, она вспомнила рецепт исцеляющего напитка, считавшегося легендой:

«Возьмите философский камень величины с ноготь мизинца младенца, разомните в ступке, растворите в теплой воде, выпейте...» — всего-то навсего.

«Да тем булыжником, от которого это отпилили, можно было половину Лондона вылечить!

Ах ты, старый жлоб! Как детей кидать в пекло, так он первый, а как их лечить, нет его!» Далее, присевший от волнения на грудь золота Невилл (Лестрейндж ополовинил сейф Беллатрикс, лишь бы к нему ни у кого больше не оставалось претензий) некоторое время слушал о сомнительной родословной Альбуса Дамблдора, его нездоровых сексуальных пристрастиях и, не делавших чести директору Хогвартса, душевных качествах.

Мальчик не предполагал, что его строгая, но вежливая бабушка, умеет так ругаться.

— Даже не думай когда-нибудь повторить за мной эти ужасные слова, — предупредила та внука, после того, как облегчила душу и выговорилась.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — Августа увидела, что Невилл стал белый, словно мел. «В записке, конечно, все гладко написано и алиби у солнышка есть. Но, всем стало бы лучше, если бы Альбуса не стало. На меня никто не подумает, да, и старая я уже» — чтобы защитить внука от возможного разоблачения, миссис Лонгботтом решила

попытаться убить директора Хогwartса, по-тихому, из-за угла.

«Неужели я это, и в правду, сделал?» — у Невилла наступило осознание происшедшего.

— Кажется, да, — Лонгботтом был близок к тому, чтобы от испытанного за день напряжения, свалиться в обморок, но он взял себя в руки.

«Грегори сказал бы, что у меня отходняк» — операция по изъятию философского камня прошла, как по маслу. Они управились за два часа и даже успели прийти вовремя на обед. Но никогда в жизни Невиллу еще не было так страшно.

Глава 22

Цербер оказался огромной страшной трехголовой псиной, при виде которой Невиллу захотелось убежать, но он не мог. Мальчик знал, что только он один сумеет достать из зеркала философский камень.

Поэтому Невилл стоял под самой настоящей мантией-невидимкой и, слушая колыбельные песни, от которых цербер сразу захрапел всеми своими тремя головами, смотрел, как невидимая Гермiona открывает крышку люка и цепляет к его краю лестницу. Выглядело это странно, как будто крючья сами впились в камни пола.

— Полезли, — это был шепот Рона.

Вцепившись в лестницу и зажмурив глаза от страха (все равно вокруг было темно) Невилл спускался вниз, пока не уперся ногой во что-то мягкое.

«Дьявольские силки», — выдохнул он облегченно, наконец-то рядом было что-то понятное, безопасное, напомнившее о родном доме. Для того, чтобы успокоиться, мальчик начал гладить упругие ростки, гладил их, гладил.

— Невилл, ты, главное, не усни, — в себя его привел ехидный комментарий Драко Малфоя. Мальчик открыл глаза и понял, что его друзья уже давно спустились и ждут его одного.

— Извините, я сейчас, — стусевался Лонгботтом. Он совсем не был похож на героя и героем себя не чувствовал. Если бы не родители, он никогда в жизни не полез бы ни за каким философским камнем.

И вот они, стараясь ступать неслышно, вдвоем крались по широкой с высокими сводами потолков галерее, освещаемой светом факелов.

«Наверно, мы где-то в подземельях», — подумал Невилл, ему стало еще страшнее.

«Что будет, если нас поймают?»

Но, как говорила Гермiona: «Мосты сожжены, Рубикон перейден, отступить некуда».

«Как она там сейчас, наедине с огромной псиной, совсем одна?» — мальчики пришли в зал, где стояли огромные шахматы.

Рон, помня инструкции Гарри, залез на коня, Драко его посадил. Фигуры тут же ожили, и началось, как сказал бы Винсент, рубилово.

Невилл, не понимая, кто с кем сражается, забился в угол и закрыл глаза ладонями, чтобы сквозь пальцы иногда подглядывать за происходящим. Среди стоявшей столбом пыли и рушившихся фигур алела из-под спавшего в пылу борьбы капюшона одноразовой мантии-невидимки рыжая шевелюра Рона Уизли.

«Какой он храбрый, хотел бы я быть таким, как он!» — Невилл стыдился своей трусости. Внезапно все стихло.

«Неужели его убили?» — все оказалось гораздо лучше. Рон, сидя на высоком черном коне, принимал капитуляцию вражеского короля.

Во второй комнате оказалось совсем нестрашно. Драко, увидев летающие ключи, схватил стоявшую у стены метлу и взмыл к потолку почти вертикально.

«Малфой летает, словно птица» — Лонгботтом вспомнил, каким увальнем он сам казался на квиддичном поле. Гермiona и то летала лучше него. Мальчик вздохнул.

Драко, тем временем, немного полетал возле ключей и, сделав молниеносный бросок, схватил большой серебряный ключ.

«Так же стремительно моя жаба мух ловит!» — восхитился Невилл.

Тем временем, Драко, крепко сжимая сопротивлявшийся «снитч» в руке, спустился вниз, подошел к двери, вставил непокорный ключ в замок и провернул. После чего не отпустил, а на всякий случай оставил себе, решив выпустить добычу лишь тогда, когда они будут

покидать комнату на обратном пути. Мантия-невидимка временного действия во время полета с мальчика свалилась, Рон ее на друга накинул снова.

«Дальше я пойду один» — на негнущихся ногах Невилл направился вперед.

«Это цербер был ужасен? Да он просто маленький милый щенок», — горный тролль, вот кто был ужасен на самом деле!

Тролль был огромен, страшен и вонюч, он ходил по залу, не уступавшему размером школьной столовой, из угла в угол.

«Совсем не сложно мимо него прошмыгнуть. Вот папа и мама они были храбрыми, они служили в Аврорате. Они трижды встречались в бою с Волдемортом, и все три раза он не смог их победить. Если бы они, на волне всеобщей эйфории», — эти слова он сотни раз слышал от бабушки, — «не сняли с дома защитные чары, то до сих пор были бы здоровы. Но я их вылечу!» — размышляя подобным образом и слыша, как зубы помимо его воли выбивают барабанную дробь, Невилл достиг противоположной стороны зала и подошел к столу с семью стоявшими на нем склянками. В это мгновение и за мальчиком, и перед ним встала сплошная стена огня, но жарче не стало.

«Это, как в камине с летучим порохом. Ничего страшного. Я в жизни бы не понял, что мне надо выпить» — подумал Невилл, прочитав записку-пояснение, достал дрожавшей рукой из кармана переговорное зеркало и постучал в него — условный знак, о котором они договорились заранее с Гермионой.

С третьего раза правильно прочитав задание по просьбе девочки буквально по слогам, Невилл несколько раз подряд ей перечислил, в какой последовательности стоят пузырьки и как они, при этом, выглядят...

Когда Гермиона четыре раза подряд услышала одну и ту же последовательность, она ушла со связи и принялась решать задачу. Хаффлпаффка понимала, что у нее нет права на ошибку.

«Я теперь всю жизнь буду ненавидеть трехголовых собак и колыбельные песни» — храп цербера и мелодия, которую девочка прослушала пятьдесят раз подряд, не давали сосредоточиться. А еще надо было на карту мародеров смотреть, не идет ли в запретный коридор Хагрид. Но, судя по всему, собаку тот кормил два раза в день.

— Самая маленькая бутылка — проход туда, пузатая крайняя справа — обратно, — несколько раз все перепроверив, вынесла свой вердикт Гермиона.

Она волновалась, но, все-таки, не так сильно, как Невилл.

Услышав ответ подруги (другого выхода все равно не было, в прямом смысле этого слова) мальчик вытащил из кармана безоар, как ему настоятельно советовал сделать Гарри, и выпил содержимое первой бутылочки.

«По-моему, я не отравился» — боясь испортить мантию-невидимку, Невилл ее снял и оставил лежать на столе, после чего, вдохнув в легкие воздуха побольше, пробежал сквозь огонь и очутился в небольшой комнате, где стояло одно-единственное зеркало.

«Я почти все сделал. Я должен вылечить папу и маму!» — мальчик с отчаянием смотрел на свое отражение. Вдруг оно ему подмигнуло. Невилл почувствовал, как что-то большое и тяжелое переместилось в карман его брюк.

«Получилось!» — мальчик вспомнил, как Гарри ему говорил, что как только он, Невилл, почувствует, что в его кармане лежит камень, надо будет тут же уходить.

«Наверно, в этом тоже есть какой-то смысл?» — не медля ни секунды, Лонгботтом побежал обратно в пламя, залпом осушил пузатую бутылку, схватил со стола мантию и пробежал с ней в руках сквозь стену огня в обратную сторону.

Мальчик мчался мимо медлительного тупого тролля.

— Камень у меня! — крикнул он друзьям. Те побежали вслед за ним.

«Кто мог бы предположить, что пухлый Невилл может развить такую прыть?» — Рон на дыхание никогда не жаловался, но сейчас поспевал за хаффлпаффцем с трудом.

— Гермиона, спускай лестницу, — прохрипел Невилл, согнувшись пополам и хватая ртом воздух.

«Извините, но мне сейчас некогда с вами возиться», — мысленно обратился любимец Помоны Спраут к дьявольским силкам.

— Люмос Максима! — он их ослепил, те сжались и уползли куда-то к стенам.

Невилл не помнил, как он карабкался наверх, как они все вместе вышли в коридор третьего этажа и поднимались по лестницам.

В себя он пришел лишь в Выручай комнате, в тот момент, когда выложил из кармана на стол большой похожий на рубин кристалл.

Мальчик верил и не верил...

«Мы сделали это» — констатировал Грегори Гойл, забирая у друзей волшебный напильник, так как был единственным, кто умел им пользоваться.

— Разделить на семь равных частей, — отдал хаффлпаффец приказ. Тот моментально камушек распилит, словно нож масло, никто ничего понять не успел. — Меня папа научил. Здесь надо, как с метлой, — объяснил Грегори.

«Хорошо, что у меня снова есть член» — Винсент пару раз проверял, на месте ли тот. Ему пришлось час пробыть Гермионой, это было странно, но, зато, теперь мальчик знал, какая его подруга в раздетом виде.

«Надо будет за Пенелопой Кристал подглядеть, когда она будет мыться в ванне для старост» — при наличии мантии невидимки и карты Хогвартса эта мечта была вполне осуществима. В общем, перспективы открывались огромные.

Но неприятно заурчал живот. Все же, летать в теле Драко, подражая его манере управления метлой, было тяжело. Креббу и Гойлу повезло посетить дополнительные занятия у мадам Хуч, которые та устроила в воскресенье перед обедом и «засветить» Драко с Роном на квидичном поле перед всем Хогвартсом.

— Прекрасное алиби, ребята! — похвалила их Гермиона.

Винсент и Грегори смутились, до них только-только дошло, что она не просто отличница, а еще и девочка.

Кребб и Гойл были рады тому, что они с ней и Невиллом подружились в поезде и вместе попали на Хаффлпафф. Кухня рядом, уроки есть кому объяснить, на зельеварении за них, считай, все делают, а тут еще и философский камень, и мантия невидимка, и карта Хогвартса, на которой видно, кто где находится. А Панси со своими кляузами может идти куда подальше. Опять наябедничала родителям, те в письмах спрашивали, кто такая Гермиона Грейнджер.

«Ничего, я Паркинсон такое устрою, что ей гиппогрифий навоз амброзией покажется» — Грегори строил планы мести.

— Ребята, мы еще на обед успеем, — констатировал Грегори, запечатывая последнюю колбу и кладя ее себе в карман.

— Мы в совятню ходим, — продолжил за него Винсент. — Мы всегда отправляем почту перед обедом по воскресеньям, — призыв вести себя, как обычно, помнили все.

— Да, самое время пообедать, — согласился Рон. Он решал для себя сложную дилемму. Необходимо было отдать на хранение Люциусу Малфою свою часть камня.

— Под клятву вернуть на совершеннолетие или при иных обстоятельствах, если случится форс мажор, или по твоей просьбе, — объяснил другу Драко.

Пришлось согласиться, иного выбора у Уизли не было. Мальчику стало немного обидно, что в его собственном доме нет безопасного места, куда никто не залезет, и невозможно довериться родителям, как это собирались сделать Лонгботтом, Кребб, Гойл и Грейнджер. Гарри своему крестному, Сириусу Блэку, тоже рассказывать ничего не хотел, а был намерен отдать камень на хранение Малфоя. Поэтому Рон, в конце концов, решился сделать то же самое.

«Не съест же он меня» — рассуждал мальчик. Люциус Малфой оказался неожиданным союзником, так как они с его, Рона, отцом давно из-за чего-то враждовали. Это было как-то связано с заколдованными маггловскими вещами, чем мистер Малфой еще до победы над Тем-Кого-Нельзя-Называть любил развлекаться. Но вроде, без смертельных исходов, магглы просто сильно пугались.

«Все так запуталось» — думал Рон, вежливо поздоровавшись вслед за Драко с его папой, зачем-то приехавшим в Хогвартс и оставшимся на обед. После чего направился вместе с другом к слизеринскому столу.

Гермиона и Невилл уже сидели за хаффлпаффским, вскоре к ним присоединились вернувшиеся из совятни Винсент Кребб и Грегори Гойл...

— Выскачка? Грязнокровка? Золотоискательница, втершаяся в доверие к бедным наивным мальчикам? — Гойл-старший подбрасывал в руке алый камень, полученный в посылке от сына, глядя на свою немного смущенную жену, что с той редко случалось, с видом превосходства. — Прекрасная умная порядочная ведьма с огромным магическим потенциалом и полным отсутствием родовых проклятий.

— Да, больше не буду слушать Паркинсон, — соглашалась миссис Гойл, алчно поглядывая на кристалл, зажатый у мужа в кулаке.

— Чудо, а не девочка! С таким-то приданым, — к посылке сына были приложены две записки. Одна от Грегори: «У меня все хорошо, Панси — дура», а другая оказалась написана приткопишущим пером. Гойл-старший готов был поклясться, что его автор — Гермиона. По его мнению, больше такое послание в окружении сына написать было некому.

По своим каналам он знал, что его сын со своей компанией ходят везде вчетвером.

— Готов спорить на что угодно, что эти авроры, из-за которых Лестрейнджей посадили, Лонгботтомы, скоро станут целиком и полностью здоровы, — продолжал делиться с супругой мужчина своими рассуждениями.

Несмотря на расхожее мнение, дураком он не был. Иначе, не отвертелся бы от Азкабана. «Сперли камушек, наверняка, у Дамблдора. Скорее всего, этот светоч протрепался о нем старой стервятнице Лонгботтом. А та внуку рассказала, тот похвалился Грейнджер, а эта магглорожденная, — Гойл-старший явно разучивал новое для себя слово, — придумала, как камушек спереть. А наши орлы были на подхвате. Хитрые упорные барсуки...»

Мужчина был доволен, очень доволен.

— Пусть Паркинсон следит за своей дочерью, — резюмировал он. — Если наш оболтус решит жениться на этой прекрасной молодой особе, Гермионе, я согласен даже на Дамблдора в качестве посаженного отца.

— Что значит «если»? — для миссис Гойл женитьба сына на мисс Грейнджер была делом решенным.

— А то, что на девчонку и другие желающие найдутся и, вообще. Пусть Грегори женится на ком захочет. Заставлять я его не стану.

Мужчина вспомнил, как все смеялись над Артуром Уизли и Молли Прюэтт. А у них родилось семеро детей! Семеро! Каждые два года по сыну! Гойл-старший слышал, как

Люциус Малфой злословил над бедностью Уизли, а сам Артуру жутко завидовал. Ведь Нарцисса родила только одного ребенка и того еле доносила.

«Пусть женится по любви, на ком захочет» — решил Гойл-старший. Грегори тоже был его единственным сыном.

«Теперь это временно» — довольно подумал мужчина, его собственное бесплодие, приобретенное в результате проклятья, стало излечимо.

Глава 23

«Он мог бы стать куда лучшим директором Хогвартса, нежели Дамблдор» — чем дальше Гарри слушал рассказы Горация Слагхорна, тем больше он утверждался в этом мнении. Возможно, если бы в теле мальчика жила душа маленького ребенка, то все, что он увидел бы — это тщеславного толстого старика в твидовом пиджаке, который хвалился тем, что учил сильных мира сего и стоял у истоков их карьеры.

Но Александра Владимировна поняла совсем другое. Она разглядела увлеченного преподавателя, который выискивал талантливых детей и знакомил их между собой, помогал им связями, советами и устраивал их на перспективную работу после школы. А не бросал в никуда после того, как выделял несколько лет подряд.

«Не думаю, что Альбус рассматривает вечерами колдографии своих выпускников» — Гарри решил, что профессор Слагхорн был куда более заботливым человеком, чем Дамблдор. В учениках и заботе об их карьерах состояла вся жизнь преподавателя зельеварения.

«Почему же он тогда уволился?» — ответ напрашивался само собой, если знать о том, кто рассказал Тому Риддлу про хоркрусы. Гораций обвинял себя в том, что из-за его болтливости и доверчивости жизнь многих его подопечных сложилось трагически: умница Барти Крауч попал в Азкабан, любимая ученица Лили Эванс, столь удачно вышедшая замуж, была убита в спальне собственного дома. А сколько существовало подобных историй, про которые Гарри ничего не знал!

«У этого человека есть совесть, в отличие от Дамблдора» — вряд ли Альбус проливал скупую мужскую слезу над колдографиями первого состава Ордена Феникса, глядя на юные лица волшебников, которым никогда не суждено было постареть.

При этом, по-настоящему Гораций амбициозным или жадным никогда не был, не пытался никого подсидеть. Вся энергия Слагхорна, каковы ни были бы причины, была направлена на улучшение жизни его подопечных. Не всех подряд, конечно, а самых ярких, талантливых и трудолюбивых. Что показательно, Гораций не делал исключения ни для одного факультета, приглашая в клуб Слизней представителей всех четырех.

— О чем Вы задумались, юноша? — спросил у Гарри бывший декан Слизерина.

— О том, как Вы много хорошего для всех сделали, сэр — не стал кривить душой Гарри, хотя, со стороны это могло показаться подхалимством. — Правда, ведь если бы не Вы, многих из Ваших учеников не приняли бы на работу. Вы за них просили, заботились о них, интересовались, как они живут, — это была, отчасти, шпилька в адрес Дамблдора.

Тот или не понял, или не подал виду, продолжая запивать чаем вкуснейшую сдобу.

О том, что происходит в замке в то время, как он наносит визит Горацию Слагхорну, Гарри старался не думать. В данной ситуации это было абсолютно бесполезным занятием.

«У Хуч до обеда назначены дополнительные занятия для первоклассников» — на уроки полетов в Хогвартсе действительно было отведено очень мало часов и преподавательнице иногда приходилось заниматься вне расписания.

«МакГонагалл с десяти утра роется в архиве, спасибо Люциусу, Спраут в теплицах, Синистра, возможно, отсыпается после ночных наблюдений, Трелони из башни лишней раз не показывается» — мальчик, все же, себя успокаивал.

«Уже полчетвертого вечера, а со мной никто не связался. Значит — все в порядке» — Гарри дал друзьям четкие указания — если запланированное проходит штатно, не пытаться общаться с помощью переговорного зеркала.

— Я его беру с собой лишь для того, чтобы, в случае необходимости, предупредить

заранее о внезапном возвращении Дамблдора, — объяснил он ребятам накануне.

— Как Вам, Гарри, нравится на Слизерине? — тем временем, расспрашивал мальчика Слагхорн.

— Нравится, я живу в одной комнате с Роном Уизли, сыном Артура Уизли, и Драко Малфоем, — чей Малфой сын объяснять было не нужно.

— Уизли на Слизерине? — удивился Гораций.

— Думаю, он упробил шляпу отправить его вслед за мной, — пустился в объяснения Гарри. — Сначала Драко и Рон соперничали за мое внимание, а потом подружились.

— Малфой дружит с Уизли? — мистер Слагхорн весь подобрался и словно помолодел лет на десять. Он начал погужаться в любимую стихию.

— Да, Драко учит нас танцевать. Меня Министр Фадж пригласил на Рождественский бал в Министерство Магии. Если бы не Малфой, стоял бы я весь вечер у стенки, — нужные слова были сказаны.

— Альбус, я подумал, — Гораций потянулся за засахаренной долькой ананаса. — Я согласен на твое предложение. Могу приступить к своим обязанностям, хоть завтра. Откроешь для меня камин в мои бывшие апартаменты?

— Называйте меня теперь профессором, юноша, — мистер Слагхорн был похож на седого довольного моржа. Гарри обещал стать жемужиной его, Горация, коллекции. Старик уже предвкушал: клуб Слизней, танцы, свежие новости из Министерства. Как же он скучал без всего этого!

— Да, сэр! — ответил Гарри с искренней улыбкой.

— Для начала надо подключить твой камин к моему кабинету, Гораций, — напомнил своему уже подчиненному Дамблдор.

— Конечно, Альбус, — согласился тот, взмахнул волшебной палочкой и на месте стены с висевшей на ней картиной появился огромный камин, такой же высокий, как в вестибюле Министерства Магии.

— Это для того, чтобы мне, старику, не сгибаться в три погибели. Кабинет директора Хогвартса, — произнес Гораций и вступил в зеленое пламя. Дамблдор и Гарри последовали вслед за ним.

«Он этим маршрутом лет пятьдесят ходил» — подумал мальчик про своего нового декана. В кабинете директора прибывшие увидели ставшую уже привычной за много лет управления Хогвартсом Дамблдором картину: Минерва Макгонагалл, выполнявшая роль его заместителя, и глава попечительского совета, в данном случае — Люциус Малфой, склонились над горой бухгалтерской документации и что-то оттуда выписывали.

Глава 24

К отвлечению внимания Альбуса Дамблдора Люциус Малфой подошел со всей ответственностью. Как-то так получилось, что после того, как мистер Малфой посетил Министерство Магии, одному из чиновников в голову пришла гениальная идея: перед тем, как выделить финансирование для закупки постельных принадлежностей для Хогвартса, попросить детализацию их износа и списания за последние пятнадцать лет по семестрам. В отдельные графы требовалось внести количество пришедших в негодность одеял, покрывал, пододеяльников, наволочек, простыней и полотенец. Последние необходимо было разбить на подгруппы: для рук, для ног, для лица, для всего тела.

Составление подобного отчета грозило стать делом довольно муторным, так как списанные постельные принадлежности обычно вносились в одну строку через запятую, а запросы делались на целые комплекты. К тому же, надо было поднимать архивы за последние пятнадцать лет.

Как-то так случилось, что письмо из Министерства пришло в Хогвартс в субботу после ужина, а отчет в Министерство необходимо было предоставить в понедельник утром, поскольку начальник соответствующего отдела должен был одобрить бюджет сразу после обеда.

Когда Люциус Малфой, как председатель попечительского совета школы, прибыл в нее в воскресенье перед обедом для того, чтобы забрать требующийся документ, его встретила Минерва МакГонагалл, сказав, что отчет будет готов лишь к вечеру, и предложила Люциусу пообедать. Вид у женщины, при этом, был усталый и измученный. Мистер Малфой, выполняя указание «быть на виду», любезно согласился и, покусав на глазах трех сотен учеников в главном зале, предложил заместителю директора свою посильную помощь. Мисс МакГонагалл с некоторыми сомнениями, но приняла её. Конечно, это было неправильно. Но из-за долгого чтения мелкого почерка Филча у женщины разболелась голова, а на таблицы с цифрами глаза смотреть уже не хотели. «Пусть посчитает для своего Министерства» — она привела мистера Малфоя в святую святых — кабинет директора. Люциус там уже был, но, в отсутствие хозяина — никогда. К составлению перечня отец Драко приступил, словно гоблин из банка. Увидев, как у нового председателя попечительского совета все ловко получается, Минерва вздохнула с облегчением. Мистер Малфой выписывал количество драных наволочек и протертых простыней с таким видом, словно это было самым интересным делом на свете.

«Он и в школе был ответственным» — мисс МакГонагалл помнила Люциуса еще студентом. Особых талантов у Малфоя не было, в отличие от того же Сириуса Блэка или Барти Крауча, но староста Слизерина всегда очень старался, выжимал из себя все, что мог, и часто преуспевал там, где более одаренные отступали.

Немного отвлекшись от таблиц, Минерва поняла, что в кабинете что-то тихо, но настойчиво и противно звенит.

Если бы декан Гриффиндора знала, что это сработали следящие чары в зале, где стояло зеркало Еиналеж, она, конечно, обратила бы на это внимание и проверила бы, в чем дело. Но Альбус Дамблдор, стараясь сохранить тайну, никого не предупредил (кроме Хагрида, который забрал философский камень из банка), что в Хогвартсе хранится одна из легенд волшебного мира, и не объяснил преподавателям, зачем те делали полосу препятствий.

Минерва очень устала, у нее от таблиц рябило в глазах, а в кабинете Дамблдора, как в сувенирной лавке, вдобавок к противному звону, что-то качалось, переливалось,

мерцало. Поэтому женщина призвала к себе звеневший на одной ноте, словно противный комар, предмет, тот оказался колокольчиком, и, решив, что тот сломался, приложила его заклинанием. После чего поставила на место. Стало тихо.

«Как хорошо» — подумала профессор МакГонагалл и продолжила работу.

Когда директор Хогwartса вышел из камина, декан Гриффиндора обрадовалась.

Люциус, по ее мнению, мог все доделать без нее, поэтому Минерва отговорилась сильной занятостью на факультете и быстренько ушла.

Альбусу пришлось принимать дела: отпустить Гарри Поттера к друзьям, подписать с Горацием контракт преподавателя, после чего тот получил полный доступ в свои апартаменты и ушел обустроиваться. Сделав все это, директор Хогwartса был вынужден окунуться в увлекательнейший мир испачканных покрывал и продавленных матрасов.

Работа спорилась, к ужину управились.

Люциус Малфой был доволен, он все сделал в полном соответствии с пожеланиями Милорда.

— Я хотел бы навестить сына на факультете, — глава попечительского совета Хогwartса скатал в аккуратный рулон пергамент с отчетом и скрепил его печатью, предусмотренной для подобных случаев.

— Конечно, конечно. Оставайтесь на ужин, — Альбус был счастлив выставить мистера Малфоя из своего кабинета, чтобы тот, не дай Мерлин, не заметил где-то в бумагах еще одну неучтенную простыню. С этой целью директор Хогwartса выказал любезность и лично проводил Люциуса до обеденного зала.

И так вот случилось, что в результате тщательно продуманного плана и счастливого стечения обстоятельств, Альбус Дамблдор в день похищения философского камня его исчезновения не заметил. Но Августа Лонгботтом про это ничего не знала.

Глава 25

— Драко, мистер Поттер, мистер Уизли, — приветствовал Люциус Малфой по окончании ужина подошедшего к нему сына и его друзей.

Вежливо здороваться с Уизли было странно, но, если Милорд решил приблизить отпрыска Артура к себе, значит, на то существовали причины. К тому же, мальчик попал на Слизерин, значит, был небезнадежен.

— Молодые люди, Вы позволите посмотреть, как Вы устроились на факультете?

— Конечно, папа! — Драко старался сохранить лицо, но от радости чуть ли не прыгал. В кармане у него лежали две колбы с частями философского камня, так как Малфой вытянул длинную соломинку.

— Ни в коем случае не оставляйте его в комнате, носите с собой, — наставлял Гарри в субботу накануне операции. — Если обнаружится пропажа, эльфы могут тайно обыскать вещи всех находящихся в замке волшебников, но на личный осмотр не осмелится никто, так как для этого требуются весомые доказательства предполагаемой вины подозреваемого. А у Дамблдора их не будет. Не забывайте, мы первокурсники, на нас подумают в самую последнюю очередь.

Поэтому части философского камня Драко и Рон принесли с собой на ужин.

— Да, сэр, — выдохнул Уизли в ответ на формальный вопрос о том, можно ли посетить их общую спальню. Держался мальчик напряженно. Столько гадостей, сколько он слышал дома про Люциуса Малфоя, пожалуй, не слышал больше никто, за исключением, конечно, матери и братьев. А сейчас они, вроде как, заодно.

«Называйте меня, пожалуйста, по имени, Люциус» — Александра Владимировна, вернее, Гарри, прикусил себе язык. Подобное в большом зале в присутствии свидетелей прозвучало бы крайне неуместно.

«Какой же он красавец» — мальчик любовался мужчиной. Тот был высоким, где-то шести футов трех дюймов ростом, широкоплечим длинноволосым платиновым блондином с глазами цвета то ли мокрого асфальта, то ли стали.

«Глубокий редкий цвет. Малфой гораздо красивее актера, который его сыграл в сериале» — Мы будем счастливы, — улыбнулся Гарри мужчине, но «сэр» не прибавил. Это прозвучало бы странно уже для Люциуса.

После обмена любезностями, вся компания направилась по направлению к Слизеринским подземельям...

«Как давно я здесь не был...» — первые тайные собрания на факультете, первые свидания с Нарциссой. «На этом диване...» — мужчина словно вернулся ненадолго в свою минувшую юность.

— Папа! — сверкая глазами, почти выкрикнул Драко, стоило за мальчиками в их спальне закрыться двери.

«Почему некоторые читатели думали, что Малфой издевается над сыном? У властных и строгих отцов не вырастают такие непосредственные, самоуверенные и избалованные дети, которые по любому пустяку бросаются к родителям за помощью. Ребенок, которого бьют, наоборот, будет скрывать свои проблемы от старших, чтобы вдогонку не прилетело».

— Тсс... — Гарри приложил палец к губам, призывая Драко умерить пыл.

— Не могли бы Вы, мистер Малфой, запереть дверь и нанести на комнату заглушающие чары? Наши волшебные палочки могут проверить, а Вашу никто трогать не станет, — «Милорд» объяснил, почему он не делает это сам.

Гарри тренировался выполнять эти заклинания на протяжении целой недели, но получались те пока через раз. На этом можно было легко проколоться и выдать свое самозванство.

Люциус тут же выполнил приказ своего Лорда.

— Вы победитель Того-Кого-Нельзя-Называть, мистер Поттер. Называйте меня, пожалуйста, по имени, в знак моего к Вам уважения, — чего-чего, а наглости Малфойю было не занимать.

От этого «мистер Малфой», произнесенного Милордом, у мужчины кошки скребли на душе. После «милый друг» и «драгоценный Люциус» из переписки это звучало столь холодно, так формально.

— Тогда я попрошу Вас о взаимной любезности, Люциус, — мальчик произнес имя мужчины, возможно, чуть более протяжно, нежели следовало. Вопрос: «Даст—не даст» не стоял. Существовало лишь: «Когда».

«Даст однозначно. Но сколько ждать до этого...»

«Как на приеме». Кхм... — Рон сделал вид, что у него горло першит.

Этот звук вернул мысли Гарри со скользкой дорожки в более продуктивное русло.

— Драко, продолжай, — обратился мальчик к другу.

— Папа, прочитай, пожалуйста, — с видом посла вручающего верительные грамоты королю Малфой-младший протянул Люциусу пергамент.

Тот пробежал его глазами с совершенно бесстрастным выражением лица.

— Я клянусь вернуть Рону Уизли и Гарри Поттеру, отданное ими мне на хранение по их первому требованию, — произнес мужчина клятву, вероятно, такую же, под которую получал на сохранение тетрадь, абсолютно ровным спокойным голосом и протянул сыну руку ладонью вверх. Та, что показательно, не дрожала. Драко вложил в ладонь отца три колбы, после чего мужчина их тут же засунул себе в карман, припечатав тот каким-то заковыристым заклинанием.

«Хорошая выдержка» — оценила Александра Владимировна, когда-то в бурные девяностые ей самой приходилось демонстрировать подобные навыки. «Надо дать мужику выпустить пар, а то его инфаркт хватит».

— Люциус, мне Сириус написал, что он мне кое-что через Вас должен приватно передать, — Гарри импровизировал на ходу. — Драко, Рон, если вас это не затруднит, не могли бы вы нас оставить наедине на пару минут? Это важно для меня, — очень вежливо обратился мальчик к друзьям.

— Милорд, — рухнул на колени перед ним мужчина, стоило тем уйти. — Благодарю Вас, Милорд, — Малфой поцеловал край мантии Гарри, с искренним таким чувством поцеловал.

Гарри ожидал чего-то подобного, но испытывал некоторую неловкость, сродни той, что ощутил в традиционном ресторане в Японии, когда перед ней, тогда еще Александрой Владимировной, официант в ресторане встал на колени. Оказалось, для той страны — это обычное дело.

«Для почитателей Темного Лорда, видать — тоже. Придется привыкать» — это было так волнительно. Такой роскошный мужик и валяется у него в ногах.

— Люциус, друг мой драгоценный, встань, — тот голову от земли поднял, подол мантии из рук выпустил, но остался стоять на коленях. Пришлось невысокому мальчику опуститься перед ним в стоявшее у стола кресло.

«Просто сцена в будуаре».

— Люциус, посмотри на меня, — Гарри положил мужчине ладони на плечи, а затем

приподнял лицо мужчины за подбородок вверх. Глаза того подозрительно блеснули.

«Это он слезы, значит, подолом моей мантии вытирал?»

— Ты всегда был мне верен, ты помогал мне и тогда, и сейчас. Я обещал, что награжу тебя. Разве я тебя когда-нибудь обманывал? — лицо Гарри было детским, но зеленые глаза смотрели на мужчину так нежно и проникновенно, как родители смотрят на любимое чадо, когда его утешают.

Мальчик стер с уголков глаз Люциуса предательски выступившие слезы.

— Милорд, теперь у нас с Нарциссой еще будут дети, — стыдясь своей несдержанности, мужчина уткнулся лбом в колено Гарри. — Я так без Вас скучал.

— Столько, сколько у Уизли? — спросил мальчик с легкой насмешкой в голосе, но не зло, глядя Малфоя по волосам. Те оказались гладкими, шелковистыми на ощупь. Хотелось пропустить платиновые пряди сквозь пальцы и сжать у корней. Поттер позволил себе такую вольность, подержал и отпустил. Судя по реакции мужчины, поступил мальчик абсолютно верно.

— Милорд, простите меня, я забылся... — Малфой оторвал лицо от коленей Гарри, но все еще стоял на коленях со склоненной головой.

— Люциус, — Александра Владимировна тянула слова, понимая, что сейчас Малфоя к себе нельзя подпускать слишком близко, Том Риддл так бы не поступил. Дистанцию между собой и верным последователем следовало уменьшать постепенно.

— Ты прекрасно поработал, друг мой. Мальчики, наверно, скучают в гостиной. Ты вырастил прекрасного сына, Люциус. Но он не знает, кто я, я сам ему расскажу, когда придет время. Надеюсь, теперь Нарцисса родит столько детей, сколько ты захочешь, — ободряюще резюмировал Гарри и поднялся с кресла.

Мистер Малфой тоже встал на ноги. Аудиенция закончилась.

— У твоего крестного все в порядке? Папа ушел сам на себя не похожий, — спросил у друга Драко, когда его отец отбыл домой.

— Учитывая, что он уносил с собой, ничего удивительного, — улыбнулся Гарри. — У Сириуса все хорошо.

— Слушайте, у нас действительно все получилось! — радостно воскликнул Рон. — Вот мне кто-нибудь рассказал бы, что я такое сделаю, я бы не поверил!

— Получилось! Получилось! — минуту спустя мальчики радостно прыгали по кроватям и кидались друг в друга подушками. Детство — беззаботная пора, Гарри наслаждался ей в полной мере.

В это же время неприметная школьная сова уносила из Хогвартса посылку родителям Гермионы Грейнджер. В приложенном к ней письме юная ведьма настоятельно просила положить отправленный контейнер в несгораемую банковскую ячейку.

Таким образом, все части распиленного философского камня покинули старинный замок, операция по его изъятию у Альбуса Дамблдора была успешно завершена.

Глава 26

Отправив крестника учиться в школу, Сириус Блэк откровенно заскучал. Люпин преподавал в Хогвартсе, бывшие Мародеры виделись не чаще одного раза в две недели, разговаривали, в основном, о Гарри или вспоминали прошедшие времена, пили пиво, в общем, тоска зеленая. Артур и Молли Уизли принимали радушно, но они были людьми другого поколения. Гораздо интереснее Сириусу было общаться с приезжавшими к родителям в гости Чарли и Биллом, но те жили: один в Румынии, а второй в Египте. На работе в Аврорате мистера Блэка восстановили, но ждали после прохождения комиссии целителей не раньше Нового Года.

Поэтому, в один прекрасный вечер Сириус Блэк купил билеты на концерт Ведуний, чтобы развеяться, повеселиться и потряхнуть стариной. После ополовиненной в баре клуба бутылки огневиски, жизнь главе древнейшего благородного рода начала казаться прекрасной.

Возле него за барной стойкой сидела девушка. Сириус, как истинный джентльмен, предложил ее угостить. На концерте под музыку они прыгали вместе, мистер Блэк чувствовал себя молодым и полным сил. По окончании мероприятия оставаться одному мужчине не захотелось. Поэтому он предложил молодой волшебнице составить ему компанию и продолжить веселье у себя дома, без всякой задней мысли предложил. Там они еще выпили, после чего пошел разговор за жизнь. Девушка по имени то ли Петти, то ли Бетти, пьяный мозг Сириуса это не уловил, рассказала, что хотела бы приобрести дога. В ответ на что Блэк ее спросил, зачем ей эти гладкошерстные мутанты с крысиными хвостами, и перекинулся в огромного черного волкодава. Девушка завизжала, но не от страха, а от радости. Сириус-волкодав с удовольствием выслушивал, какой он прекрасный и красивый пес. Потом его расчесывали, нежно гладили за ушами и по пузу. Дальше Сириус помнил смутно, но было очень хорошо, а в последний момент он успел даже перекинуться в человека. Затем все было просто замечательно. И все, дальше темнота.

Проснулся мистер Блэк от того, то у него дико болела голова.

«Где я? Кто я? Кто это рядом со мной?» — постепенно мужчина все вспомнил.

«Мне с девушками тоже нравится? Значит ли это, что я не гей?» — Сириус смотрел на спавшую рядом с ним молоденькую волшебницу. Хорошенькая она или нет, понять было невозможно из-за тонны растекшейся косметики на ее лице. Голова болела ужасно.

— Кричер! — рявкнул Блэк и тут же схватился за виски. — Принеси мне антипохмельное зелье.

Девушка, тем временем, тоже проснулась, вид у нее после вчерашнего был весьма помятым. Увидев рядом с собой малознакомого мужчину, она быстро натянула на себя одеяло.

«Какие мы нежные». — Давай, хоть, познакомимся, — отхлебнув из стакана, принесенного послушным домовым эльфом, Сириус протянул его девице. — Выпей эту бурду, станет полегче.

— Спасибо, — после вчерашних воплей в клубе голос у нее звучал немного хрипло... Она замялась, не зная, как обратиться к собеседнику.

— Сириус Блэк Третий, к Вашим услугам, мисс...

Вместо ответа ведьмочка быстро вскочила с кровати, заметалась по комнате, подобрала свои вещи, схватила волшебную палочку с пола и аппарировала в неизвестном направлении.

— Что за... — пробормотал мужчина, глядя на то место на кровати, где его гостья сидела

еще секунду назад, и увидел красное пятно на простыне. Та была испачкана явно не губной помадой.

«О, Мерлин. Я ее обесчестил и даже не знаю ее имени. Дожил ты, Бродяга, раньше девушки бегали за тобой, теперь девушки бегают от тебя» — мужчина рассматривал свое отражение в зеркале, висевшем сбоку от кровати.

«Красавец, она разглядела тебя при дневном свете и испугалась» — из зеркала на Сириуса смотрел тощий с растрепанными волосами и глазами-щелочками неопрятный тип.

«Пора, и в самом деле, приводить себя в порядок» — до комиссии целителей в конце декабря оставалось два месяца.

В тот же день Сириус Блэк пошел сдаваться в госпиталь имени святого Мунго. Стойко вытерпев все назначенные медицинские процедуры и прослушав лекцию о здоровом образе жизни, мужчина прошелся по магазинам, обновив свой гардероб, после чего направился в косметический салон.

— Делайте со мной, дамы, что хотите, — отдался он парикмахерам, косметологам и массажистам на растерзание.

Под вечер Сириус выглядел почти прилично, не двадцатилетний красавец еще, конечно, но и не утреннее пугало.

В таком размеренном ритме прошло полтора месяца: святой Мунго — прогулки — занятия спортом в тренировочном зале Аврората — косметический салон.

Результаты Сириуса радовали, на него, как в юности, начали заглядываться женщины.

Про реакцию Гарри (или Джима?) на подобные изменения мужчина старался не думать.

«Если это Джим, почему он мне не открылся? Это все мое бредовое воображение.

Гарри — его сын, мне давно пора смириться» — мистер Блэк принял решение. Джима ему, конечно, никто не заменит, но жизнь продолжается, надо погулять, как следует, а лет через пять жениться.

«Старая карга позлорадствовала бы» — думал Сириус. Семейное гнездо Блэков на площади Гриммо в Лондоне он до сих пор не навестил.

А через полтора месяца в окно спальни мужчины постучала почтовая сова. В послании, которое она принесла, некая Ребекка Эллис слезно просила о встрече, говоря, что для нее это вопрос жизни и смерти. На пергаменте некоторые буквы расплывались, так что письмо, судя по всему, было залито слезами в прямом смысле этого слова.

Понимая уже, о чем примерно пойдет речь, чувствуя, как у него сосет под ложечкой, чтобы рассеять охватившие его подозрения, Сириус аппарировал на площадь Гриммо в Лондоне и назвал адрес, после чего зашел в дом, который был бы счастлив никогда не видеть. Споткнувшись о ногу тролля, пройдя мимо что-то заоравшего ему вслед портрета матери и отвратительных сушеных голов эльфов, прибитых над лестницей, Блэк вошел в зал с фамильным гобеленом и застыл перед ним, словно соляной столб.

«Добегался ты, Бродяга» — от выжженного пятна, где раньше было его, Сириуса Блэка имя, отходили три веточки. Вальпурга семейный артефакт, конечно, изуродовала, но Орион никогда не отлучал от рода своего старшего сына, надеясь, что тот переберется и остепенится.

«Вот я силен» — мужчина даже не знал, то ли плакать ему, то ли радоваться.

Но человеком он был порядочным, поэтому, покинув юдоль скорби, коим почитал родимый дом, Сириус напрямик направился в ювелирный магазин покупать помолвочное кольцо и пару обручальных. После чего ответил на письмо будущей матери своих детей, пригласив ее в один из самых роскошных ресторанов магического Лондона, настоятельно рекомендовав добираться туда камином. Все же, он был Блэком, а Блэки где попало

предложения руки и сердца не делают.

«Главное, ее узнать» — ужас ситуации заключался в том, что мужчина не помнил, как Реббека Эллис выглядела.

Сириус забронировал отдельный кабинет и пришел на назначенную встречу раньше времени для того, чтобы его гостю к нему привел метрдотель, и не случилось неловкости с неузнаванием.

Ребекка, к душевному облегчению Сириуса, оказалась довольно милой девушкой среднего роста, со светлыми, заплетенными в косу, забранными в высокую гладкую прическу волосами и голубыми глазами. Судить о её фигуре было сложно, так как одета она была в свободную мантию серого цвета, чей глухой воротник и обшлага рукавов были расшиты розовыми цветами.

«Похоже, у нее очень строгие родители» — пришел официант с меню, Сириус его отослал, сказав, что когда он и его спутница определятся с предпочтениями, они его позовут сами.

— Привет, красавица, давно не виделись, — улыбнулся мужчина девушке, желая ее приободрить.

И тут на Сириуса Блэка обрушился словесный поток, прерываемый всхлипываниями. Мужчина узнал, что «она не такая, и у нее это было первый раз, и она никогда не ходила никуда с мужчинами и не пила огневиски. И, вообще, училась на Рейвенкло и прекрасно закончила Хогвартс и ни с кем не встречалась, так как родители запрещали. А потом училась на колдомедика. Родители уехали, а ее дома оставили, и она решила сходить на концерт. И вообще, она совсем не такая, не меркантильная, а он, Сириус, ей понравился. Но когда она узнала, как его зовут, она решила, что он подумает, что она с ним из-за денег и, вообще, гулящая, и поэтому сбежала. А теперь она беременная, но она не хотела этого, так получилось. И аборт она делать не станет, родителям рассказать боится, они ее выгонят...»

«Головы бы открутить твоим родителям. Это ты еще про тройню не знаешь».

— Бекки, — произнес Сириус проникновенно, прерывая этот поток сознания. — Ты напрасно убежала, я тебя потом искал, — естественно, это было неправдой.

Предстоящий брак был вынужденным, но помня холодные, отстраненные отношения своих родителей, Сириус не хотел, чтобы его собственные дети росли в подобной атмосфере. Поэтому хоть для кого-то внезапное супружество должно было стать счастливым.

— Правда? — мисс Эллис потеряла дар речи и плакать перестала.

— Конечно, ведь не каждый день на меня обращают внимание симпатичные молодые девушки, — Сириус продолжал вешать будущей жене лапшу на уши и накрыл ее ладонь своей. Та покраснела.

— И, потом, кто еще будет меня так ласково гладить? — по правде говоря, ощущения и правда были волшебными. Мародеры его никогда так не гладили, могли лишь потрепать за ушами.

Бекки покраснела еще сильнее.

— А как ты его, то есть себя называешь, ну, когда... — девушка замялась.

— Это Бродяга, так меня прозвали мои друзья. Они называли меня Бродягой, — улыбка получилось грустной.

— Но, поскольку ты меня нашла, да и еще с таким приятным известием, согласишься ли ты, Реббека Эллис, — Сириус, как положено, встал перед будущей женой на одно колено, — стать моей женой.

Та хлопала глазами в изумлении, потом расплакалась от счастья, конечно же,

согласилась и позволила надеть на себя кольцо.

Потом уже почти миссис Блэк переживала о том, как отреагируют ее родители на ее скоропалительный брак и внезапную беременность.

Сириус успокоил невесту, сказав, что сам будет с ними обо всем договариваться, а она, если хочет, может сразу перебраться жить в свой новый дом, чтобы ей никто не трепал нервы. А про себя подумал, что когда виновником беременности является решивший взять на себя ответственность богатый аристократ, то даже самые строгие родители склонны проявлять снисхождение к «оступившимся» дочерям.

— Думаю, самое время нанести визит мистеру и миссис Эллис и сообщить им приятную весть...

«Делай, что должен, и будь, что будет» — отступить было некуда.

Свадьбу Сириус решил справить на Рождественских каникулах, когда Гарри приедет из Хогвартса.

Осталось крестнику лишь обо всем написать.

«Как он отреагирует?» — этот вопрос волновал мужчину гораздо больше, нежели предстоявшая ему встреча с будущими тещей и тестем.

Глава 27

«Дембельская классика: вернулся, напился, трахнул ту, что рядом оказалась, она залетела, женился. Жизнь состоялась» — прочитав полученное во время завтрака письмо от Сириуса, Гарри находился в некоторой прострации. Да, он хотел женить крестного, но не так вот, сразу.

«Дети — это хорошо» — дуться и обижаться на Сириуса Гарри не собирался.

«Куда хуже было бы, если бы он любовника завел. Женщина — это совсем другое...»

— Гарри, ты подавился? — прервал размышления мальчика Рон.

— Что у тебя, все-таки, дома случилось? — этот вопрос последовал уже от Драко.

«Ох, догадливые вы мои, наблюдательные...» — Друзья мои, — Гарри тихо обратился к своим соседям по столу. — Готовьте на рождественские каникулы парадные мантии, будете гулять на свадьбе у моего крестного.

— Ты хотел сказать — на помолвке? — уточнил Драко

— Я хотел сказать — на свадьбе, — ответил Гарри.

— Невеста, она...? — Рон сделал жест рукой, обрисовывая круглый живот.

— Как ты можешь такое думать о порядочной девушке? — ответил Поттер с усмешкой.

— Они так любят друг друга, что не могут ждать ни минуты.

— А как зовут невесту? — стараясь не выглядеть слишком любопытным (получалось с трудом) осведомился Драко.

— Все потом. «А то Гринграсс уже уши развесила и уставилась на меня» — Гарри предполагал, что некоторые его одноклассники умеют читать по губам. Мальчик положил себе жареный бекон в яичницу и приступил к завтраку...

— Рон пойдет, это понятно. Нас точно пригласят? Ты в этом уверен? — спустя некоторое время, растеряв всякую важность, Драко нарезал круги по спальне, глядя на сочинявшего ответ Сириусу Гарри.

— Конечно, пригласят. Со стороны невесты будет человек сорок. Твоя мама — двоюродная сестра моего крестного, а ты мой друг. Кстати, Нимфандора Тонкс, бывшая староста Хаффлпаффа, тоже будет, она наша кузина.

— Но Андромеду отрезали от рода. Как невесту зовут? — продолжал любопытствовать Драко.

— По-моему, Сириусу все равно, кого от чего отрезали, — Гарри пытался сосредоточиться на письме, но, в конце концов, отложил его в сторону. — Возможно, Андромеде, таким образом, услугу оказали. Нимфандора настоящий метаморф.

— А Фред и Джордж думали, что она волосы себе красит, — удивился Рон.

— Так невеста кто? — продолжал настойчиво выведывать информацию Малфой.

— Какая-то Ребекка Эллис. Ни разу ее не видел.

— Она красивая, наверно, — мечтательно произнес Уизли, — раз твой крестный в нее так влюбился.

«Не знаю по поводу внешности, но еблывая и фертильная — это точно» — резюмировал Гарри, но вслух не произнес.

— Не из йоркширских ли она Эллисов? — Драко, тем временем, сел на своего любимого конька. — У них династия целителей.

«Из йоркширских терьеров» — иронизировал про себя Поттер, из-за того, что у Малфоя стало очень пафосным выражение лица

— Она учится на целителя, — Гарри удовлетворил любопытство друга. — Закончила Хогвартс, училась на Рейвенкло. «Интересно, как быстро он побежит в совятню, чтобы

сообщить отцу свежие сплетни?»

— Тогда точно, из йоркширских. Хороший выбор, — раздулся от важности маленький знаток генеалогических древ магической Англии.

— Драко, мы сейчас на историю магии опоздаем, — напомнил Рон.

— Такая потеря! — драматично продекламировал Малфой, возведя очи к потолку, как в древнегреческом театре.

— Пойдем, хоть, в шахматы поиграем? — не унимался Уизли. Он уже принял к сведению приглашение Гарри и не понимал, что здесь можно еще обсуждать. Платье невесты?

— Какое, в шахматы?! Ты что, не понимаешь?! Это первая свадьба, на которую я приглашен! — поражался его черствости Драко.

— Мечтаешь букет невесты поймать? — смеялся над другом Рон.

— Ах, ты! — Малфой притворно зашелся от возмущения.

В результате, мальчики стали бегать друг за другом по комнате, пытаясь бить друг друга подушками.

«Вот отсюда износ наволочек и происходит» — Гарри со смехом вспомнил инвентаризацию, устроенную накануне Люциусом. «Мальчишки» — он продолжил писать отложенное письмо.

«...еще, я думаю, разумно узнать имя целителя, который расколдовал Петтигрю, тем более, он, наверняка, коллега твоего тестя. Обязательно пригласи Фаджа, в противном случае он смертельно обидится, Лунатика, то есть, профессора Люпина, и кого-нибудь из твоих знакомых из Аврората с семьями» — в ответ на вопрос Сириуса, кого он, Гарри, хотел бы видеть на свадьбе крестного, мальчик быстренько накатал список приглашенных лиц.

Лишь четверых из обязательных гостей не упомянул: всю семью Лонгботтом. Откуда было одиннадцатилетнему мальчику, находящемуся в Хогвартсе, знать, что Алиса и Фрэнк поправятся, как раз, перед Рождеством?

«Вдруг ничего не получится?» — Августа Лонгботтом тоже ни в чем не была уверена. Исцеляющий напиток она приготовила, разлив его в два не разбивающихся флакона.

«А если рецепт неправильный?» — по крайней мере, стоило попытаться.

Пожилая волшебница дождалась, когда колдоведьма покинула палату. Алиса не спала, сидела на кровати и читала по слогам детскую книжку. Фрэнк, как обычно, смотрел в одну точку.

— Дорогой, выпей это, пожалуйста, — Августа, в первую очередь, подошла к сыну.

Тот, привыкнув, что лекарства ему приносит колдоведьма, никак не отреагировал. Даже голову в сторону матери не повернул.

«Что же делать?» — выход оставался один. У миссис Лонгботтом не было двух бодигардов, которые могли бы заставить Фрэнка выпить зелье насильно, поэтому она направила на сына волшебную палочку:

— Империио! Ты сейчас возьмешь пузырек из моих рук и выпьешь его содержимое.

Фрэнк повернулся к матери, словно инфернал, и подчинился. Опорожнил склянку, лег на кровать и тут же уснул.

Отменив заклинание подчинения и посидев возле сына десять минут, слушая его спокойное размеренное дыхание, Августа поняла, что его жизни ничто не угрожает. После чего направилась к невестке.

«Я это делаю для ее блага, надеюсь, Алиса меня поймет».

— Империио! — с невесткой все прошло так же, как с сыном.

«Теперь мне остается только ждать» — встав на цыпочки, миссис Лонгботтом покинула

палату и тихонечко прикрыла за собой дверь.

Когда она покидала госпиталь, ее волшебную палочку, естественно, никто не стал проверять на предмет использованных ей в отсутствие целителей заклинаний. У Августы для этого была слишком хорошая репутация.

Глава 28

Реакцию Невилла на известие о том, что его родители выздоровели, Гарри наблюдал на следующий день за завтраком.

Прочитав принесенное совой письмо, Хаффлпаффец, явно пытаясь справиться с эмоциями, замер на мгновение, а затем расплакался, размазывая слезы по лицу рукавом мантии. В то же мгновение полученный Лонгботтомом пергамент оказался в руках Гермионы Грейнджер, которая, быстро пробежав написанное глазами, напротив, радостно улыбнулась и обняла друга за плечи.

— У него родители очнулись, оба, завтра их выписывают, — поведала девочка Винсенту и Грегори. Ханна Аббот это услышала и тут же рассказала свежие новости Сьюзен Боунс, та шепнула приятное известие на ухо Меган Джонс. К окончанию завтрака весь Хогвартс оказался в курсе радостного события, случившегося в семье Лонгботтом. Не остались безучастными и преподаватели.

Ремус Люпин получил радостное известие от Сириуса Блэка, с которым сразу, как пришли в себя, связались Фрэнк и Алиса. Помона Спраут узнала о выздоровлении своих бывших учеников из письма, которое декану Хаффлпаффа написала Августа Лонгботтом. Счастливая мать и свекровь просила для Невилла разрешение отправиться в госпиталь имени святого Мунго директорским камином. Так как первое, что сделали очнувшиеся супруги — это вскочили с кроватей со словами: «Где мы? Где Невилл?! Что с ним?»

Помона тут же поделилась радостными новостями с Минервой МакГонагалл и, естественно, Альбусом Дамлдором. Тот улыбался, глядя на подчиненных сквозь стекла очков, говорил что-то про великую силу любви и ради такого случая воспользоваться камином в своем кабинете, естественно, разрешил.

В общем, за преподавательским столом и за столами студентов царило радостное и приподнятое настроение.

Даже слизеринцы не остались равнодушными.

Но, когда после завтрака, вернувшись в общежитие, Гарри собрал книги и спустился в гостиную, чтобы пойти на уроки, мальчик услышал перешептывания.

— Лестрейнджи и Крауч мертвы, а эти живы и здоровы.

— Так их же не только за Лонгботтомов судили.

— Лейстрейнджей — да, а Крауча несправедливо, он же до этого никогда...

— говорившему быстро зажали рот ладонью.

«Действительно, не всех пожирателей смерти поймали десять лет назад» — Гарри осознал, что учится на одном факультете с детьми, чьи родители не прочь, порой, в расслабляющей домашней обстановке вспомнить о былых похождениях.

«Он же до этого никогда...» — эту фразу можно было трактовать однозначно.

Что было известно про Бартемиуса Крауча из книг Роулинг? Двенадцать Ж.А.Б.А., сданных на отлично. Умный ребенок-вундеркинд, мечтавший получить одобрение отца, но в лучшем случае достаивавшийся лишь скупой похвалы. И, в конце концов, нашедший у Волдеморта так необходимые ему признание, поощрение, заботу и участие.

«Возможно, он относился к Темному Лорду, как к отцу?» — Гарри, идя по коридору, думал о том, что в этой реальности Бартемиус Крауч Младший еще не пленил отставного аврора Аластора Грюма и не убил своего отца.

«А в школе, когда он преподавал, он тоже не сделал никому ничего плохого. Он, конечно, превратил Драко в хорька, но это было легко обратимо» — мальчик допускал, что в той, другой реальности его теперешнему другу досталось за какую-то давнюю выходку

Люциуса.

«Поэтому, когда Бартемиус-старший женится и решит вопрос со своей репродукцией, можно будет взять с Барти пару-тройку обетов и, снабдив новыми документами, отпустить на все четыре стороны. Но, это — потом» — Гарри предстояло пережить свадьбу собственного крестного...

— Приятно познакомиться, Ребекка, — мальчик вежливо поздоровался со встретившей его вместе с Сириусом на вокзале молоденькой девушкой.

— Называй меня Бекки, пожалуйста, Гарри, — у нее был тихий приятный голос, круглый овал лица с милыми, но невыразительными чертами и пшеничного цвета, забранные в высокую гладкую прическу волосы.

«Вот она, судьба. Таких девушек по Лондону ходит сколько угодно, но именно ее угораздило познакомиться на концерте с пьяным Сириусом и забеременеть от него тройней. Воистину, браки заключаются на небесах» — Хорошо, Бекки, — доброжелательно улыбнулся Гарри в ответ, изображая из себя хорошего и доброго мальчика.

Возможно, если бы на ее месте оказалась другая женщина, то слизеринец попытался бы немного отравить ей жизнь расспросами о романтической истории знакомства с крестным, но это был не тот случай.

Ребекка Эллис, окруженная представителями высшего света магической Англии, чувствовала себя не в своей тарелке. Вежливо отвечая Уизли, которые являлись представителями пусть обедневшей, но, тем не менее, аристократии из священных двадцати восьми родов, или раскланиваясь с почему-то в одиночестве встречавшим сына на платформе Люциусом Малфоем, девушка очень стеснялась. Она нервно крутила кольцо с огромным бриллиантом, украшавшее ее безымянный палец, мяла в руках перчатки и зябко куталась в роскошную, отороченную соболями, шитую из тяжелого синего бархата мантию, периодически глядя на Сириуса, словно ища его одобрения. Было очевидно, что она не свыклась еще ни со своим будущим социальным положением, ни со свалившимся ей на голову в связи с удачным замужеством богатством.

«Обычная дочка строгих родителей, вырвавшаяся из-под их контроля, пустившаяся во все тяжкие и допрыгавшаяся» — на первый взгляд, Гарри с его опытом Александры Владимировны, она была не соперницей. Но это только на первый взгляд.

Её сила была в ее слабости.

— Опять шапку забыла надеть? Простудишься ведь, — Сириус бережно накинул капюшон на голову своей невесты.

При знакомстве с родителями мужчине пришлось ее от них защищать.

— Если бы ты вела себя, как приличная и порядочная девушка, тебе не пришлось бы праздновать свадьбу столь скоропалительно, — набросилась на нее мать.

— Если бы Бекки себя вела, так, как Вы считаете, должна вести себя приличная девушка, — заткнул мистер Блэк будущую тещу в лучших традициях общения с Ньютусом, — то ни какой свадьбы вообще не было бы. Я, как Вам известно, незаслуженно провел десять лет в Азкабанах, и был там лишен тех радостей жизни, что нужны любому нормальному мужчине. Поэтому, я не стал бы общаться с особой, за которой пришлось бы волочиться полгода подряд.

— Я предлагаю выпить за знакомство, — мистер Эллис остановил назревавший скандал. Ругаться с будущим зятем он был не намерен.

— Ребекка не могла сделать лучшего выбора, — он достал из бара огневиски и дальнейшее общение прошло хорошо.

После чего мисс Эллис собрала вещички и уехала жить в дом будущего мужа, обещая матери "никому-никому про это не рассказывать".

Сириус понимал, что, в сущности, ему с Ребеккой повезло. Ведь она могла оказаться какой угодно: любительницей одноразовых связей, не слишком красивой или быть излишне меркантильной, все равно - он женился бы на матери своих детей.

«Бекки понравилась бы моей маме» — это заключение само по себе казалось странным, но от этого не становилось менее правдивым.

— Видишь, мама, — обратился Сириус, к портрету Вальпурги Блэк, когда привел на площадь Гриммо бригаду строителей, чтобы все там переделать. В доме дяди Альфарда, где было всего пять спален, в будущем обещало стать слишком тесно для комфортного проживания семьи с тремя детьми и крестником. — Твой сын-педераст женится на молодой чистокровной волшебнице, все, как ты хотела.

После чего произошло поразительное — Вальпурга замолчала. Затем появился Кричер, рухнул в ноги хозяину и стал его, выкручивая уши, слезно умолять не выбрасывать вещи «доброй хозяйки».

В результате, Сириус приказал домовому эльфу обыскать весь дом на наличие в нем предметов с запрещенной или темной магией и отправить их на хранение в банковскую ячейку в Гринготтс. Личные вещи Вальпурги и Регулуса, а также родовой гобелен временно переместили в одну из пока еще пустовавших спален дома Сириуса.

Там они и стояли, собранные в коробки и не распечатанные, пока вернувшийся на каникулы к крестному Гарри Поттер не захотел посмотреть, что в них лежит.

Глава 29

На следующее утро после приезда крестника Сириус с невестой отправился на обследование в госпиталь имени святого Мунго, обещая вернуться к обеду.

Гарри, не зная чем себя занять, слонялся по дому и на полном серьезе подумывал отправиться камином в гости к Уизли, благо, те приглашали.

Мальчик о чем-то задумался, оступился, наступил на подол длинной мантии, чуть не упал, уцепился за ручку двери, та открылась. Гарри от неожиданности врезался в гору коробок, верхняя из которых свалилась на пол и ее содержимое рассыпалось.

Перед мальчиком на ковре вперемешку валялись фамильные драгоценности, колдографии, учебники, тетради.

Гарри, как порядочный человек, хотел сложить все на место, поднял с пола серьги, чтобы опустить их в шкатулку и залип, любуясь на просвет великолепными крупными чистейшими прекрасной огранки изумрудами.

«Не меньше четырех карат каждый, а цвет и чистота, похоже, один и два» — Александра Владимировна хорошо разбиралась в качестве драгоценных камней.

Как зачарованный, мальчик подобрал с пола весь комплект, подошел к зеркалу и, прикладывая украшения к ушам и шее, начал разглядывать свое отражение.

Гарри был красивым ребенком: худощавым, длинноногим, пропорционально сложенным с тонкими чертами узкого овального личика и большими глазами редкого ярко-зеленого цвета, обрамленными густыми длинными черными ресницами. Поэтому фамильные драгоценности рода Блэк не смотрелись на нем странно, но удивительным образом ему шли.

«Я должен прекратить все это» — Александра Владимировна обожала изумруды, она была готова вечно на них любоваться. «Я должен положить их на место» — Гарри с сожалением оторвался от зеркала и сложил украшения в шкатулку.

После чего начал рассматривать рассыпавшиеся по полу колдографии. На них были запечатлены красивая черноволосая женщина, надменная и высокомерная, мужчина с отстраненным выражением лица, словно он был не здесь и не с теми, с кем колдографируется, и маленький мальчик, очень похожий на Сириуса, но не такой красивый, с более мелкими чертами лица. Иногда снимки были обрезаны. Гарри понимал, что это сделала Вальпурга, желая вымарать из своей памяти образ старшего непутевого сына.

Постепенно мальчик на колдографиях становился все старше и старше, а женщина начала увядать. С годами она все с большей любовью смотрела на своего младшего ребенка, и не глядела в сторону того, кто был замалеван или отрезан. С последнего снимка на Гарри смотрел юноша лет шестнадцати, среднего роста, очень миловидный и столь же сильно высокомерный и заносчивый. Истинный сын своей матери.

Вероятно, после его пропажи Вальпурга долгими вечерами перебирала и рассматривала снимки своего любимого ребенка.

«Хотел бы я знать, на Гриммо двенадцать есть портреты Регулуса?» — подумал Гарри. У Роулинг на эту тему ничего написано не было, или он забыл об этом.

Мальчик сложил колдографии в коробку

Наступило время собирать тетради. Листая их, слизеринец решил, что не будет большой беды, если он заберет их себе, настолько много там было написано интересного. Регулус Блэк учился явно не по школьной программе.

А на самом верху кучи нашелся толстый, почти целиком исписанный мелким разборчивым почерком дневник, вероятно, он лежал на самом дне коробки и вывалился последним.

«Интересно, что здесь написано?» — Гарри его открыл.

«Сегодня мне исполнилось двенадцать лет и я впервые увидел Его...» — первая же фраза мальчика очень порадовала.

Насколько он помнил из поттерианы, Регулус Блэк с самого детства стал ярим поклонником Волдеморта, вся комната юного Блэка была обклеена портретами его кумира.

Бегло пролистав тетрадку, Гарри понял, что к нему в руки попало настоящее сокровище, в дневнике было подробнейшим образом расписано, как одевался Темный Лорд, с кем общался, что любил есть и так далее. Слизеринцу для создания правдоподобного образа кумира отца Драко все эти сведения были необходимы.

«Интересно, почему Регулус не спрятал свой дневник?» — задался вопросом Гарри и тут же нашел на него ответ.

«Скорее всего, он его спрятал, а Вальпурга нашла, обыскивая комнату сына, когда тот пропал» — почему сама женщина дневник не положила в место, где его никто не смог бы разыскать, тоже был очевидно.

От кого ей было его прятать, от Кричера? Один сын пропал, другой отбывал пожизненное заключение в Азкабана, муж умер, в доме Вальпурга осталась совсем одна.

«Умереть она могла внезапно. Интересно, кто похороны организовывал? Скорее всего, Нарцисса» — Гарри подумал, что из дома, находившимся под Фиделиусом, преданный домовик мог аппарировать с телом хозяйки на руках к ее племяннице. Или к какой-нибудь одинокой пожилой родственнице или родственнику. Все это выглядело грустно и мрачно.

«Вырасти в многочисленной семье и умереть в пустом доме в полном одиночестве из-за своей гордыни. Незавидный удел» — Гарри быстренько собрал в стопку найденные тетради и дневник и, дав себе обещание еще раз вернуться в эту комнату, унес все к себе.

К приходу Сириуса мальчик дочитал дневник до половины и понял одну вещь. Во всех своих внешних проявлениях Волдеморт был классическим снобом. Выросший в детском доме волшебник не чувствовал себя аристократом, он вел себя, как аристократ, и поэтому был идеален во всех своих проявлениях: галантен, прекрасно одет, имел безупречные манеры и, в чем была засада, великолепно танцевал.

Александра Владимировна занималась танцами, причем, начала это делать после сорока лет. Но она в большей степени овладела карибской программой, неплохо танцевала танго, а вот европейскую программу не любила, знала так сяк, к тому же, исключительно женские партии. Как мужчина она никогда не вела.

Конечно, Драко во время регулярных встреч Союза Семерых в Выручай-комнате восполнял кое-какие пробелы в образовании друзей, но до Волдеморта, судя по восторженным отзывам Регулуса Блэка, Поттеру было еще далеко.

На этом можно было легко проколоться перед Люциусом, обнаружив свое самозванство, а очень не хотелось.

«Хотя, я маленький, могу и у стеночки пока постоять» — Гарри искал пути к отступлению. Но на всякий случай следовало перестраховаться.

— Сириус, а каким танцем вы с Бекки будете открывать бал? В смысле, каким будет первый танец жениха и невесты? — приняв самый невинный вид, поинтересовался Гарри, примостившись в гостиной на подлокотнике кресла, в котором сидел мужчина.

— Вальс, наверно? — Сириус Блэк не задумывался о таких незначительных, на его взгляд, вещах.

— Венский или медленный? — продолжил уточнять мальчик.

— Пожалуй, медленный, — колдомедики, обрадовав будущую мать новостью о многоплодной беременности, запретили ей любые физические нагрузки и резкие движения, в том числе — быстрые танцы и занятия сексом.

— Вам нужно больше лежать, Ребекка, — целитель назвал ее по имени, не зная, как правильно обращаться к пациентке, то ли мисс Эллис, что в подобной ситуации прозвучало бы неприлично, то ли миссис Блэк, чего еще не случилось.

Поэтому, приученная к дисциплине Бэки послушно лежала в кровати, читала книги и «восполняла силы после прогулки и обеда».

— Сириус, а ты уверен, что она умеет танцевать медленный вальс? — Гарри задал Сириусу вопрос, который тому никогда в голову не пришел бы.

— Надо будет ее научить паре туров, — задумчиво произнес мужчина.

— А меня научишь, заодно? — попросил мальчик у крестного.

— Ты разве не умеешь? — для Сириуса это было откровением. Для него в детстве занятия с балетмейстером были так же обыденны, как завтраки по утрам.

— Где я мог научиться? Со шваброй на кухне у Петунии вальсировать? — хмыкнул Гарри.

— Правда, меня Драко немного поднатаскал в нашей спальне. То он за девочку, то я, но практики еще мало.

— Мало практики в спальне? — Сириус, кажется, завис, выражение его лица стало нечитаемым. — Не рановато ли?

«О чем он думает?» — мальчик очень хотел расхохотаться, но держал себя в руках и лишь хихикнул, обняв крестного за плечи, глядя в его удивленные глаза.

— Где нам еще этим заниматься, в общей гостиной, что ли? Хотя, это — мысль. Можно с таким вопросом к какой-нибудь девчонке подкатить. И ничего не рано. Мне еще на балу в Министерстве отдуваться, Фадж пригласил.

— Да, конечно, — Сириус словно морок скинул, выдохнул с облегчением и, похоже, устыдился, осознав, куда его завело собственное воображение, и поняв, что речь шла лишь о танцах.

«Как же они похожи! Гарри говорит так же, как и он!» — только вот вещал то же самое Джеймс Поттер лучшему другу совсем в иной ситуации, уламывая того на секс.

На какое-то мгновение Сириусу показалось, что рядом с ним на подлокотнике кресла сидит Джим и изощренно над ним издевается.

— Хорошо, Гарри, не будем ждать, — мужчина грациозно уселся, приняв изящную позу, как это обычно делают барышни на приемах. — Во-первых, ты должен меня пригласить, — мистер Блэк, очевидным образом, немного придурился и шутил.

— Мадам, Вы прекрасны. Позвольте ангажировать Вас на тур вальса, — Гарри сделал вид, что приложился к ручке «барышни», заложил руку за спину и несколько эпатажно, прогнувшись в пояснице, как гарсон, предложил Сириусу опереться на свою руку. Возможно, Гарри в этот момент и выбился из образа одиннадцатилетнего ребенка, но один Мерлин знает, как ему надоело им притворяться.

— Вы так любезны, милостивый государь, — Блэк решил подурочиться, он томно поднялся из кресла, положил ладонь поверх запястья мальчика и проследовал с ним на середину гостиной.

Гарри взял его в учебное объятие так, как это обычно делал преподаватель Александры Владимировны в танцевальном клубе.

— Гарри, мы же не на детском утреннике, — Сириус расположил руки крестника иначе.

— Твоя партнерша тебя не укусит.

— Ты, вообще-то, не очень похож на даму, сейчас сделаю все лучше, — скептически поджав губы, резюмировал слизеринец, отступив на один шаг от крестного.

Достав волшебную палочку, которую по уже сформировавшейся привычке носил в наплечной кобуре (жест, абсолютно не свойственный для первокурсника Хогвартса, но обыденный для аврора), взмахнул ей, произнеся вычитанное в позаимствованной у Молли книге по домоводству заклинание для трансфигурации обычной материи в кружева.

Гарри хотел лишь, чтобы они появились на обшлагах мантии Сириуса, но вместо этого та превратилась в полупрозрачный французский пеньюар, который был у Александры Владимировны в прошлой жизни.

Разглядев под ним надетые на Сириусе классические с завязками панталоны ниже колена, от представшего перед ним зрелища мальчик не выдержал, согнулся пополам и расхохотался.

— Гарри, это, все же, несколько дезабилье, — мужчина развел руками в стороны, оценив шутку. И тут же трансфигурировал еле прикрывавшее его тело безобразие в глухое женское платье времен Генриха Третьего Валуа.

— А это, все же, несколько Филипп Анжуйский, — блеснул Гарри знаниями, полученными в прошлой жизни.

«Откуда воспитаннику Петуньи Дурсль знать, что брат французского короля любил переодеваться в женские платья? Почему его интересуют такие вещи?» — Сириус искал ответы и не находил. Ему казалось, что он сходит с ума, на месте Гарри ему мерещился Джим. Тот точно так же пошутил бы.

— Гарри, ты ведешь, — взгляд Сириуса стал странным.

Мальчик повел, сначала медленно, неуверенно, следуя шаг в шаг за отступавшим назад мужчиной, а потом, как это бывало с умелым партнером в танцевальном классе, все стало получаться само собой.

— Раз — два — три, раз-два-три, — все оказалось просто, они сделали два круга вдоль гостиной и остановились.

— А говорил, что не умеешь, — констатировал Блэк. — Давай, теперь наоборот. Я тоже десять лет не танцевал, а Бекки много двигаться нельзя, — теперь вел уже мужчина. Вообще ни о чем думать стало не нужно, только ноги переставлять.

Гарри в какой-то момент понял, что они кружатся быстро-быстро, и находятся друг к другу близко-близко. Мальчик слышал, как гулко стучит сердце обнимавшего его в танце мужчины, разглядел ставшие огромными, почти во всю радужку черные зрачки Сириуса, и, тяжело дыша, резко остановился.

— Голова закружилась, — объяснил он свое поведение. Все же, душе в теле Гарри было не одиннадцать лет, а Сириус снова стал ослепительно красивым мужчиной, чужим мужчиной. Наверху в спальне читала книгу беременная невеста мистера Блэка.

«Все будет, но не сейчас» — мальчик стоял и приводил дыхание и мысли в порядок.

Сириус, похоже, пытался сделать то же самое, но ему в чем-то было сложнее.

— Я сейчас вернусь, Гарри, — он придал своей мантии обычный вид и быстро вышел из гостиной на кухню.

«Он умываться побежал, биться о стену лбом или дрочить?» — ехидно вопрошал про себя Гарри. На самом деле, все три предположения оказались верными.

Сириус запутался. Он смотрел на Гарри, видел в нем Джима и хотел его так, что звенело в ушах. Брак, которого мужчина не мог избежать, казался ловушкой. Сириус Блэк осознавал всю аморальность своих влечений и их полную бесперспективность. Ведь крестник был всего лишь веселым мальчишкой, которому предстояло вырасти и жениться так, как это в свое время сделал Джим. Мужчина не понимал, что ему со всем этим делать и как дальше жить.

Глава 30

На следующий день состоялось долгожданное посещение магического банка. В то время, как Бекки примеряла дома принесенное портнихой свадебное платье, Сириус и Гарри отправились в Гринготтс.

Невысокие зеленые человечки с острыми зубами и ушами выглядели странно, но, с точки зрения Александры Владимировны, оказались очень похожими на королеву Великобритании Елизавету Вторую и Джорджа Буша старшего в старости.

В этот раз никто не выкладывал на стойку гоблинов заплесневелые сухари, мальчик спокойно снял ключ со своей шеи и прошел идентификацию по крови.

Его крестный был воспитанным человеком, поэтому к своей банковской ячейке Гарри поехал один. Американские горки Александра Владимировна всю жизнь ненавидела, из-за этого Поттер ехал в вагонетке с закрытыми глазами, вцепившись в перила, и красотами подземных пещер насладиться не смог.

«Отсюда еще никто не выпадал, ведь гоблины не одноразовые» — твердил он сам себе всю дорогу к сейфу.

Гора золота производила определенное впечатление, но мальчику стало интересно узнать о своем полном состоянии, которым он сможет распоряжаться после совершеннолетия, а не только о детском сейфе. Поэтому, положив на хранение тетрадку Тома Риддла (диадему Гарри из Выручай-комнаты не забрал, хотя нашел ее, рассудив, что ее никто не может вынести наружу, кроме него, поэтому на бюсте она в полной безопасности) и взяв наличность для покупки хорошего подарка новобрачным, Гарри начал расспрашивать о своем наследстве у сопровождавшего его гоблина Крюкохвата. В ответ на что, по возвращении в зал (после жуткой поездки на тележке без ограждений и страховки) тот куда-то отошел, а затем попросил мистера Поттера и его опекуна мистера Блэка пройти с ним во внутренние помещения банка.

В старомодной переговорной комнате перед ними выложили на стол несколько пергаментов, из которых следовало, что Гарри Джеймс Поттер является владельцем Поттер-Мэнора, который достался ему от отца, наследовавшего своим умершим во время эпидемии драконей оспы родителям, дома в Годриковой Лощине и участка земли под ним. А, также, фамильного состояния в количестве трехсот пятидесяти семи тысяч галлеонов. В добавок к этому имелся открытый по инициативе банка сейф, куда стекались многочисленные пожертвования, которые были адресованы Мальчику-Который-Выжил различными частными лицами на протяжении последних десяти лет, чье содержимое на текущий момент оценивалось в двести тридцать тысяч галлеонов. Но это была неокончательная цифра, так как средства продолжали поступать. В детском сейфе находилось двенадцать тысяч галлеонов, которыми Гарри имел право свободно распоряжаться по своему собственному усмотрению без разрешения опекуна.

— Почему мои родители не жили в Поттер-мэноре? Он разрушен? — спросил Гарри у крестного.

— Он в полном порядке, — ответил Сириус. — Ты был маленьким, Лили и Джим боялись, что там осталась инфекция, не хотели, чтобы ты заразился драконьей оспой. Да и Джиму из-за скоропалительной смерти отца и матери было очень тяжело там находиться. Вот и законсервировали, — объяснение оказалось тривиальным.

«Забавно. Драконьей оспой английские магглы называют сифилис. Интересно, в Поттер-Мэноре есть домовые эльфы?» — Гарри не заметил того момента, когда начал рассуждать, как волшебник, приняв себя частью мира, в который попал. То, что сначала было в диковинку, становились обыденным. А отсутствие магических способностей

воспринималось, как инвалидность. Магглы казались обделенными, словно слепые люди, которые никогда не видели красок.

Чтобы во всем этом разобраться, потребовалось какое время. Затем Сириус ознакомился по настоянию Гарри с состоянием своих собственных дел.

Что уж тут говорить. Блэк оказался Крезом волшебного мира. Его банковский сейф под номером семьсот одиннадцать был величиной с пещеру и был набит золотом до самого потолка. Гарри деликатно не стал спрашивать у крестного, сколько там денег, но было очевидно, что не меньше нескольких миллионов галлеонов.

Сириус, ознакомившись с состоянием своих дел и поняв, насколько он богаче Гарри, потребовал, чтобы тот до своего совершеннолетия ничего из своих средств не тратил вообще.

— Хоть подарки я могу тебе дарить? — мальчик подсчитал, что одного золота лично ему принадлежит на сумму около двух с половиной миллионов фунтов стерлингов плюс недвижимость, что его вполне устраивало.

«Буду потом работать и преумножать» — Гарри подумал, что неплохо было бы сделать вложения в маггловском мире, но сначала следовало разобраться, не отличается ли эта реальность от той, где жила Александра Владимировна.

Поэтому, обменяв, наконец-то, фунты на галлеоны для Рона и сложив те в приобретенный для друга кошелек с расширением пространства и уменьшением веса (подарок на Рождество), мальчик обменял галлеоны на фунты уже для себя, и предложил Сириусу прогуляться в маггловский Лондон.

Тот был только рад.

Накупив газет и читая их в кафе, куда крестный затащил его перекусить, Гарри понял, что этот мир отличается от того, где жила Александра Владимировна и сильно. СССР не развалился, председателем Президиума Верховного Совета был некий Гришин.

Когда Александра Владимировна была девушкой, ее мама, вращавшаяся в «сферах», рассказывала дочери, что при голосовании после смерти Черненко Горбачева выбрали с перевесом в один голос, а голос был Шеварднадзе. В этом мире министром иностранных дел стал Примаков, а про Шеварднадзе ничего напечатано не было. Его заместителем по экономическим вопросам был назначен Ларов. В СССР происходили экономические преобразования наподобие китайских, медленно и постепенно, без всякой шоковой терапии. В США тоже все развивалось иначе. Дональд Трамп не изменял своей жене, не разводился с ней и стал преемником Рональда Рейгана, две великие державы потихоньку отходили от риторики холодной войны и друг к другу присматривались. Не было оккупации Кувейта, никто не бомбил Ирак, не возникла кровавая резня в Югославии. Этот мир оказался спокойнее и добрее. Но в нем существовала фирма с логотипом в виде обгрызенного яблока и активно развивались телекоммуникации.

Гарри попросил Сириуса разрешение взять пятьдесят тысяч галлеонов и купить на эти деньги акции. Блэк, щедрая душа, сказал, что купит и на свое имя, и на имя крестника, в компенсацию за его несчастное детство.

«Почему мне в той жизни не встретился такой мужик?» — подумал Гарри и от радости повис у Сириуса на шее, тот смутился. Со стороны выглядело все прилично Мало ли, что могло сделать ребенка счастливым? Правда, в таком возрасте детей обычно радуют радиоуправляемые машинки, а не покупка акций. Но Сириусу сравнивать было не с кем.

Потом они долго гуляли вдоль Темзы, разговаривая обо всем на свете.

Вернулись домой под вечер. Где их встретила встревоженная Бекки.

— Извини, солнышко. Я искал тебе подарок, — соврал, не моргнув глазом, Сириус

невесте, и в подтверждение своих слов вытащил из кармана мантии футляр (вероятно, забранный из семейного сейфа) в котором находился удивительно красивый ювелирный гарнитур из платины и сапфиров. Ожерелье было выполнено, как кружевной воротник, воздушные переливающиеся серьги спускались почти до плеч, браслет выглядел, словно паутинка-манжета с каплями голубой росы на ней. Гарри, зная, какой это тугоплавкий и сложный в обработке материал, восхитился мастерством ювелира. А Бекки от радости чуть в ладоши не захлопала и тут же побежала примерять.

В общем и целом, все складывалось весьма мило. Они поужинали, затем Сириус учил невесту вызывать патронуса. Гарри тоже присоединился. Вспомнил, как крестный обещал подарить ему акции Apple на сумму двести пятьдесят тысяч фунтов стерлингов, и из его волшебной палочки вырвалась серебристая дымка.

— Неплохо, — искренне восхитился мужчина, — для одиннадцати лет просто великолепно.

Патронусом Бекки оказалась лиса. Она вспомнила, как в ресторане ее будущий муж сделал ей предложение — самое счастливое событие в ее жизни. Бекки была милой и правильной, сильной волшебницей, идеальной женой для аристократа.

«Верная жена, хорошая мать. Она не станет ногами топтать или гнуть свою линию. Всегда будет смотреть на Сириуса снизу вверх, ожидая его одобрения» — Бекки предстояло прожить долгую, счастливую и обеспеченную жизнь в воображаемом идеальном мире, о лживости которого она никогда не узнает.

— Я тебя в нее превращаться научу, — пообещал Сириус невесте. — Обычно форма патронуса совпадает с видом животного, в которое ты превращаешься.

— У тебя пес? — спросила она. — Почему ты сам патронус не вызываешь?

— Я не знаю, получится ли у меня это после Азкабана... — признался мужчина.

— Ты попробуй, вдруг получится? — она взяла его за руку.

— Экспекто Патронум! — мужчина вспомнил, как аврор открыл дверь его камеры и с необычно доброжелательным лицом предложил пройти с ним, а в кабинете начальника охраны Азкабана сам Министр Магии принес бывшему узнику извинения и сообщил, что отныне с Сириуса Блэка сняты все предъявлявшиеся ему обвинения и он признан полностью невиновным. Как потом Гарри обнимал его в больнице. Как он с Гарри танцевал вальс, как он, Сириус, с Джимом целовались в спальне Гриффиндора... — Из палочки мистера Блэка вырвался мощный луч света, превратившийся в огромного пса. Тот пробежал вокруг гостиной, не касаясь пола, и рассыпался серебристыми искрами.

— Получилось, получилось! — Бекки прыгала от радости. — А про что ты думал?

— спросила она.

— Я вспомнил, как ты подошла ко мне в ресторане, и я понял, что, наконец-то, нашел тебя... — Сириус сказал то, чего, по его мнению, от него ждали.

Судя по реакции невесты, он угадал.

Бекки выглядела такой счастливой, она обняла любимого мужчину и прижалась щекой к его груди.

А Сириус смотрел через ее плечо на строившего ему рожи, прижимавшего руки к груди и возводившего глаза к потолку Гарри, который на цыпочках поднимался по лестнице в свою комнату, чтобы не портить своим присутствием возникшую идиллию.

Мальчик в полной мере осознавал трагикомичность ситуации и искренне надеялся, что ласковая, влюбленная в Сириуса женщина сможет того к себе привязать.

«Она двигается в правильном направлении» — заключил про себя Гарри и улегся на кровать дочитывать дневник Регулуса Блэка.

Глава 31

Регулус Блэк создал себе кумира и следил за ним с целеустремленностью сталкера. Он знал про Волдеморта все — даже цвет его носков замечал: черные, угольно-серые и так далее. Мальчик таскал перья, которыми писал Милорд во время пребывания в их доме, и подолгу сидел на стульях, которые Том Риддл облагодетельствовал своим сиятельным задом.

В общем, младший брат Сириуса вел себя, словно помешанный фанат, но, к сожалению, этого никто не замечал.

Тех, кого одаривал вниманием Милорд, Регулус люто ненавидел. В своем дневнике мальчик Беллатрикс иначе, чем презренной шлюхой, не называл. Люциус был окрещен тупым лизоблюдом, а Бартемиус Крауч — мерзкой молью и заучкой. Регулус в меру сил и способностей старался привлечь к себе внимание Милорда и лет в пятнадцать преуспел в этом начинании. Волдеморт с младшим сыном школьной подружки, в честь которой в минувшей юности назвал свой кружок по интересам, проводил все больше и больше времени и учил его всему тому, что знал сам.

Самым ценным для Гарри оказалось то, что Регулус все записывал самым подробнейшим образом и имел четкий красивый почерк. К примеру, заклинание перемещения в виде черного вихря, иначе — скольжения по воздуху, было исключительно невербальным, и знали его лишь члены внутреннего круга. Если произнести его вслух, с волшебником случался бы эпилептический припадок. Таких заклинаний в тетрадке было записано несколько десятков.

Читая откровения брата Сириуса, Гарри сделал вывод, что Том Риддл искренне привязался к мальчику, видя в нем, если не сына, то племянника или лучшего ученика. Но, не более того.

Вступившего же в пубертатный период Регулуса Блэка обуревали совсем иные страсти. Трудно было сказать, с каким сыном Вальпурге не повезло больше: со старшим или с младшим.

Вся последняя часть дневника была испещрена записями, какие у Волдеморта: пальцы, губы, скулы, цвет волос, глаз, подъем стопы, ягодичы, широкие плечи, длинные ноги, властный взгляд от «которого бегут мурашки по коже» и так до бесконечности.

В то же время, мальчик, похоже, не понимал, что с ним творится. Зато Том Риддл все заметил.

То ли для того, чтобы привязать к себе младшего сына Вальпурги, или после пятидесяти лет Волдеморта потянуло на эксперименты — седина в бороду, бес в ребро, но, так или иначе, могущественный волшебник ответил на эти чувства со всей пылкостью опытного мужчины.

И тут у Регулуса начались метания: наслаждаясь близостью со своим кумиром, он обзывал самого себя презренным содомитом, таким же павшим, как «мой пропавший старший брат». Юноша явно был не готов к тому, что случилось. Но авторитет Волдеморта взял свое и юный Блэк смирился с «нашим общим безумием» и пустился во все тяжкие.

В один прекрасный день Том Риддл попросил у юного любовника Кричера «для одной деликатной услуги».

Затем в дневнике следовала восторженная запись: «Мы никогда не умрем, мы всегда будем вместе!»

Видимо, сотворение хоркруса вовсе не отвратило Регулуса от Волдеморта, а — совсем наоборот. Юноша собирался сделать то же самое.

Последняя запись сильно отличалась от остальных. Она была сделана быстро, испещрена восклицательными знаками, написана кривым почерком и залита слезами. «Я их видел, его и эту шлюху! Он ее...» — клякса, — «...прямо на подоконнике... Я стоял за занавеской в метре от них и все видел! Я ей устрою! Я ему покажу! Я ему отомщу!» — десять восклицательных знаков. Дальше записей не было...

«Вот тебе и подвиг. Хоркрус был уничтожен в припадке Блэковского безумия, которое спровоцировала жгучая ревность» — и тут у Гарри картинка сложилась воедино. Примерно до тысяча девятьсот семьдесят седьмого года Волдеморт вел себя вполне разумно и мог, если бы занял более центристскую позицию, с легкостью выиграть выборы.

Но где-то после тысяча девятьсот семьдесят седьмого года Том Риддл словно сорвался с цепи.

«Были организованы нападения на дома Прюэттов, Краучей, Боунс, Моуди, то есть — на всех, кто имел отношение к арестам подозреваемых к какой-либо незаконной деятельности. Может ли быть такое, что он просто искал своего пропавшего крысенка?» — теория была вполне жизнеспособной.

Чего нельзя было отнять у Волдеморта, это того, что тех, кто ему был предан, Милорд в беде не бросал.

«Вальпурга ему, понятное дело, ничего не сказала, возможно, из чувства мести, или боялась расправы над своей семьей, скорее всего — все вместе» — теперь вопли безумного портрета о проклятых полукровках приобретали совсем иной смысл, ранее скрытый.

«Вот так вот страсти и вершат судьбы волшебного мира»... — от размышлений Гарри оторвал крик Бекки. Она звала на помощь, потому что Сириус упал в обморок.

— Молодой человек, заклинание вызова Патронуса очень энергетически затратное, еще полугода не прошло, как Вас освободили, — делал выговор прибывший камином целитель из госпиталя святого Мунго (Гарри написал туда письмо) обложенному подушками и пьющему горячий шоколад Сириусу Блэку.

— И Вам, милочка, нельзя использовать ничего сложнее бытовых заклинаний. Уж Вы то, должны это знать, раз учитесь на целителя... — Бекки слушала, как ее распекают, с самым виноватым видом.

— Еще ее нельзя волновать, — цыкнул Гарри на зарвавшегося эскулапа. — Мы все поняли, шоколад и постель. Я послежу за ними. Большое Вам спасибо, — отрезал он. Планы на завтрашний день в очередной раз поменялись.

В связи с чем, у мальчика возникла великолепная идея: с самого утра выманить Драко к себе домой и сходить вместе с ним в гости к Уизли, чтобы полетать на новых метлах.

«А эта парочка пусть наслаждается обществом друг друга» — подумал Гарри с некоторым ехидством, глядя на пивших горячий шоколад Сириуса и Бекки.

После чего выпроводил целителя, вернее, проводил, пожелал будущим молодоженам доброй ночи и отправился спать.

Глава 32

— Их действительно можно кидать? — глаза Драко загорелись нездоровым блеском.

— Да, выдергиваешь за ноги и бросаешь в кусты, чем дальше, тем лучше, — Рон не понимал, чего интересного может быть в обезгномливании сада.

Но то, что для Уизли давно стало ежедневной рутинной, для Драко Малфоя было недоступным ранее развлечением.

— Йо-хо! — с победным криком Драко выдернул за ноги из норы коротышку, раскрутил над головой и зашвырнул в сторону реки.

— Тебе не надоело? — Рон на новом Нимбусе нарезал восьмерки у друга над головой, а тот расправлялся уже с восьмым гномом и занятие это прекращать не собирался. Дома у Малфоя был идеальный газон, клумбы и павлины, полетать он мог когда угодно, а вот обезгномливание — это весело и круто!

В кусты улетел очередной коротышка.

— Рон, а ты можешь взять палку в руки, перехватывать их в полете и забрасывать между деревьями, как в ворота, — Гарри сказал, а потом осознал, что его слова будут приняты, как руководство к действию.

«Они же живые» — мальчик понял, что только что придумал магический вариант бейсбола от Уизли.

Рон вытащил из сарая кусок железной арматуры, которую Артур непонятно откуда и зачем притащил, и, летая невысоко от земли на метле, держась за руль одной рукой, со всей силы лупил им по визжавшим, пролетающим в воздухе садовым гномам. За очко засчитывалось, если те влетали между двумя яблонями.

— Сразу видно, наш человек, — вышедшие посмотреть, в чем дело, Фрэд и Джордж присоединились к забаве. Теперь они кидали в воздух коротышек, а оседлавший метлу Драко и уже наловчившийся Рон, лупили по садовым вредителям палками.

«Жестокие дети» — Гарри надеялся, что хоть Молли, увидев подобную забаву, возмутится.

Но, ничего подобного. За игрой детей та наблюдала с умилением во взгляде, ведь эти мерзкие гномы портили ее огород и подрывали корни деревьев, мешая тем плодоносить. Даже маленькая Джинни новой забаве радовалась и говорила, что она тоже так хочет.

— Мальчики, идите обедать, — дома у Уизли Драко тоже понравилось.

Нет, он, конечно, не хотел бы жить в таком тесном и маленьком домике. Но в гости приходить — было бы здорово.

Играть в садовых гномов, летать на метлах, есть жареную курицу руками, болтать за столом с набитым ртом, к обеду, опять же, не надо было переодеваться.

В той, прошлой реальности, он, конечно, обсмеял бы за это Уизли из вредности, но про свое альтернативное будущее мальчик ничего не знал, Рон был его другом, с ним и с Гарри было очень весело.

Не то, что дома. Маму постоянно мутило, папа ходил перед ней на цыпочках. На вопрос Драко, почему она не выпьет еще раз то самое средство (в Малфой-Мэноре не говорили Философский камень, чтобы даже воспоминаний таких не было), Нарцисса ответила, что это не тот случай, чтобы переводить на него сокровище. Можно и потерпеть.

В общем, мясо и супы Драко теперь ел исключительно в своей комнате, мама не выносила запаха говядины.

Как папа рассказал, она была беременной и ждала мальчика — первый раз второго ребенка за много поколений Малфоев, поэтому с Нарциссой все носились, как с хрустальной вазой. А женщина говорила, что мальчик — это хорошо, но она хотела бы

девочку, дочку.

«Молли тоже хотела девочку» — Драко задался вопросом, сколько старших братьев будет у его собственной сестры. Ответ был непредсказуемым.

«В любом случае, Малфой-Мэнор — майорат, а я старший сын» — мальчик конкуренции не боялся, тем более, благодаря беременности матери он обрел свободу, которой, будучи единственным наследником, оказался лишен.

Вот и сейчас, Драко, конечно, вымыл руки перед обедом и даже вытер ноги о коврик, лежавший перед входной дверью, но это было единственным к нему приготовлением.

Впрочем, на свадьбе Сириуса Блэка и Реббеки Эллис Малфой-младший, в соответствии со случаем, выглядел весьма достойно.

Как и прибывшие в полном составе Уизли, которые были наряжены в новые добротные шелковые мантии. Платье Джинни оказалось розовым, украшенным алыми розами вдоль подола, из-под которого выглядывали красные туфельки из лаковой кожи. На самом деле, выглядело ярко и очень мило.

Драко подумал, что при виде «подобной безвкусицы» его предпочитавшая пастельные тона мама, как обычно, скривится, но, ничего подобного не произошло, напротив — на лице высокомерной Нарциссы Блэк появилось умиленное выражение.

А отец даже соизволил поздороваться с Артуром Уизли — они кивнули друг другу сухо, но вежливо.

«Мама, наверняка, представляет, как наряжает собственную дочь» — мир начал переворачиваться с ног на голову. Драко, поздоровавшись с вновь прибывшими, поспешил поздравить жениха и невесту.

Поднимаясь по широкой парадной мраморной лестнице, вдоль которой висели не отрубленные головы эльфов, а парадные портреты представителей рода Блэк, Драко не понимал, почему его мать называла дом своей тетки мрачным, непригодным для проживания склепом.

Высокие потолки с лепниной, французские окна до самого пола, защищенные снаружи французскими балкончиками, широкие, хорошо освещенные коридоры, балльный зал, в начищенном паркете которого отражались сияющие хрустальные люстры — все это создавало ощущение простора.

На огромном эпическом полотне, которое было величиной с картину «Явление Христа народу», собрались все портреты дома на Гриммо 12, а так же те яркие представители династии, изображения которых висели в других домах, но они были приглашены в гости. Еще бы, почти затухший род воскресал!

Вальпурга скромно стояла в уголке картины, отдельно от остальных родственников.

С портретами получилась интересная история. Полотна, свернутые в рулоны, были найдены в старом сундуке на чердаке.

Когда Вальпурга осталась дома совсем одна, предки начали попрекать ее тем, что она своим несносным характером извела всех представителей рода Блэк. Лишь бывший директор Хогвартса Финеас Найджелус Блэк проявил к несчастной, потерявшей детей матери сострадание. В результате, этот портрет остался висеть на стене один, все остальные были безжалостно содраны и отправлены в изгнание.

Естественно, теперь освобожденные изображения на Вальпургу были сильно обижены, и общаться с ней не стремились.

— Дядя, поздравляю Вас с радостным событием, — обратился Драко к Сириусу.

— Счастлив познакомиться, — мальчик поцеловал руку Ребекки.

— Спасибо, племянничек, — улыбнулся счастливый жених. — Взаимно, Драко, —

ответила Бекки вполне уверенно.

— Сестрица, Люциус, рад видеть, — гостеприимный хозяин приветствовал его родителей.

— Какая младшенькая у вас красивая, и сынок ее очаровательный, — слышались реплики портретов, адресованные к прибывшим вместе с дочерью Друэлле и Сигнусу Блэк. Те улыбались, не теряя, впрочем, своего высокомерного вида.

— О, дядя Альфард, тетя Кассиопея, тетя Лукреция! — Нарцисса давно не видела этих своих родственников. Если честно, она даже не интересовалась, живы те, или нет. Моложавые мужчина и две крепкие тетушки оказались живы здоровы, мечтали увидеть, как будут расти их внуки и правнуки, и помирать не собирались.

— Андромеда, рада тебя встретить, — с сестрой Нарцисса виделась впервые с тех пор, как та сбежала из дома, и не знала, как себя с ней вести в присутствии отца и матери.

— Приятно познакомиться, миссис Эллис, мистер Эллис, — улыбалась миссис Малфой уже родителям Ребекки.

— Артур, Молли, рад видеть, почувствуйте себя, как дома, — в этой реальности Молли пришла в дом на Гриммо двенадцать не убираться, а отдыхать.

— Мальчики, не разнесите мне дом, Джинни, ты очаровательна, — приветствовал Сириус их детей.

Очаровательная Джинни смутилась и стала пунцовой, как розы на ее платье.

— Фрэнк! — Сириус сказал это, как выдохнул, и сжал друга в объятиях. — Алиса, — они расцеловались в обе щеки. — Невилл, проходи, не смущайся, — гости все прибывали и прибывали.

— По-моему, он сегодня потерян для общества, — Гарри, Рон и Драко, наконец, встретились и стояли возле окна, наблюдая за тем, как их друг не отходит от отца с матерью ни на шаг. Сами то Малфой и Уизли были рады сбежать от своих родителей и остаться без присмотра.

— Так он, считай, с ними только познакомился, — объяснил Гарри друзьям. Те были маленькими и не понимали, какое счастье иметь и отца, и мать живыми и здоровыми.

— Тогда мы с ним позже пообщаемся, — резюмировал Рон и предложил направиться к столу с закусками.

— Думаю, не будет большого вреда, если мы выпьем по бокалу шампанского за счастье молодых, — важно произнес Драко и взял фужер со стола.

В этот момент в Гарри проснулась строгая бабушка, которая помнила, что одиннадцатилетним детям спиртное употреблять не разрешается.

— Давайте, выпьем по половинке, — предложил он, — а то с непривычки может тошнить или закружится голова, будем шататься по залу, как дураки пьяные, и народ веселить вместо шутов.

— А безоар на что? — самодовольно вопрошал Драко, вытащив из кармана мантии три шарика безоара и поделившись ими с друзьями, после чего залпом, по-гусарски опустошил хрустальный бокал до дна.

«Спасибо, что хоть об пол не разбил. Интересно, под конец вечера Драко полезет под стол или нет?» — тем временем, к троице быстрыми шагами приближался Невилл.

— Ребята, пойдемте, я Вас с родителями познакомлю! — Гарри и Рон устремились вслед за ним, а вот Драко от представления Фрэнку и Алисе Лонгботтом воздержался. Из рассказов отца мальчик знал о боевых столкновениях между Люциусом и Фрэнком, поэтому Малфой остался у стола с закусками и начал с энтузиазмом поглощать канапе.

— Сейчас подойду, — произнес он с набитым ртом, чего обычно себе никогда не позволял.

— Он переборщил с шампанским и ему надо немного поесть, — объяснил Невиллу Гарри, после чего крестный представил его и Рона своим товарищам по оружию.

Гости все прибывали и прибывали.

Наконец, явил себя миру сам Министр Магии, который решил мероприятие возглавить, проведя свадебную церемонию...

— Мы собрались здесь, чтобы соединить этого мужчину и эту женщину священными узами брака... Согласна ли ты, Ребекка? Согласен ли ты, Сириус? — далее последовали традиционный обмен кольцами, аплодисменты гостей, букет, летящий в зал и пойманный кем-то из родственниц со стороны невесты, торжественный обед, вывоз свадебного торта, его разрезание и последовавший за этим первый танец новобрачных, перешедший в полноценный бал.

Гарри танцевал с Джинни, а еще с какой-то Виолеттой и с чьей-то пожилой родственницей. В общем, вечер его закрутил, закружил и от друзей оторвал.

Когда крестнику молодожена удалось вырваться из захватившего его водоворота, мальчик увидел Драко Малфоя, пробиравшегося вдоль стеночки нетвердой походкой.

Гарри поспешил ему на помощь, подхватил, словно раненного бойца, и, втащив в ближайшую, еще частично меблированную комнату, уложил на кушетку.

Драко Малфой, впервые попавший на взрослый праздник, предоставленный сам себе, пил много и разное. По неопытности он не смог отследить то мгновение, когда приятная эйфория перешла в полноценное опьянение, а зрение начало выдавать желаемое за действительное.

В данный момент в своей реальности он находился в будуаре наедине с красавицей — семнадцатилетней Камиллой Розье.

— Поцелуй меня, — прошептал он, уверенный, что не получит отказа. Обнял, не ожидавшую подвоха «девушку» за шею и притянул ее к себе.

— Люмос, — в этой пикантной позе: лежавшего на софе Малфоя и склонившегося к нему Гарри, «влюбленную парочку» и застали потерявшие из вида крестника и сына, Сириус Блэк и Люциус Малфой, которым услужливые портреты подсказали, где мальчишек найти.

Гарри оглянулся через плечо, шурясь, и увидел два полных боли взгляда, правда, они отличались — у Сириуса он был взбешенным, а в глазах Люциуса читалось отчаяние.

Поттер решил, было, начать успокаивать обоих, как:

— Камилла... — прошептал Драко. — Ты прекрасна.

— Розье, — обрадовано объяснил Блэку Малфой.

— Красивая? — спросил повеселевший Сириус.

— Очень, — облегченно выдохнул Люциус.

— Мне кажется, Драко несколько под-шафе, — деликатно заметил Гарри.

— Да, с кем не бывает! — легкомысленно ответил Сириус. — Кричер! — позвал он, — принеси юному Малфоя протрезвляющее зелье — мужчина и не подозревал, что можно в один момент умереть и сразу воскреснуть.

Люциус Малфой, возможно, переживал нечто похожее. Нет, он не испытывал к Темному Лорду физического влечения, особенно сейчас, когда тот обладал детским телом Гарри Поттера. Но мужчине хотелось быть для Милорда самым главным, самым нужным, Люциусу стало больно от того, что это место мог занять его собственный сын.

Сириуса же занимали куда более приземленные проблемы. Ему хотелось трахаться.

Бекки занятия сексом до самых родов запретили, Гарри, так похожий на Джима, был мал и абсолютно недоступен. Поэтому счастливый молодожен решил, что как только его крестник уедет в Хогвартс, а он, Сириус, начнет работать, то под видом ночного

дежурства он наведается в маггловский бордель для мужчин. Джим ему про такие заведения рассказывал, они назывались гей-клубами.

Глава 33

«Если бы на моем месте оказался настоящий ребенок, он или сбежал бы, или свалился бы в обморок» — Гарри, стоявший рядом с Фаджем, приветствовал очередного волшебника, прибывшего на Рождественский прием в Министерство Магии.

— Магда и Бартемиус Крауч, — Корнелиус представил Гарри начальника департамента международного магического сотрудничества.

— Гарри Поттер, очень рад, приятно познакомиться! — мальчик сиял белозубой улыбкой, встретившись впервые в жизни с жертвой своего шантажа.

«Быстро же он управился» — юный интриган рассматривал моложавого мужчину, который, что показательно, сделал себе прическу без пробора, и его свежеиспеченную спутницу жизни.

Бартемиус Крауч, понимая, что вероятность его разоблачения очень высока, не стал искать далеко, и женился на Магде Беррингтон, которая в течение пятнадцати лет работала его секретарем, устроившись на эту вакансию сразу после окончания Хогвартса. Она была магглорожденной волшебницей, учившейся на Рейвенкло, знала несколько иностранных языков, была аккуратной, пунктуальной, давно изучила все привычки и требования своего шефа и никогда его не раздражала своим поведением. Более того, во время опалы Крауча, которое последовало вслед за разоблачением его сына, Магда последовала вслед за Бартемиусом в изгнание в департамент магического международного сотрудничества, хотя при этом немного потеряла в зарплате. То есть, оказалась благодарным и преданным человеком.

Проанализировав все это, мистер Крауч пришел к выводу, что лучшей жены он себе не найдет и, поухаживав за женщиной для приличия неделю, по ее окончании сделал ей предложение руки и сердца. Та, давно восхищавшаяся своим шефом и тайно в него влюбленная все эти годы, с радостью согласилась. На приеме в Министерстве Магии молодожены выглядели довольными жизнью и друг другом.

«Я просто добрая фея» — иронизировал Гарри, слушая, как Фадж сетует Бартемиусу на то, что «старый друг не пригласил его на свадьбу».

Крауч в ответ намекал с гордым видом на некие обстоятельства, которые не позволили устроить пышное торжество.

«Обстоятельства», вероятно, были замаскированы пышным платьем худощавой Магды.

«Веселенький годик ожидается в Хогвартсе лет через одиннадцать» — Гарри представил, как туда одновременно приедут учиться наследники Крауча, Малфоя, Кребба, Гойла и трое Блэков. Мальчик уже понял, что ни одна волшебная семья не собиралась использовать философский камень для обогащения, оставляя драгоценное лекарство на самые экстренные случаи, сохраняя его для будущих поколений.

«Я даже не предполагал, насколько весело будет в Хогвартсе лет через шесть-семь» — с ухмылкой иронизировал Гарри, сидя в министерской ложе на Финале Чемпионата мира по квиддичу четыре года спустя.

У Малфоя родилось уже три младших брата: Абигор, Керберус и Асмодеус, если Блэки нарекали своих детей названиями звезд, то в роду Малфой — именами демонов. Но Нарцисса не отчаивалась, и заявила супругу, что «в следующий раз точно получится девочка». Люциус глядел на семью Уизли и тяжело вздыхал.

«Это мне в наказание за то, что я над ними насмеялся» — глава рода Малфой в полной мере наслаждался радостями отцовства, так как Нарцисса не позволяла ему отлынивать от родительских обязанностей. Хотя, к ее услугам была толпа эльфов, родители и

перебравшиеся в Малфой-Мэнор понянчиться с внучатыми племянниками одна вдовая и одна незамужняя тетки.

В связи с этим Люциус имел вид несколько усталый и осунувшийся и, порой, запершись в кабинете наедине с бутылочкой огневиски, он с тоской вспоминал былые времена и боевые вылазки с Милордом. Но тот перед Чемпионатом Мира по квидичу написал ему письмо, в котором строго-настрого запретил поджигать палаточный городок. А ведь так хотелось оторваться!

«Откуда он только узнал?» — Люциус, как примерный ученик, сидел рядом с Драко и Милордом в министерской ложе и наблюдал за танцем леприконов.

В какой-то момент волшебника кто-то больно сзади дернул за волосы.

Это оказался Альфард Сириус Блэк — самый буйный из тройняшек, на чемпионат по квидичу Блэк притащил всех троих, с ними с трудом справлялись Бекки и верный Кричер. Правда, Регулус Сириус и Антарес Сириус были чуть спокойнее старшего (на пять минут) брата, они просто плевались обслюнявленными фантиками от конфет. Люциус защитил отталкивающим заклинанием свою спину, но оборачиваться и замечание делать не стал, знал, что бесполезно.

Между тем, выступления групп поддержки завершились, под рев стадиона на поле для квидича вылетели команды и, в том числе, «великолепный и неподражаемый», как его окрестили журналисты, Виктор Крам.

«Что они в нем находят?» — сидевшая в окружении друзей Гермiona не понимала ажиотажа, поднятого вокруг болгарского ловца.

Она вообще не очень любила квидич, а на чемпионат прибыла для того, чтобы поддержать Невилла, который в очередной раз поругался с родителями.

Фрэнку очень не нравилась дружба сына с детьми пожирателей смерти, и он не захотел отпускать его в гости к Грегори Гойлу. Невилл взъярился, сказав, что сыновья за отцов не отвечают и, вообще, у его друзей прекрасные семьи и замечательные младшие сестры.

Тогда Фрэнк спросил, не собирается ли Невилл на ком-нибудь из них в будущем жениться, на что младший Лонгботтом ответил, что женится на том, на ком захочет.

Аврор заорал, что выгонит сына в таком случае из дома. Тут за внука уже заступилась бабушка, сказав, что это ее дом, который она получила в качестве приданного, и она воспитывала Невилла одна и что неизвестно, кто был хуже — Темный Лорд или Дамблдор, потому что у первого все последователи живы-здоровы остались, а у «этого хитрого старикашки» погиб Орден Феникса почти в полном составе. И что Волдеморт воевал лично и к Поттерам пошел один, а Дамблдор за спинами детей прятался. Августа пообещала завещать свой дом и теплицы внуку, а сыну заявила, что тот может проваливать, куда хочет, сам. Алиса старалась всех успокоить.

В результате, после завершения домашнего скандала Невилл в расстроенных чувствах все-таки ушел к Грегори камином. Не так он себе представлял жизнь с родителями, когда те болели, идеализируя их.

С мамой мальчик нашел взаимопонимание, а вот с отцом не срослось. Тому казалось, что его сын не тем занимается, возится со своими растениями, вместо того, чтобы играть в квидич и мечтать стать аврором.

— Вот увидишь, все образуется, — успокаивала Невилла Гермiona.

Тот не стал спорить, хотя, понимал, что как только его мать решит родить второго ребенка, они с бабушкой снова останутся вдвоем и даже как-то с этим смирился. Отец мальчика разочаровал, и это было очень больно и обидно.

Глава 34

В то время, как на арене финала Чемпионата Мира по квидичу бушевали нешуточные страсти, Дамблдора, который обязан был подготовить замок к приему гостей для проведения Турнира Трех волшебников, одолевали тяжкие думы.

Почти четыре года назад Николас Фламель, наконец-то, после тридцатилетних уговоров согласился дать ему для исследований философский камень, а тот украли.

Сначала Дамблдор грешил на внезапно покинувшего Хогвартс Северуса Снейпа, ведь напиток из философского камня позволил бы тому преодолеть магический откат после нарушения клятвы и жить в свое удовольствие до глубокой старости.

Сам Альбус в жизни познал мало радости, разве что детство его было счастливым и общение с юным Геллертом мелькнуло ярким светлым пятном.

Потери и лишения никого не делают лучше. С годами Дамблдор стал по-иезуитски безжалостным. Ради того, что считал правильным, он был готов пожертвовать чем угодно, даже собой.

Конечно, если бы директору Хогвартса сказали, что он такой, тот бы искренне изумился. Ведь он никогда никому не желал зла. Не желал, но зло совершал, чаще всего из-за своей предвзятости или бездействия.

Но после похищения камня Альбус не сидел, сложа руки. Он сделал запрос через международную конфедерацию магов о местонахождении без вести пропавшего преподавателя Хогвартса Северуса Снейпа. Тот быстро нашелся в Магическом Университете в Дрездене, где занимался исследованиями в области зельеварения.

На этом Дамблдор не успокоился, он направил заявление в аврорат Дрездена, в котором обвинил своего бывшего сотрудника в похищении из Хогвартса уникального магического артефакта. На что господину директору ответили, что пока он не напишет, что именно пропало, о допросе подозреваемого не может быть и речи. Дело застопорилось.

Правда, профессора Дрезденского Университета Северуса Снейпа вежливо пригласили в аврорат для частной беседы (тот мог легко отказаться). Но Снейп пришел, выслушал, в чем дело, поразился подлости и мстительности Альбуса и поклялся магией, что никаких чужих магических артефактов из Хогвартса с собой не прихватывал. Восстановив свое доброе имя, ученый подумал, что зелье, над которым он работает и почти завершил его испытания на добровольцах, он посвятит Гарри Поттеру, подарившему ему, Северусу, свободу от старого негодяя.

Так что, Дамблдору оставалось лишь вздыхать и сожалеть об утерянных возможностях. Со временем подозрения в том, что именно предатель Снейп украл философский камень превратились у Альбуса в твердую уверенность. Нашлись и его пособники: Августа Лонгботтом, чьи сын и невестка очнулись, не помня ничего о времени своего пребывания в забвении, с полностью восстановленной нервной системой, словно тех никогда не пытали круциатусом, и Люциус Малфой, бесплодная жена которого стала рожать в год по сыну, словно Молли Уизли.

Дамблдор вспомнил, что в тот день, когда он с Гарри Поттером отсутствовал в Хогвартсе и, когда, скорее всего, был похищен философский камень, и Августа Лонгботтом, и Люциус Малфой посещали замок.

«Скорее всего, Августой был Снейп под оборотным зельем, а Люциус обеспечил ему доступ в мой кабинет, из которого был прямой проход к зеркалу Еиналеж, и отключил сигнализацию» — Альбус каждый раз морщился, вспоминая инвентаризацию постельного белья.

«Запрос пришел из Министерства накануне, Малфой вполне мог все это

организовать» — догадки директора в чем-то были правильными. Но доказательств не было никаких.

«А теперь еще Кубок Огня» — старик вздохнул. Требовалось подготовить спальни для гостей, внести в смету расходы на их питание, обеспечивать безопасность мероприятия — в общем, погрузиться в скучную рутину.

«Когда-то я наукой занимался» — тогда он учился у Николаса Фламеля, пока в один прекрасный момент не победил того в учебном поединке. Альбус не знал, что это большая мозоль его учителя, который в свое время не смог получить мастерство в дуэлинге и, следовательно — благородное звание рыцаря, а остался безродным зельеваром. В те времена без виртуозного владения боевыми заклинаниями волшебник считался никем. Уже много позже Николаса начали называть Сэр.

В общем, ученичество прервалось, Альбус устроился преподавать трансфигурацию в Хогвартс, это был совершенно не его уровень, но надо было зарабатывать себе на жизнь, выбирать не приходилось.

Иногда Дамблдор спрашивал себя, что было бы, если бы в ответ на упреки брата, что он, Альбус, перестал ухаживать за сестрой, он встал бы на сторону Геллерта и уехал с ним путешествовать? Наверняка его жизнь была бы не такой правильной, но куда более интересной и счастливой. Но прошлого не исправишь. Во главу угла Дамблдор поставил долг, так и не поняв, что всеобщее благо складывается из счастья многих отдельно взятых людей и его личного счастья, в первую очередь.

Встретаться в бою с Геллертом Альбус не хотел, но Николас Фламель кому-то рассказал, какой его ученик замечательный дуэлянт, и пришлось сразиться с безответной любовью своей юности. Дамблдор всегда считал, что Геллерт ему поддался, хотя, мог убить. Но директор Хогвартса ни с кем никогда не делился своими догадками — не с кем было... У Бартемиуса Крауча-старшего на душе тоже было неспокойно.

Казалось бы, забывший про него шантажист в июне месяце прислал школьной хогвартской совой объемный пакет, в котором находились документы на имя Джонатана Страуда, магглорожденного волшебника тридцати пяти лет отроду, гражданина США, прибывшего в Великобританию в качестве туриста. А также текст состоявшей из нескольких подпунктов магической клятвы, после произнесения которой Бартемиусу Краучу-младшему надлежало выдать документы, три тысячи галлеонов, подарить эльфа Винки, ответить на один вопрос, если тот его задаст, и отпустить на все четыре стороны, предварительно сняв с «молодого человека» заклятие подчинения.

Прочитав текст клятвы, мистер Крауч понял, что составлялась она прожженным крюкотвором. И после освобождения сына, который после рождения маленьких Маркуса и Авроры действительно стал проблемой (мужчина даже подумывал стереть своему первенцу полностью память и выкинуть в мир магглов куда-нибудь в Латинскую Америку) ни Магде, ни младшим детям, ни ему самому ничего угрожать не будет.

«Мало ли что придет в его больную голову?» — делать было нечего, пришлось подчиниться. Теперь у Бартемиуса Крауча-старшего была семья, расставаться с ней из-за неповиновения и терять свою свободу мужчине не хотелось совершенно.

Поэтому, аппарировав к находившемуся в удаленной болотистой местности в Шотландии домику, глава департамента магического международного сотрудничества в него вошел и привязал заклинанием к стулу не ожидавшего подобного Барти, после чего снял с неудавшегося отпрыска Империи.

— Ненавижу! — у молодого мужчины разве что пена изо рта не пошла. Он смотрел на отца с неприкрытой, отчаянной ненавистью. — Убей меня лучше! Лучше смерть, чем такая жизнь!

Бартемиус подумал, что, пожалуй, исполнил бы это пожелание, но призрак Азкабана, маячивший перед мысленным взором волшебника, не давал ему осуществить свои намерения.

— Ты дашь мне эту клятву, потом получишь новые документы, кошелек с деньгами и эльфа. Надеюсь, что после этого больше тебя никогда не увижу, — развернув перед глазами сына пергамент, Бартемиус не стал растекаться мыслью по дереву.

— Поклянись магией, что сделаешь это, — Барти отца не любил и не верил ему. — Что в тебе только мать нашла. Ты ее, наверняка, шантажировал, связал, изнасиловал и под Империи держал, — не то, чтобы Крауч-младший хотел отца спровоцировать на насилие, скорее, желал сделать тому очень больно.

— Держи! — чтобы не сорваться, Бартемиус отошел от сына подальше, швырнул ему под ноги пергамент с текстом клятвы и освободил от пут. — Клянусь своей магией, что сделаю все, что я тебе обещал, а так же честно отвечу на один твой вопрос, — произнес мужчина.

— Почитаю, что ты мне принес, — ссутулившись сидя на стуле, потирая рукой затекшие плечи, Барти начал изучать пергамент.

В какой-то момент его лицо стало неестественно спокойным, молодой волшебник закрыл глаза и потер виски руками.

В тексте клятвы было зашифровано послание, по схеме, которой обычно пользовался Милорд: «Отправляйся к Рабастану, он оправдан и на свободе. Если захочешь меня найти, воспользуйся своими мозгами».

Барти вдохнул, выдохнул.

— Я, Бартемикс Крауч, сын Бартемиуса Крауча и...- он от начала до конца оттарабанил текст клятвы, особо даже не вдумываясь в ее смысл. — Пусть тому будет свидетельством моя магия! — после чего пергамент в его в руках вспыхнул, превращаясь в обугленный кусок приглашения на праздник.

Кто бы только знал, как тяжело дались Гарри эти двойные чары! Сколько он шоколада съел и выпил какао, пока они не получились у него, как следует!

«Воспользуйся своими мозгами», — Барти вспомнил, что отец ему должен ответ на один вопрос. Это был квест, Милорд вернулся, спас его и дал подсказку. «Он узнал про мое освобождение и шантажирует отца. Он, наверняка, написал ему...»

— От кого и когда к тебе прилетела сова с письмом, в котором был текст клятвы и как она выглядела? — молодой человек не просто так сдал двенадцать Ж.А.Б.А. на превосходно.

«Умен, зараза». — Обычная общественная хогвартская сова, письмо принесла в июне месяце.

— Винки! — все еще держа сына под прицелом волшебной палочки, Бартемиус вызвал домового эльфа. — Теперь ты служишь только этому господину, — мужчина швырнул на стол увесистую сумку с галлеонами, документы и, не поворачиваясь к отвергнутому отпрыску спиной, отступил к двери. — С семейного гобелена я тебя сегодня выжгу. Больше не получишь ничего. — На этой мажорной ноте мистер Крауч-старший аппарировал, оставляя в прошлом осколки большей части своей жизни.

И вот, спустя месяц после этих событий глава департамента международного магического сотрудничества встретил своего сына в обществе Рабастана Лестрейнджа возле палатки Люциуса Малфоя. Конечно, Барти воспользовался оборотным зельем, которое периодически прихлебывал из фляжки, но, судя по манере держаться и речи, это, несомненно, был он.

Глава 35

Когда Барти остался в охотничьем домике один, он не мог поверить в реальность случившегося. Свободен! После стольких лет подневольного существования он, наконец-то, может делать то, что хочет. Кроме тех ограничений, что накладывала на него клятва, конечно.

У него не было волшебной палочки, зато имелась верная Винки, и лучший друг чудесным образом оказался на свободе.

И, главное, вернулся Милорд!

«Это он и Басти, и меня освободил» — Барти, испугавшись, что отец передумает и вернется, схватил сумку с деньгами, засунул драгоценный пергамент, в котором наверняка был ключ к нахождению Милорда, в карман мантии и вышел на улицу.

«Я больше никогда не увижу эти мрачные болота!» — Винки, перенеси меня к поместью Лестрейнджей.

Через секунду он и преданная хозяину эльфийка стояли перед высокими коваными чугунными воротами, за которым находился красивый, но запущенный сад, настолько заросший, что за вершинами деревьев с трудом проглядывалась покрытая мхом черепица крыши находившегося в его глубине величественного особняка.

«Надеюсь, Рабастан мне не отменил доступ...» — Барти проколол палец шипом, выступавшим из ручки калитки, та распахнулась.

Волшебник с непередаваемыми чувствами в душе ступил на поросшую травой некогда идеально ровную выстланную мраморными плитами дорожку. Сейчас то тут, то там среди потрескавшихся камней цвели ромашки и колокольчики, сквозь ветви деревьев пробивались косые лучи солнца. Теплый даже жаркий день южного пригорода Лондона. Стрекотали кузнечики, пели птички, никаких болотных пустошей.

Мужчина стоял на месте и вдыхал полной грудью воздух свободы. Неожиданно перед ним появился еще один волшебник.

— Барти? — Рабастан Лейстрейндж неверяще смотрел на воскресшего школьного друга. — Ты же умер, — у мужчины дернулся кадык.

Накануне Люциус Малфой написал бывшему товарищу по закрытому клубу, чтобы тот ждал со дня на день гостя и ничему не удивлялся, но Рабастан ждал кого угодно, но только не того, кого давно оплакал и похоронил в своем сердце.

— Жив, как видишь, — у мужчины нервно дернулся уголок губ. — Меня отец держал под Империию, а освободил пять минут назад, дал денег немного, эльфа, новые документы и вышвырнул из дома.

— Барти, я видел, как выносили твое тело... — Лестрейндж все еще не верил, он подошел к стоявшему перед ним мужчине и погладил того по щеке, боясь, что тот — галлюцинация, которая может исчезнуть в любой момент.

— Это была моя мать под оборотным зельем, отец вывел меня из Азкабана во время ее последнего посещения. Он выполнил ее предсмертную просьбу... — Барти жадно вглядывался в глаза того, кого не мечтал уже увидеть, понимая его неверие.

— Что ты сделал, когда в запретном лесу мы увидели единорога? — тихо спросил Рабастан, подойдя к воскресшему другу близко-близко.

— Я самопроизвольно аппарировал от него на дерево, так как он меня атаковал. Ведь они подпускают к себе только девственников, а я им уже пять минут как не был, — выдохнул Барти Лестрейнджу в губы. — Ты был шафером на свадьбе своей невесты Андромеды, которой помог сбежать с Тонксом, — озвучил мужчина тайну, которую Басти доверил лишь ему одному. — И отсыпал ей в приданое половину содержимого своего

детского сейфа, а отцу сказал, что в карты продул, — успел прошептать он до того, как Рабастан прижал его к себе так сильно, что, казалось, кости треснут, и вовлек в головокружительный поцелуй.

В себя пришли оба где-то часа через пол в разворошенной постели.

— Ты мне, похоже, ребро сломал, — сообщил Барти любовнику подозрительно довольным для такого печального события голосом и положил голову ему на плечо.

— Прости, давай залечу, — Рабастан потянулся за волшебной палочкой, которая нашлась среди вороха в спешке скинутой одежды, сделал ей пару пассов и с тела Крауча исчезли все царапины и отметины, которые ему в пылу страсти оставил любимый.

— Так почему тебя отец отпустил? — спросил Лестрейндж уже серьезным голосом.

— Вот поэтому, — Барти свесился с кровати, подобрал с пола мантию и вытащил из конверта обгорелый кусок пергамента.

— Приглашение на торжество?

— Раньше это было текстом магической клятвы с зашифрованным посланием. Мне советовали на этот раз искать с умом, — вздох мужчины был слишком тяжким. Они оба заплатили высокую цену за свою импульсивность.

— Он вернулся, — Лестрейндж посмотрел на так и не исчезнувшую полностью с руки темную метку. Помолчал немного. — Беллатрикс была дурой, — констатировал он. — Я ведь не знал, что хранилось в ее сейфе, пока Фадж не рассказал, и Руди не знал, знала лишь она и Милорд. Фадж сначала обещал помилование для нас всех, троих, лишь бы Белла дала доступ к своему сейфу, но она отказалась.

— Что там лежало? — Барти читал газеты и ту чушь, что была там напечатана, якобы Басти находился под закланием Империи, спавшего после смерти Беллатрикс, но истинной подоплеки дела не знал.

— Милорд подарил Белле чашу Хельги Хаффлпафф, ни больше, ни меньше.

— Хороший подарок, — Барти аж присвистнул.

— Сестрица ее зажилила и спрятала в Гринготтсе, нам ничего не сказала. Фадж про это откуда-то узнал, — мужчина приподнял бровь, де, понятно, откуда, — и просил отдать реликвию основателей для святого Мунго в обмен на нашу амнистию, но Белла и Руди не захотели это делать. А я согласился. Зачем мне чаша? Свобода бесценна...

— Бесценна, — подтвердил Барти и потянулся за поцелуем...

— Так что, ты говоришь, Милорд посоветовал пользоваться умом? — когда они ужинали, Рабастан задумчиво рассматривал обгоревший пергамент. — Написано притко пишущим пером, но почерк индивидуальный. Такие делаются по личному заказу, — констатировал он.

— И продаются лишь в одном месте, — продолжил его мысль Барти. Затем вспомнил, что дал клятву не допрашивать никого при помощи пыток. — Можно прийти в лавку под оборотным, сказать, что ревнивая жена бросила приглашение на праздник в камин и теперь, чтобы извиниться за отсутствие, я хочу подарить самое дорогое самопишущее перо отправителю.

— Но не факт, что тебе назовут его имя, хотя... — Басти подумал, что легилименцию еще никто не отменял. Задача оказалась простой, буквально в два действия.

— У меня волшебной палочки нет, — пожаловался Крауч.

— Найдем! — пообещал ему оптимистически настроенный Лестрейндж. Барти воскрес, жизнь была прекрасна и удивительна и все, благодаря Милорду.

— Люциус точно знает, где Милорд, — констатировал Рабастан. — Он написал мне письмо, предупредил, чтобы я ждал гостя и ничему не удивлялся.

— Наверняка это он сделал мне новые документы.

— Можно будет навестить его, только не сейчас. Нанесем ему визит во время финала чемпионата мира по квидичу. Он его не пропустит.

— Хорошая идея, — ответил Барти, посмотрел на любовника многозначительно, развернувшись к нему и положив ладонь на его бедро выше колена. — Но есть идея получше... — когда-то давным-давно он считал свою связь с другом чем-то само собой разумеющимся, приятным и ни к чему не обязывающим. Лишь в разлуке Бартемиус понял, что это было нечто большее, и теперь ценил каждое мгновение, проведенное наедине с вновь обретенным любимым человеком.

Глава 36

После окончания финального матча чемпионата по квидичу, Люциус Малфой отпустил Драко праздновать победу болгар (в этой реальности ирландцы им проиграли всего двадцать очков) к Блэкам, а сам наслаждался тишиной и покоем, надеясь выпить коньяка и почитать книжку. Но, какое там. Охранный периметр вокруг палатки Малфоя оказался нарушен, причем, у одного из пришедших был доступ, а у другого — нет.

— Люциус, добрый вечер. Мы не помешаем? — Рабастан Лестрейндж откинул полог и в сопровождении похожего на итальянца мужчины вошел в комнату, которой было самое место во дворце, а не среди палаточного городка.

— Позволь тебе представить Джонатана Страуда, он прилетел из Соединенных Штатов Америки, — мужчина посмотрел на Люциуса взглядом «я знаю, что ты знаешь, что я знаю».

— Рад знакомству, — Малфой с преувеличенным энтузиазмом пожал «Джонатану» руку.

— Где он, Люциус? — спросил «мистер Страуд» без всякого логического перехода.

— Барти, ты меня с Лонгботтомами не перепутал? — хозяин апартаментов тоже не стал ходить вокруг да около.

— О, прости, — тот закивал головой. — Я имел в виду, где он сейчас? — Бартемиус был похож на наркомана в ломке, который замер при виде дозы, которую ему могли ввести в любой момент.

— Обещаешь вести себя хорошо, Барти?

— Я отвечаю, — поручился Лестрейндж за любовника.

— Значит, слухи не врал и вы, все-таки, вдвоем... — констатировал Люциус и в очередной раз поразился осведомленности Милорда. Ведь именно он выбрал для Крауча-младшего пристанище.

Если честно, в данном случае Гарри просто попал пальцем в небо, подбирая члена закрытого клуба любителей татуировок в виде змей, который проживал бы обособленно и имел средства для того, чтобы без особых потерь для себя кого-то содержать. Но со стороны все выглядело иначе.

Рабастан ничего не ответил. Зачем подтверждать очевидное? Он просто обнял Барти за талию.

«Ох уж эти греческие страсти!» — Люциус в притворном смущении возвел глаза к своду палатки.

— Пойдем, я вас провожу. Покажу, как мой сын празднует с друзьями победу любимой команды, — возле стоянки Блэков компания застала развеселую сцену.

Сириус ползал вокруг палатки на четвереньках, сверху на нем гордо восседал один из тройняшек, двое других сыновей с воплями: «И меня! Я тоже хочу» — летели следом на детских метлах, удерживаемые смеявшейся матерью и возмущавшимся Кричером:

«Молодым господам давно пора спать!» Над этой уморительной картиной весело хохотала группа подростков: три крепко сбитых высоких парня и красивая девушка с длинными каштановыми кудрявыми волосами (Лестрейнджа чуть не передернуло, ему на мгновение почудилась юная Белла). Стоявший в сторонке Драко от смеха уже согнулся пополам. Он был готов упасть на землю и кататься по ней, держась за живот руками, но его удерживали от этого деяния двое друзей — долговязый рыжий юный волшебник на вид лет пятнадцати и тот, ради кого Рабастан и Бартемиус сюда, собственно говоря, и пришли.

«Он смеется?» — ни Лестрейндж, ни Крауч-младший никогда до этого не видели веселящегося Темного лорда. «Это точно — он?»

В магазине волшебных перьев, куда они направились, согласно плану, считать мысли продавца оказалось довольно легко.

Каково же было изумление Барти и Рабастана, когда они узнали, кому принадлежало перо, которым был написан текст на пергаменте!

«Милорд в результате какого-то ритуала вселился в тело младенца и перевозносится, как победитель самого себя?» — друзья-любовники решили, что их лидер стал жертвой своего собственного научного эксперимента. Такие события в мире волшебства случались сплошь и рядом.

Но, одно дело понять, а другое — увидеть Милорда в образе радующегося жизни четырнадцатилетнего подростка. Оба мужчины находились в некоторой растерянности. — Налюбовались? Хотите присоединиться к веселью? Блэковским исчадиям ада как раз не хватает двух лошадок, — глядя на их изумленные лица, начал глумиться над приятелями Малфой.

— Думаю, нам лучше удалиться, а то здесь станет по-настоящему жарко, — Барти заметил приближавшихся к палатке Алису и Френка Лонгботтом, которые пришли к Сириусу в гости, и набросил на себя и компанию чары отвлечения внимания.

Увидев вновь прибывших, три высоких парня, которые до этого стояли рядом с кудрявой девушкой, напротив, попрощались с гостеприимным хозяином, который к тому моменту встал на ноги и взял на руки разыгравшегося сына.

Фрэнк, хотел было, сказать что-то одному из уходивших подростков, но Сириус удержал мужчину и похлопал по плечу, давая понять: «Не спеши, все образуется».

— Кребб, Гойл, отпрыск Лонгботтомов, — Люциус объяснил приятелям, кто есть кто в уходившей компании. Судя по всему, у последнего были натянутые отношения с отцом.

— А девицу как зовут? — осведомился Лестрейндж.

— Гермiona Грейнджер, отличница, очень талантливая, сильная и умная магглорожденная волшебница, — произнес Малфой менторским тоном, с легкой усмешкой в голосе, словно кого-то цитировал.

— Понятно, — протянул Рабастан.

«Быстро он нашел Белле замену» — волшебник решил, что Милорда привлекают женщины определенного типа. «А наша дурочка полагала, что она особенная» — ухмылка вышла горькой.

— Ты не о том думаешь, — словно прочитал его мысли Люциус, — пойдём к Креббу с Гойлом, посидим, как в старые добрые времена.

— Хорошая мысль, — Бартемиус, хлебнув из фляжки обратное зелье, направился за Малфоем следом.

— Чуть до инфаркта не довел! Хоть предупредил бы, — три часа спустя Гойл выпил огневиски залпом, глядя на истинное лицо «американца». — Рад видеть тебя живым, Барти, — он сжал мужчину в медвежьих объятиях. После этого Крауча душил в объятиях Кребб.

— Вы это, полегче, — обратился к нему Лестрейндж.

— Ты спрашивал про Гермionу Грейнджер? — тут же вернулся к прерванной теме обсуждения несколько флегматичный отец Винсента. — Хорошая, умная магглорожденная волшебница. Наших орлов в кулаке держит.

— Угу. У моего все отметки — выше ожидаемого, — подтвердил Гойл, явно гордясь своим отпрыском.

— Может, и жениться сыну на ней разрешишь? — спросил Барти с нескрываемым сарказмом.

— Боюсь, там другие желающие найдутся, — спокойно ответил отец Грегори.

«Хорошая, магглорожденная, держит в кулаке...» — эти три определения, употребленные в одном предложении по отношению к одному и тому же волшебнику, не очень вязались с теми образами Кребба или Гойла, которые Крауч-младший помнил, но те всегда, чтобы не происходило, оставались верными последователями Милорда. Не зная истинной подоплеки отношения отцов семейств к Гермионе Грейнджер, Рабастан заподозрил влияние Волдеморта, а реплика про других желающих поставила точку в подозрениях мужчины о том, является ли Гарри Поттер воплощением Темного Лорда.

За Беллу стало по-настоящему обидно. Пусть она не любила Руди, но она была искренней, честной, неистойвой в своей любви к Милорду, а тот так быстро нашел ей замену.

«Вот если бы Басти действительно умер, и я когда-нибудь встретил бы магглорожденного волшебника, похожего на него, как бы я к нему относился?»

Мужчине хотелось подумать, что он пользовался бы им и вытирал о замену ноги, но в глубине души чувствовал, что это не так, и относился бы он к этому неведомому похожему на Басти человеку очень хорошо.

«Возможно, Милорд смотрит на эту девчонку и вспоминает Беллу?» — это было единственным объяснением, почему ненавистник магглов Волдеморт приблизил к себе грязнокровку.

Лестрейндж успокоился, а вот Барти — не совсем.

— Ты жеходишь в попечительский совет Хогвартса? — спросил он у своего любовника, когда они портключом вернулись домой.

— Да, пришлось, — подтвердил тот. — Надо было восстанавливать доброе имя.

— В этом году будет проходить в Хогвартсе Турнир трех волшебников. Я это от отца слышал, — поведал Барти любимому. — Ты мог бы, как член Попечительского совета, наблюдать за приготовлениями к нему.

— Допустим. Но я не хочу появляться в школе, — признался Рабастан. — При виде такой толпы детей, мне хочется сразиться с Аластаром Грюмом. Это лучше, чем видеть маленьких засранцев.

— Тебе и не надо будет появляться там. Там буду я под твоей личиной, — сообщил Барти любимому. — Я должен убедиться, что мой подарок сова вручит именно Гарри Поттеру, ведь он мог заказать его для кого-то еще.

«И, вообще, понаблюдать за ним хочу» — Крауч-младший до конца не был уверен, что правильно отгадал загадку, поставленную перед ним Милордом, и захотел последить за тем, кто, по идее, был его любимым учителем. Чтобы окончательно для себя прояснить — он это, или надо искать дальше.

Глава 37

«Кем был Волдеморт для своих сторонников?» — сидя за слизеринским столом на следующий день после приезда в Хогвартс, Гарри меланхолично размазывал по тосту сливовый джем.

«Наверно, местные аристократы, это — что-то наподобие интеллигенции Российской Империи, представители которой маялись от скуки, рассуждая о лучшей жизни, периодически подаваясь в бомбисты, и устраивая убийства тех, кого обвиняли в бедах русского народа. Вот народ бы удивился...

Темный Лорд был для них кем-то вроде массовика затейника, который куда-то направлял их застоявшуюся энергию» — Гарри был не уверен в том, что Волдеморт действительно ненавидел грязнокровок.

«Погоду» на факультете во времена школьных лет Тома Риддла задавали помешанные на чистоте крови Блэки, взять, к примеру, ту же Вальпургу. Талантливый сирота, попавший на Слизерин, сначала мог не хотеть казаться белой вороной, а потом маска приросла и он пропитался идеями чистокровных, как бисквитный торт ликером. Поттер подозревал, что попади Том Риддл на Гриффиндор, то стал бы начальником Аврората, а на Рейвенкло — известным ученым. Бедный сирота был вынужден мимикрировать, в противном случае на Слизерине ему устроили бы травлю.

Чем больше Гарри изучал интеллектуальное наследие Тома Риддла, которое попало ему в руки благодаря дневнику Регулуса Блэка, тем больше подростку хотелось пообщаться с хоркусом-тетрадью, которая сейчас мирно лежала в сейфовой ячейке в Гринготтсе. Поттер даже придумал более-менее безопасный способ это сделать.

На момент создания дневника Том Риддл еще не успел стать закоренелым преступником. Было очевидно, что смерть плаксы Миртл была случайной, а не запланированной. Хагрида Том подставил, так как боялся, что закроют школу. Но специалисты могли бы разобраться, что девочка умерла вовсе не от яда гигантского паука!

«Возможно, если Тома поставить в такие рамки, в которых он будет вынужден меня слушаться, из него получится великий ученый?» — Гарри, а, вернее, Александре Владимировне, очень хотелось пообщаться с талантливым подростком и о многом его расспросить. Ведь о чем мечтал Том в школе? Чтобы его признавали особенным, самым лучшим. Чтобы его любили. Ведь и в Беллатрикс, и в Регулусе он разглядел именно преданность, восхищение и любовь к себе и ответил на них взаимностью. В конце концов, шестнадцатилетний Том Риддл был всего лишь эмоционально выхолощенным, не знавшим любви и ласки сиротой, злодеем он еще не стал. Тот мальчик, что был заключен в дневнике, еще не убивал своих отца, бабушку и деда, и дядю не подставлял.

Размышляя подобным образом, Гарри периодически бросал взгляды на преподавательский стол, за которым вместо Бартемиуса Крауча-старшего, как представителя Хогвартса на турнире Трех Волшебников, сидел Бартемиус Крауч-младший под личиной Рабастана Лестрейнджа. Тот стал членом попечительского совета, сделав для школы крупное пожертвование.

Гарри еще во время церемонии распределения заметил, как «Рабастан Лестрейндж» под неодобрительные взгляды МакГонаггал периодически прикладывался к фляжке, которую доставал из кармана. А Карта Мародеров окончательно разрешила сомнения слизеринца.

«Хорошо, что Рону или Драко она не понадобилась, не говоря уже про Невилла. Не хватало еще, чтобы Барти швырнул мое имя в Кубок Огня. На этот раз — чтобы я прославился» — Гарри собирался выловить Крауча-младшего в коридоре после завтрака

и приказать ему, сбросив «инкогнито», возвращаться домой.

Но это делать не понадобилось. На стол рядом с Гарри спикировала почтовая сова, которая принесла в лапах посылку. Развернув подарочную упаковку, мальчик обнаружил под ней футляр, выполненный из черного дерева, в котором лежало вырезанное из такого же материала инкрустированное золотом самопишущее перо — точная копия того (Гарри про это знал из откровений Регулуса Блэка, этому событию был посвящен целый абзац завистливого нытья) какое Темный Лорд некогда подарил Бартемиусу Краучу на День Рождения.

«Значит, Барти перестраховывался, Фома-неверующий» — Гарри не стал смотреть на «Рабастана Лестрейнджа», который жадно вглядывался в его лицо.

— Вот у тебя поклонники, — вздохнул Рон, — мне бы такое кто-нибудь подарил, — мальчишка явно завидовал.

— Для этого тебе необходимо отбить Аваду Кедавру своим чугунным лбом, — констатировал Драко Малфой.

После чего друзья продолжили завтракать, а Барти — мучиться сомнениями.

«Он? Не он?!» — по окончанию трапезы мужчина слонялся из стороны в сторону вдоль берега Черного Озера, не находя себе места от волнения.

— Жду тебя после обеда на восьмом этаже возле картины с танцующими троллями. Мне приятно, что ты помнишь мои подарки, — прожужжал материализовавшийся возле мужчины в виде гигантской пчелы патронус и рассыпался искрами.

Сидевшие возле окна на уроке по трансфигурации студенты могли наблюдать довольно потешное зрелище — взрослый волшебник, член попечительского совета, подпрыгнул на месте, захопал в ладоши, закружился вокруг своей оси, станцевал джигу, после чего, подскакивая на одной ноге, словно мальчишка, побежал к замку.

«Наверно, ему к мадам Помффри следует обратиться. Кто-то его в шутку заколдовал. Возможно, близнецы Уизли» — считавший ворон Грегори в несолидно ведшем себя мужчине узнал отцовского друга, Рабастана Лестрейнджа. — Или это последствия воздействия на психику дементоров в Азкабанае? — от дальнейших посторонних размышлений его отвлекла Гермiona Грейнджер.

Гарри Поттер на трансфигурацию в этот день не пришел, он ее прогулял. Ему надо было придумать, как сделать так, чтобы Барти его не разоблачил.

«Необходимо срочно дать ему какое-нибудь очень сложное задание» — Малфой, к примеру, в маггловской финансовой системе чувствовал себя уже как рыба в воде, Кребб и Гойл работали над магическим управлением маггловским вооружением и защитой от него (над ядерным оружием Гарри им экспериментировать запретил, остальное было возможно).

«Барти следует заняться генетикой и, особенно, вопросами клонирования и суррогатного материнства так, чтобы ребенок имел родителями сразу двух отцов, а генетического материала матери в нем не было» — Поттер полагал, что это область науки создана явно не для средних умов и станет для Крауча-младшего интересным вызовом.

«Да, пусть он докажет мне, что умнее магглов» — Гарри ехидно захихикал (вернее не он, а Александра Владимировна) и начал собираться на встречу с «учеником».

Глава 38

— Ты меня очень расстроил, Бартемиус, — когда Крауч-младший под личиной Рабастана Лестрейнджа вошел вслед за Гарри в Выручай-комнату (та из себя сейчас представляла малую переговорную Александры Владимировны) «Милорд» мужчине не дал даже рта раскрыть.

«Лучшая защита — это нападение» — Гарри понимал, что перед ним стоит человек, который может его легко разоблачить.

С Люциусом было все просто — тот любил зарабатывать деньги и здесь юный Поттер чувствовал себя, словно рыба в воде. На пару с Малфоем в маггловском мире они заработали довольно много за последние три года. Для Люциуса авторитет Милорда стал неоспоримым.

Кребб и Гойл не на шутку увлеклись маггловским оружием и даже выиграли вместе с сыновьями какие-то полулегальные групповые соревнования по стрельбе из тяжелого вооружения в Техасе. Эти просто развлекались и, как говорится — Аллилуйя!

Барти же Гарри предложить было абсолютно нечего. Мальчик хорошо учился, но великолепно ему давались лишь боевые заклинания и трансфигурация. Если бы не помощь Сириуса и постоянные изнурительные тренировки он не смог бы демонстрировать такие же результаты, как Малфой и та же Грейнджер. Драко всему учил отец с раннего детства, а у Гермионы была великолепная память и несомненный талант к магии.

Поттеру достался интеллект Александры Владимировны, ай кью у нее в свое время было сто сорок пять, но Гарри было так же далеко до Тома Риддла, как женщине в свое время — до Билла Гейтса.

Свои способности в теоретической науке по сравнению с Милордом и тем же Барти Краучем мальчик оценивал, как весьма посредственные. Гарри даже подумывал привлечь к разучиванию заклинаний, записанных в конспектах Регулуса Блэка, близнецов Уизли. Вот у кого голова работала как надо!

Поэтому при общении с Бартемиусом Краучем-младшим необходимо было сразу перехватить инициативу.

— Садись, Бартемиус, — Гарри указал мужчине на массивное обитое зеленым бархатом кресло.

Крауч-младший ему в ноги не кинулся и мальчик решил, что между ним и Милордом это было не принято.

— Как ты думаешь? — он сам присел рядом с Барти, но потом встал на ноги и стал ходить из угла в угол. Но когда Крауч-младший попытался подняться из кресла вслед за Милордом, подошел к мужчине и положив ладони ему на плечи (жест, которому Регулус Блэк ужасно завидовал лет в тринадцать) надавил на них, заставив усесться на место.

— Как ты думаешь, — повторил «Милорд», — что я почувствовал, когда узнал, что мой самый талантливый последователь попал в Азкабан, а потом провел в родном доме в заключении целых десять лет? — нет, Гарри не ругал Барти, он искренне сожалел.

— Бартемиус! — продолжил свою речь «Милорд». — Скажи, мне, пожалуйста, ты помнишь хотя бы один случай, когда я заставлял своих последователей бездумно рисковать своей жизнью?

Барти сидел, сутулясь и втянув голову в плечи. Вероятно, раньше Волдеморт его никогда так не распекал.

— Но, нет! То Керроу с Долоховым решают, что маска на лице им уже не нужна и свидетелей оставляют, то ты с Беллой и Лестрейнджами пытаете авроров в центре Лондона, не накладывая заглушающих заклинаний!

Каково было мне, попавшему в результате несчастного случая в тело маленького ребенка, ничего о себе не помнящему до десяти лет, жить с этими жуткими магглами, родственниками Эванс?! Никто за мной не пришел, никто мне не помог! Потому что было некому. Где был твой интеллект, Бартемиус? Неужели, разыскивая меня, нельзя было действовать тоньше? Ты же ученый, а не дознаватель из Аврората! — тут Гарри ударил в самую больную точку. Ведь именно отец Барти разрешил на допросах использовать непростительные заклинания.

— Я пойду и убью этих магглов, у которых Вы жили, Милорд, — произошло то, чего мальчик не ожидал. Крауч-младший банально расплакался.

«Мерлин Великий, кажется, я перегнул палку».

— Барти, — Гарри подошел к мужчине со спины и обнял его по-отечески за плечи. — В том, что произошло большая часть моей вины. Я не виню тебя, я действительно расстроен, — в этот момент действие оборотного действия закончилось, и Крауч-младший превратился в самого себя.

— Барти, — произнес мальчик проникновенным голосом. — Я хочу, чтобы ты вернулся домой и прислал сюда Рабастана вместо себя. У Дамблдора есть артефакт, который показывает, кто есть кто на самом деле. Поэтому тебе следует покинуть Хогвартс прямо сейчас. Не бойся, ты еще не разоблачен, — успокоил он вскинувшегося мужчину.

— По поводу магглов ты не прав. Теперь их не надо убивать, их надо изучать, за последние десять лет они сильно поумнели, — после чего, возможно, забегаая несколько вперед, прочитал Барти длинную лекцию о сотовой и спутниковой связи, интернете, социальных сетях, генно-модифицированных продуктах, клонировании животных и выращивании органов магглами, о суррогатном материнстве и расшифровке генома человека.

Узнав о последних двух достижениях человечества, Барти заметно оживился.

— Значит ли это, что можно расшифровать структуру ДНК волшебников и понять, чем те отличаются от магглов?

— Возможно, это уже область изучения биофизики, — задумчиво произнес Милорд, давая Краучу-младшему пищу для размышления.

— Барти, — Гарри дотронулся до лба мужчины. — Я хочу, чтобы ты свою умную голову использовал по назначению. Никаких безумств, никаких расправ с магглами.

Микроскопами гвозди не забивают.

На вопрос Крауча-младшего о том, что такое микроскоп, Гарри ответил, что это такое устройство, которое может увеличивать изображение рассматриваемого предмета даже в миллион раз.

В результате, итогом их продолжительной беседы стало клятвенное обещание Бартемиуса ни в какие истории с географиями больше не ввязываться и подготовиться к следующему августу к поступлению в Лондонский Королевский Колледж.

«Если какие-то магглы это понимают, то для меня, тем более, нет ничего сложного!» — Барти ожидал курс математического анализа, химии и биологии за среднюю и старшую школу, которые он решил освоить за год.

От Волдеморта Крауч-Младший вернулся к Рабастану Лестрейнджу весьма воодушевленным и порадовал «приятной новостью»: «Я приступаю к учебе, Милорд хочет видеть в Хогвартсе тебя!»

«Надо, значит, надо» — Басти обреченно вздохнул и направился к «исчадиям ада» выполнять свои обязанности попечителя. Раз уж Милорд приказал, отвертеться не было никакой возможности.

Глава 39

— И чтобы ни один ученик моложе семнадцати лет к этому кубку не подошел. Возлагаю на тебя за это персональную ответственность, — закончил инструктировать Рабастана Лестрейнджа Гарри в Выручай-комнате. Сейчас она представляла собой огромный склад спрятанных и забытых в ней вещей.

— У меня для тебя есть еще одно задание, Рабастан, — произнес «Милорд» таким тоном, что во взгляде мужчины тут же появилось предвкушение. Затевалось явно что-то очень интересное.

— Видишь этот шкаф? Это — большой и удобный портал, но он сломан. Его надо починить, в помощь я тебе выделю Фрэда и Джорджа Уизли.

— Умные ребята, — согласился мужчина, уже имея удовольствие наблюдать за действием некоторых изобретений близнецов, которые тайком продавали различные «вредилки» в школе. Мечта открыть свой бизнес была у них и в этой реальности, и талантом Мерлин не обделил тоже.

— А где выход? — поинтересовался Лестрейндж.

— В моей комнате в Лондоне стоит точно такой же шкаф, настройки доступа в него Сириус уже отрегулировал, ты туда включен.

— Блэк в курсе? — удивился Рабастан.

— Крестный был в полном восторге. Он, когда здесь учился, нашел несколько потайных ходов из Хогвартса, но этот самый крутой, — произнес мальчик, глядя в округлившиеся от изумления глаза мужчины.

— Меня зовут Гарри Поттер, у меня есть крестный отец Сириус Блэк, я учусь на четвертом курсе, а еще я личный предвыборный талисман Корнелиуса Фаджа, приятно познакомиться, — Гарри весело рассмеялся.

Рабастан выдохнул с облегчением, поняв, что Милорд шутит.

На самом деле с покупкой шкафа все получилось очень просто. На летних каникулах между третьим и четвертым курсами Гарри пошел прогуляться с друзьями, Роном и Драко, по Косому переулку. Когда они дошли до банка Гринготтс, возле которого было пересечение с Лютным переулком, Малфой со вздохом сказал, что в лавке «Горбин и Беркс» продается Рука Славы, но отец, конечно же, никогда ему её в подарок не купит. Гарри вспомнил, что этот артефакт является крайне полезной вещью, которая позволяет передвигаться незамеченными в темноте, и пообещал подарить ее другу на день рождения.

По этой причине в магазин троица пришла в крайне приподнятом настроении. Стоявший за прилавком владелец посмотрел на вошедших подростков настороженно, но когда те заявили цель прихода — расплылся в жутковатой улыбке.

— Выглядит эта рука отвратительно, — скривился Рон.

— А ты чего хотел? Это — кисть повешенного после того, как его сожгли, колдуна, — объявил Драко с торжественным видом.

— Подумай лучше о том, что в коридорах на нас не будут ругаться разбуженные портреты.

— Да, вообще-то, хорошая идея, — возможность не встречать во время прогулок по ночному Хогвартсу Филча, даже будучи скрытым мантией-невидимкой, не стоять в темноте по полчаса и не слышать его шарканье ногами, заставила Уизли смириться с неприглядным видом артефакта.

Исчезательный Шкаф, в нагрузку к Руке Славы, Гарри купил по дешевке за десять галеонов, и то, мистер Горбин считал, что облапошил мальчишку, так как никому не было

известно, где находится парный артефакт, а без него это был самый обыкновенный старый шкаф.

Поттер оформил доставку на дом, поставил исчезательный шкаф в своей комнате и рассказал Сириусу о том, что именно и где он приобрел, будучи готовым отстаивать свое право на владение артефактом.

Но ничего подобного делать не пришлось. Сириус выслушал крестника и восхитился тем, что тот настоящий «мародер» (истинное значение этого слова мужчине было объяснять бесполезно), объяснил Гарри, как работают такого рода порталы, и предложил свою помощь в починке. Но, все же, мистер Блэк повзрослел. Он научил Гарри накладывать на шкаф чары избирательного допуска, для активации которых требовалось дать клятву, что пришедший не намерен причинить зло самому дому, его жильцам и гостям. Теперь дело оставалось за малым — починить второй шкаф, находившийся в Выручай-Комнате, чем Гарри озадачил Рабастана Лестрейнджа, а, затем, и близнецов Уизли, для того, чтобы направить их безудержную страсть к экспериментам в позитивное и полезное русло.

«Драко справился на шестом курсе, значит, у Рабастана, Фрэда и Джорджа тоже получится» — необходимость сотрудничества с последними «Милорд» доходчиво объяснил Лестрейнджу, сказав, что необходимо перетащить на свою сторону эту пока еще нейтральную семью. А близнецы ничему не удивлялись, они вообще были за любую «движуху», кроме голодовки.

Гермиона, Невилл, Кребб и Гойл были заняты разведением чего-то очень опасного и полезного в теплицах, Рон, чтобы не опозориться на Рождественском балу, упорно учился танцевать, так что до Нового Года аниматоры никому были не нужны и Гарри мог вздохнуть спокойно.

— Гарри, смотри! Пегасы летят! — вся школа высыпала во двор, встречать учеников из Думстранга и Шармбатона. Драко показал другу на летевшие по небу кареты, запряженными крылатыми лошадьми.

«Красивые, но прожорливые» — к этим волшебным животным у Поттера было особое отношение.

После окончания первого курса он с крестным навестил поместье своих бабки и деда. Оно вовсе не пришло в запустение, так как на его территории проживали две разросшиеся семьи эльфов, которые развели самое настоящее натуральное хозяйство. А еще в Поттер-холле пасся табун пегасов, которые в пределах поместья летали, где хотели, и пытались пожирать любые культурные насаждения, если те не росли в защищенных теплицах. Еще между семьями эльфов постоянно шли распри. Одни считали, что в Поттер-холле должен быть разбит настоящий английский парк, а другие настаивали на том, что огород важнее. В результате чего клумбы представляли собой фигурно высаженные кочаны капусты разных сортов и комбинации других плодово-ягодных растений. Красивые гроты превратили в сараи для садовых инструментов, а фонтанчики для питья и родники приспособили для полива грядок. Между ними пробивались ухоженные розы и английские высокие лабиринты из ежевики и малины. Периодически вниз спускались пегасы, которые пытались съесть все это фантазмагорическое великолепие, домовики их с криками отгоняли.

Сириуса все увиденное очень повеселило, а Гарри (вернее — Александра Владимировна) постановила — огороду быть! Все оставшиеся газоны мальчик приказал засеять овсом и кукурузой и кормить их смесью пегасов.

Когда половина домовиков подняла страшный вой, мальчик, чувствуя себя рабовладельцем из книги «Хижина дяди Тома», подарил громче всех причитавших

эльфов кухне, Нарциссе Малфой, которая обожала английские парки и тут же нашла применение вновь обретенной рабочей силе.

Взамен Гарри попросил у Люциуса дать свободу домовому эльфу по имени Добби. Малфой удивился. Зачем Милорду понадобился этот неполноценный, бракованный эльф? Гарри объяснил верному последователю, что Добби вольется в Хогвартскую общину домовиков, но служить будет лишь ему, Милорду.

Так и получилось. Добби, как и у Роулинг, считал себя свободным эльфом, но, при этом, верой и правдой служил своему новому хозяину, Гарри Поттеру, находясь вместе с ним в Хогвартсе. Другие слизеринцы таких привилегий не имели, и вскоре у мальчика появился рычаг давления на старшекласников, так как с помощью Добби было легко достать косметику, противозачаточное зелье или бутылку огневиски, или, напротив, спрятать это у него. Хотя, Слагхорн на развлечения молодежи, если те были умеренными, смотрел сквозь пальцы.

«Молодость, молодость» — частенько приговаривал декан Слизерина, отпуская пойманных в коридорах Хогвартса после отбоя нарушителей, не назначая им отработок, и вспоминал о чем-то о своем.

— Гарри, как ты думаешь, девушки в Шармбатоне красивые? — оторвал Драко Гарри от размышления своим очередным вопросом, поправляя щегольскую мантию, подбитую мехом белька, сотканную домовыми эльфами Малфой-мэнора из нитей паутины акромантулов.

Взаимоотношения Драко Малфоя и Рубеуса Хагрида заслуживали отдельного рассказа. Поняв, насколько выгодно иметь хорошие отношения со школьным лесником, Драко всеми силами пытался заслужить его расположение. Чего он только не делал! Ходил с Гарри и Роном в гости к Хагриду, как на занятия, размачивал в чае зубдробительные кексы, вежливо себя вел и даже выдергивал сорняки из грядок с гигантскими тыквами! Все равно Хагрид относился к Малфою с подозрением. Дед мальчика Рубеуса дразнил в свое время, отец — обливал ледяным презрением, поэтому лесничий Драко не доверял. Тот уже решил бросить затею, как бесперспективную, но все изменил случай с драконьим яйцом.

Хагрид, как и в другой реальности, выиграл его у Квирелла, но носителя обрывка души Темного Лорда на следующий день арестовали, а Рубеус продолжил ухаживать за яйцом.

Как только Драко узнал, что в избушке лесничего должен был вылупиться настоящий дракон, он просиживал в ней все свободное время, помогая Хагриду поддерживать необходимый температурный режим. Затем, когда дракончик вылупился, Малфой восхищался им больше всех и даже после того, как выяснилось, что проживание дракона в хижине лесника невозможно, предлагал отправить «прекрасное создание» в Малфой-мэнор. В тот день, когда контрабандного дракончика забирал с Астрономической башни Чарли Уизли, Драко вместе с Хагридом сидели на пороге избушки в полной печали и тяжело вздыхали из-за потери.

— Твой дед был редкостным засранцем, а ты, Драко, парень хороший, — констатировал Хагрид, промакивая глаза огромным платком.

Малфой дедушку-засранца никак не прокомментировал, понимая, что лед тронулся и не стоит акцентировать внимание на негативе.

Так было положено начало его дружбе, вернее, сотрудничеству, с лесником. Может, для кого-то лес и был запретным, но только не для Драко. Что показательно, все свои трофеи мальчик присылал не отцу, а матери.

Каково же было удивление Люциуса Малфоя, когда одним прекрасным утром его

находящаяся на четвертом месяце беременности жена, потрясая настоящим сброшенным рогом единорога, зажатым в ее изящной ручке, спросила его: «Где были наши глаза? Почему никто до сих пор не оправдал этого прекрасного человека?»

Через несколько минут мужчине удалось выяснить, что «прекрасным человеком» был Хагрид, школьный лесник, который лично для его супруги передал через Драко то, из чего можно изготовить прекрасный крем для лица. Вообще-то, это было средство от токсикоза, но Нарцисса решила, что лучше немного пострадать, но быть красивой и молодой.

Потом у нее появилась шаль, пряжу для которой домашние эльфы (прялку стащили с какого-то из чердаков) изготовили из пуха, выпавшего из маленьких единорожков при линьке.

Когда Нарцисса разжилась гигантской паутиной акромантула, Люциус Малфой под аккомпанемент ее нескончаемых нотаций отправился в Министерство к Фаджу узнать, нельзя ли что-нибудь сделать для этого лесника, лишь бы жена от него отстала. Хагрида за давностью лет амнистировали, и тот получил письмо, в котором было написано, что он может вновь пользоваться волшебной палочкой и сдать С.О.В. и Ж.А.Б.А., если желает.

С.О.В. Рубеус сдал сразу, а Ж.А.Б.А. на следующий год. Стоит ли говорить, что Драко стал любимчиком занявшего место преподавателя УЗМС Хагрида и его лучшим учеником?

Никакие гиппогрифы Драко не клевали, он с ними почтительно раскланивался и летал на них верхом.

Но и Малфой оказывал на лесника определенное влияние. Внешность Хагрида претерпела некоторые изменения. Драко Малфою претило, что тот, с кем он общается, выглядит как бродяга. Мальчик пожаловался на это Гарри. Тот посоветовал рассказать Рубеусу о прекрасной директорше Шармбатона мадам Максим, которая тоже являлась полувеликаншей.

Малфой поделился информацией с Хагридом, тот обрадовался и решил выглядеть солидно. Поэтому, когда Рубеус подавал руку мадам Максим, чтобы та вышла из кареты, профессор УЗМС выглядел очень хорошо. Он был наряжен в парадный камзол, бриджи для верховой езды и начищенные до блеска сапоги по колено. Волосы Хагрида были аккуратно подстрижены, а роскошная борода и усы — ухожены. Он совсем не напоминал того страшного великана, которого Драко увидел возле лодок в первый день пребывания в школе.

Старания слизеринца принесли свои плоды. Мадам Максим окинула полувеликана заинтересованным взглядом и улыбнулась ему, тот покраснел от смущения.

— Смотрите, корабль из воды поднимается! — крикнул Рон, попрыгивая на месте от нетерпения. — Там Крамм, Виктор Крамм! — радовался парень появлению своего кумира. — В замок пойдем, — обратился Гарри к друзьям. Там, как мальчик знал, их ожидал пир и вынесение Кубка Огня.

Гарри надеялся, что на этот раз артефакт зачарован, как следует, и никаких дополнительных имен при выборе чемпионов не выкинет.

Глава 40

— Чемпионом от школы Шармбатон становится, — из Кубка Огня, вид которого напоминал Гарри еще в прошлой жизни рекламу Газпрома, вылетел второй по счету пергамент, а Бартемиус Крауч-старший его поймал, — Флер Делакур!

Дафна Гринграсс с кислым видом наблюдала за тем, как Рон Уизли, глядя на французенку, капал слюной и был готов выпрыгнуть из штанов. У слизеринки на него появились далеко идущие планы.

Когда на первом курсе обучения в Хогвартсе Панси Паркинсон крикнула Гермионе, что разве что Рон Уизли на ней женится, так как тот в семье шестой, Дафна была еще недостаточно взрослой, чтобы понять истинный смысл слов своей подруги. Но запомнила их и теперь для девочки они приобрели совсем иное значение.

На летних каникулах мать собрала ее вместе с младшей сестрой Асторией в гостиной и рассказала дочерям, что они обе прокляты и рождение ребенка будет стоить им жизни. Что это проклятие всех женщин, рожденных в семье Гринграсс, поэтому их удел — или оставаться старыми девами, или выходить замуж за вдовцов, которые уже обзавелись наследниками. Приданого девочкам тоже не полагалось, так как это должно было защитить их от брачных аферистов, которые могли жениться на них с целью наживы, а затем — убить и присвоить деньги.

Для красивой и чистокровной Дафны эти откровения стали большим ударом, она поняла, что стоит на рынке невест куда меньше, чем та же магглорожденная, лишенная родовых проклятий Гермиона Грейнджер. Девочка проплакала всю ночь. Более невзрачная Астория всю ночь успокаивала сестру, говоря той, что, возможно, еще все образуется и им встретятся волшебники, которым наследники будут не нужны.

— Например, у них будет много братьев, — размечталась младшая Гринграсс.

И тут Дафра вспомнила слова Панси Паркинсон про шестого Уизли. Если смотреть объективно, тот был высоким, симпатичным парнем, который хорошо учился и лучше всех на факультете играл в шахматы. Происходил Рон из древней, благородной, чистокровной семьи, пусть небогатой.

Но ведь и Дафну никто деньгами не баловал. Имея двух сыновей семи и девяти лет отроду, чета Гринграсс на дочерей особо не тратилась. Вещи сестрам покупались по минимуму, приличные, добротные, но, не более того. Платья и мантии той же Джинни Уизли были не в пример наряднее.

Поэтому Дафна на полном серьезе решила соблазнить Рональда Уизли, стать его девушкой и тогда тот, по ее мнению, должен был на ней непременно жениться даже после ее откровений о невозможности иметь детей. Достоинством Рона, несомненно, была его порядочность, и именно она должна была помочь старшей из сестер Гринграсс устроиться в жизни.

И тут, как назло, эта французская четверть-вейла появилась. Дафна смотрела на нее с досадой.

Тем временем, выбор Кубка Огня не принес никаких сюрпризов. Чемпионом от Дурмстранга стал Виктор Крамм. Последним кубок выкинул имя Седрика Диггори и спустя какое-то время погас. Три выбранных чемпиона отправились на регистрацию и проверку своих волшебных палочек, а всем остальным еще раз объявили, что их ждет большой Рождественский бал, после чего приступили к торжественному пиру.

Дафна Гринграсс поняла, что это — ее шанс.

— Шнуруй туже! — говорила она сестре, ухватившись за спинку кровати, готовясь к выходу в факультетскую гостиную после ужина.

— Тебя же вырвет, голова закружится, — сокрушалась Астория, но за ляжки тянула.

— Ты уверена, что выглядишь прилично?

— Асти, нам с тобой скромность ни к чему, — Дафна подошла к зеркалу. Оттуда на нее смотрела незнакомка с тонкой талией и уже сформировавшейся грудью, которая была частично оголена из-за низкого декольте. Не Диана де Пуатье, конечно, но, как говорится, на грани фола. Длинные, густые, вьющиеся волосы пшеничного цвета, обычно заплетенные в косу, были распущены и доходили почти до колен. Картину завершала трансфигурированная из школьной, доходящая до пола обтягивающая юбка, расклешенная ниже линии бедер. Дафна Гринграсс обладала яркой, даже немного порочной красотой и собиралась воспользоваться ей по полной программе.

— Ты спустишься в гостиную вот так? Даже мантию сверху не накинешь? — растерянно спросила Астория, опасаясь, что ее сестра решила пуститься во все тяжкие.

— Да, именно так, — Дафна своим появлением сумела произвести впечатление. В гостиной стало абсолютно тихо, кто-то из старшеклассников даже присвистнул. Но Гринграсс не обратила на них никакого внимания, у ее потенциальных почитателей не было пяти старших братьев. Поэтому, ни на кого не глядя, она направилась напрямиком к игравшему с Драко Малфоем в шахматы Уизли.

— Рон, мне надо с тобой поговорить, наедине, — обратилась она к однокласснику. Тот оторвал взгляд от шахматной доски, взглянул на девочку и завис, уставившись на ее декольте.

— Дафна, присаживайся, пожалуйста, — Драко тут же встал, уступая слизеринке свое место, отодвигая для нее стул.

— Спасибо, Драко, — Гринграсс опустилась на его сидение весьма изящно.

— Рон, — не стала ходить Гринграсс вокруг да около, — как бы ты отнесся к тому, чтобы сходить вместе со мной на Рождественский бал?

— Я? На бал? С тобой? — от созерцания девичьих прелестей, которые Рон никогда не видел столь близко, кровь прилила у него отнюдь не к ушам, а в голосе образовались приятные легкость и пустота. — Прекрасно отнесусь. Просто великолепно, — Уизли уставился на низкий вырез декольте Дафны Гринграсс. — Я танцую не очень хорошо, — сказал он почему-то шепотом.

— Это ничего страшного, — улыбнулась девочка. — У нас будет много времени, чтобы потренироваться, — она поправила локон на плече. — Я на тебя рассчитываю, — она, сидя на стуле, наклонилась к Уизли поближе.

«Спасибо Мерлин, что на мне длинная мантия» — Рон по достоинству оценил преимущества одежды волшебников.

Драко Малфой, которого мать научила читать по губам, за друга порадовался, но понял, что самое время вмешаться, и отлевитировал к столику с шахматами удобное кресло, поставив то рядом с Роном.

— Дафна, если тебе удобно, то не могла бы ты пересесть сюда? Я хотел бы закончить партию в шахматы, — победить Рона у него не было никаких шансов, но он хотел девочку кое о чем попросить.

— Дафна, — обратился он через некоторое время к юной волшебнице, как ни странно, выигрывая, потому что все ходы Уизли стали подозрительно провальными. Если бы Гринграсс знала Малфоя лучше, то поняла бы, что Драко волнуется, так как сильно побледнел — Нам объявили, что можно приглашать с собой на бал кого-то с младших курсов. Не могла бы ты спросить у Астории, — Малфой сглотнул, — не захочет ли она сходить со мной на Рождественский бал?

— Почему она? Ты же можешь позвать кого угодно... — Дафна хотела защитить

младшую сестренку от возможных иллюзий и разочарований.

— Я не хочу идти с кем угодно, я хочу пойти на бал только с ней, — серьезно произнес Драко Малфой.

— Хорошо, я ей передам, — и тут девочка вспомнила, что у Малфоя есть три младших брата-погодки.

«Он старший сын, но их четверо. Может быть, нам с Асти повезет, и наша жизнь не сложится так уныло, как расписывала мать?» — это было слишком хорошо, чтобы стать правдой. Но почему бы немного не помечтать?

Глава 41

— Как ты думаешь, она согласится? — собираясь утром на завтрак, Драко спрашивал это у Рона и Гарри уже по пятидесятому разу.

— Я в этом уверен.

— Конечно, согласится, — по сотому разу успокаивали Малфоя Уизли с Поттером, но тому этого явно было недостаточно.

— А ты кого пригласишь, Гарри? — Рон решил перевести разговор на другую тему.

— Да, действительно, кого? — задумка удалась, Драко на какое-то время забыл про свои душевные метания.

— Миллисенту, — ответил Поттер.

— Милли? — удивился Малфой. — Она тебе нравится?

— Мне никто не нравится, в том-то и дело, — сознался Гарри. — А Булстроуд будет приятно, я надеюсь.

— Она теперь будет ходить и спотыкаться, так как от гордости задерет нос столь высоко, что не сможет смотреть под ноги, — ответил Драко.

Миллисента была невысокой, немного полноватой девочкой коренастого телосложения, впрочем, черты ее лица были довольно милыми.

— Тогда спустимся в гостиную, дождемся их и предложим, — Драко явно требовалась моральная поддержка. А мальчики на завтрак всегда собирались быстрее девочек.

Приготовившись к двадцатиминутному ожиданию, Рон, Драко и Гарри застали внизу довольно безобразную сцену.

Панси пыталась вцепиться в волосы Астории, ее старались оттащить от нее Дафна и Миллисента. Но Паркинсон вырывалась и вела себя, как одержимая. Теодор с Блейзом и остальные пока хранили нейтралитет, не вмешиваясь в девичьи разборки, но были готовы прийти на помощь в любой момент, если бы буйная Панси не угомонилась.

Но та не унималась.

— Ты гнилое яблоко, Гринграсс! — заметив Драко, выговаривала Панси Астории, глядя на ту с ненавистью, прекратив вырываться и тяжело дыша. — Все равно, таким, как ты, с ним ничего не светит! Бегала бы за Уизли, как сестра, может, тебе что-то и обломилось бы!

— Панси, извинись сейчас же, — голосом Драко можно было лед замораживать.

— Она тебе ничего не рассказала? — язвительно спросила Паркинсон у Малфоя, обличительно указывая на Асторию пальцем.

— Панси, замолчи, — вмешалась Дафна. «Она что-то знает про наше проклятье?» — девочка сжала в руке волшебную палочку.

— А почему я должна молчать? Мой отец встречался с ее теткой... — договорить она не успела.

— Силенцио! — помощь пришла, откуда не ждали. Обычно спокойный и невозмутимый сын пожирателя смерти Теодор Нотт наложил на скандалистку заклинание немоты.

— Никогда больше не садись со мной рядом, Паркинсон, — заявил он, резко развернулся и вышел из гостиной в коридор.

— Панси, на тебе никто никогда не женится, — констатировал Блейз Забини. — Мало того, что ты злая, это как-то можно было бы пережить. Но ты, в добавок ко всему, еще глупая и некрасивая. Фините Инкантием! — припечатал итальянец и побежал вслед за другом.

— Чего это они? — Паркинсон растеряно посмотрела вокруг себя.

— Разве тебе не известна девичья фамилия его матери? — поинтересовался в ответ

Драко. — Я тебе никогда не давал поводов для ревности, Паркинсон. Я тебе никогда ничего не обещал. Даже если ты останешься последней ведьмой на земле, между нами ничего и никогда не будет.

— Астория, ты пойдешь со мной на Рождественский бал? — спросил Малфой громко на всю гостиную.

— Да, Драко, с огромным удовольствием, — расплылась та в улыбке.

— Твоему отцу это не понравится, — ядовито заметила Паркинсон и, прямо держа спину, вышла из гостиной в школьный коридор, громко хлопнув дверью.

— По-моему, она сумасшедшая, — пожал плечами Рон, глядя на происходившее круглыми глазами.

— Она просто дура, Рони, — подплыла Дафна Гринграсс к своему избраннику, взяв того под руку. — Ты проводишь меня на завтрак? А то я боюсь, на нас с Асти снова накинется эта ненормальная, — из глаз мальчика, стоило Дафне к нему прикоснуться, тут же исчезло осмысленное выражение, а лицо расплылось в улыбке. Он смотрел на Гринграсс, как мишка на мед.

«Ронни? Хорошо хоть не „мой Бон-Бон“. Я понял, кого мне напоминают сестры Гринграсс» — подумал Гарри в этот момент. — «Марию и Анну Болейн. И внешне, и по характеру, поразительное сходство».

В голове бывшей Александры Владимировны сложился еще один пазл. Теодора Нотта воспитывал пожилой овдовевший отец, а мать мальчик потерял очень рано. Девичья фамилия женщины оказалась Гринграсс, это все объясняло. Все чистокровные были друг другу родственниками, Астория и Дафна приходились Теодору либо кузинами, либо двоюродными племянницами.

«Похоже, Паркинсон нажила себе сегодня настоящего врага», — глядя на стоявшую в растерянности, не знавшую, чью сторону принять Миллисенту, Гарри вспомнил, зачем спустился в гостиную.

— Милли, — обратился он к ней. — Я хочу пригласить тебя на Рождественский бал.

«С чего бы такая благотворительность?» — Булстроуд романтической не была и в облаках не витала, оценивая свои шансы понравится кому-то, как довольно низкие.

— Конечно, пойдём, — согласилась она. — Я сообщу тебе заранее, какого цвета у меня будет платье, — добавила девочка.

Каковы бы не были причины приглашения, тщеславие перевесило все остальные доводы. Появиться с Избранным на балу, было мечтой многих девушек в Хогвартсе.

«Взять бы, к примеру, ту же Джинни Уизли или Ромильду Вейн, которые смотрят на Поттера, как кошки на сметану. А тот их в упор не замечает, а от Уизли, похоже, скрывается. Мечтают они, а пойду с ним я. И, возможно, привлеку еще чье-нибудь внимание» — для Миллисент появление рядом с Поттером было шансом выделиться в хорошем смысле этого слова.

— Это было бы замечательно. Я закажу бутоньерку в твоих тонах, — Гарри обратил внимание на то, что Милли на редкость предусмотрительная.

— Тебя проводить на завтрак? — мальчик подумал, что Александра Владимировна Булстроуд на работу бы приняла. Он все больше и больше абстрагировался от своей прошлой жизни. Только вот на сексуальную ориентацию это никак не повлияло.

— Это было бы очень мило с твоей стороны, — сейчас Милли улыбнулась искренне. Идя рядом с Гарри по направлению к Большому залу, девочка решала дилемму. Панси поругалась с Дафной и надолго. До приглашения Поттера она приняла бы сторону Паркинсон. Но Гарри дружит с Роном и Драко, которые, судя по всему, заинтересованы в сестрах Гринграсс.

«Что же мне делать?» — Миллисента решила не торопить события и сохранять нейтралитет.

С такими мыслями она уселась за факультетский стол, пожелала всем приятного аппетита и приступила к завтраку.

Глава 42

«Я должен был стащить яйцо у этого чудовища?!» — глядя на то, как Виктор Крамм наслал на огромную крылатую ящерицу заклинание слепоты, и та начала отчаянно бить хвостом, расшвыривая камни, хаотично пыша огнем во все стороны, Гарри инстинктивно отпрянул назад, а затем подался вперед, чтобы лучше видеть. Астория прижалась ближе к сжимавшему ее руку Драко, но смотрела, не отрываясь. Дафна зажмурилась и спряла лицо на груди Рона, который ее тут же обнял и начал рассказывать, что именно происходит на арене с драконом.

— Крамм подбежал к кладке, схватил яйцо, дракон чуть не ударил его хвостом, — в этот момент вскочила на ноги и вцепилась в перила ограждения сидевшая на первом ряду хаффлпаффской трибуны Гермиона.

— Это опасно! — Невилл, Грегори и Винсент совместными усилиями, потянув ее за мантию и перехватив за талию, оттащили девочку назад и усадили на скамью.

— Но он же убьется! — воскликнула хаффлпаффка, глядя, как Виктор перекачивается через спину, не выпуская из рук драконье яйцо, уходя от струи летящего в него огня, и быстро бежит в сторону.

— Чемпион Дурмстранга Виктор Крамм успешно выполнил задание! — торжественно на весь стадион проорал Людо Бегмен.

— Можно открывать глаза, Дафна, он жив, — обратился к своей девушке Уизли. Геомиона, тем временем, вскочила на ноги и бурно зааплодировала. Грегори и Винсент переглянулись между собой и стукнулись ладонями.

— Я тебе точно говорю, Невилл, он ее уже пригласил, — вероятно, мальчишки что-то заподозрили и поспорили между собой.

— Надо будет подойти к Крамму и сказать, что если что, мы ему ноги выдернем, — предложил Грегори.

— Обязательно подойдем, — согласился Невилл. Сам он уже пригласил на бал Джинни Уизли, в которую был тайно влюблен. Кребб и Гойл заручились согласием Сьюзен и Ханны, соответственно. Правда, перед этим пришлось немного припугнуть Эрни МакМиллана. Дружба дружбой, но с девчонками каждый за себя.

«Все с кем-то, а я один» — вдохнул Гарри и тоже поднялся на ноги, чтобы аплодировать поднявшему в знак победы над головой большое золотое яйцо Виктору Крамму.

— Он хорошо выступил! — Гарри обнял за плечи подошедший к нему со спины, поднявшийся на трибуны Сириус. Он прибыл в Хогвартс, чтобы следить за безопасностью на соревнованиях.

— Да, — подросток почувствовал, как от прикосновения ладони мужчины вдоль позвоночника пробежала чувственная дрожь. Хотелось сделать шаг назад и откинуть затылок ему на плечо.

— Хорошо выступил, — согласился Гарри, сделал этот маленький шагок назад, поворачивая голову и глядя через плечо на Сириуса, почти касаясь губами скулы мужчины. За прошедшие с их первой встречи годы мальчик вытянулся, но все еще не догнал крестного в росте.

— Посидишь со мной немного, Сириус? — нет, он не прошептал это на ухо, Гарри просто тихо спросил, поворачиваясь к мужчине полубоком и глядя в его глаза снизу вверх.

— У тебя ресница выпала, Гарри — произнес Сириус хриплым голосом и снял несуществующую ресницу с его щеки, погладив скулу подростка.

— Я по тебе соскучился, — понимал ли Поттер, что он делает? Конечно, прекрасно понимал.

— Д... Гарри... — мужчина не знал, как себя вести. Их со всех сторон окружали люди. Все, что он мог сделать сейчас — это сжать пальцы той руки крестника, что со всех сторон была закрыта их мантиями.

Коварный соблазнитель сделал еще шаг вперед и все же, прижался щекой к плечу Сириуса, глядя за него сквозь опущенные ресницы, и увидел ошеломленное лицо Рабастана Лестрейнджа, чьи глаза стали почти квадратными от изумления.

Что мог сделать Гарри в такой ситуации? Он улыбнулся наблюдательному пожирателю смерти и подмигнул ему.

«Милорд может так переманивать Блэка на свою сторону или не может?» — весь мыслительный процесс был напечатан на лбу Рабастана крупными буквами.

Лестрейндж вспомнил, каким впервые увидел Барти на церемонии распределения в Хогвартсе: веснушки на носу, растрепанные соломенные волосы.

«Наши отцы ненавидели друг друга, а мы...» — Рабастан решил, что то, что делает Милорд, пожалуй, единственный способ перетянуть заклятого врага на свою сторону, но это надо было как-то переварить. Мужчина потряс головой, словно сбрасывая морок, и уставился на пустую арену, которую сейчас готовили к следующему поединку.

Гарри же просто улыбнулся и коснулся лбом шелковой мантии Сириуса, скрывая за его плечом свое лицо.

— Следующим выступает Седрик Диггори, школа Хогвартс! — разрушил образовавшуюся в голове мальчика пустоту радостный голос Людо Бегмена.

К Гарри вернулось осознание того, что он стоит у всех на виду на орущей от возбуждения и предвкушения очередного захватывающего зрелища трибуне. Зрители выкрикивали слова поддержки, махали руками, свистели, ногами топали, приветствуя чемпиона от Хогвартса.

— Мне нужно спуститься к палатке с победителями, Гарри. Я на работе, — произнес Сириус с огромным сожалением.

— Да, я все понимаю. Увидимся!

«Дети, работа, Бекки и, скорее всего — любовники», — Гарри не верил, что взрослый мужчина в угоду семье полностью способен отказаться от своей истинной сексуальной ориентации. — «Я, в лучшем случае, на пятом месте в списке его приоритетов» — эта мысль почему-то отдавала горечью.

«Наверно, он чувствовал то же самое, когда Джим его бросил» — Гарри подумал, что идея прикидываться собственным отцом не слишком то хорошая.

Мальчик поймал на себе еще один внимательный взгляд. Старик Слагхорн, казалось, смотрел на него с пониманием и от этого легче не становилось.

«Он так и не женился. Возможно ли, что он тоже гей?» — Гарри никогда не рассматривал декана Слизерина с этой точки зрения.

Стадион ревел и улюлюкал, но мальчик был слишком погружен в свои мысли, чтобы обращать внимание на то, что происходило на арене.

«Я не хочу быть одиноким на старости лет. И становиться чьей-то грязной тайной не желаю. Женатый мужчина, это — всего лишь десерт, пикантное развлечение. Серьезные отношения я буду строить с кем-то другим» — возможно, если бы Сириус под каким-нибудь предлогом остался сидеть на трибуне рядом с Гарри, мальчик принял бы другое решение. Но, что сделано — то сделано.

«Я никому ничего не должен. Будем наслаждаться жизнью во всех ее проявлениях» — шоу продолжалось.

Гарри Поттер поймал взгляд обернувшегося к нему перед тем, как войти в палатку к чемпионам, Сириуса Блэка, улыбнулся ему и помахал мужчине рукой.

Глава 43

— Боюсь, что этим барышням ничего не светит, Персефона, — смотря вслед стайке девушек, преследовавших Виктора Крамму во время его пробежки, Владимир Ушаков, потомок известного русского адмирала развлекал Панси Паркинсон свежими сплетнями во время их совместной прогулки вдоль Черного Озера.

Ученики, прибывшие из Дурмстранга, сидели за слизеринским столом, поэтому всех девушек из этого дома старше двенадцати лет «разобрали» для бала очень быстро. Панси не явилась исключением. Владимир был чистокровен, богат, прекрасно говорил по-английски и был хорош собой. Казалось бы — живи и радуйся. Но Панси продолжала изнутри грызть обида, зависть и злоба.

— Ты что-то знаешь, он кого-то уже пригласил? — она остановилась на месте, улыбнувшись своему кавалеру и повернувшись к нему лицом.

— Некую Гермиону Грейнджер, — при этих словах лицо Паркинсон на мгновение исказила неприятная гримаса.

— Что такое? — Владимир удивился. До этого Панси всегда было очень вежливой и милой.

— Да, как тебе сказать... — слизеринка поплотнее запахнула зимнюю мантию и начала рассматривать свои сапожки, изображая крайнюю степень смущения. А сама подумала, что ситуация складывается замечательно и грех ей не воспользоваться.

— Говори, как есть, Панси, пожалуйста, — Ушаков взял ее ладони в свои и наклонился к девушке.

К Виктору Крамму Владимир относился хорошо и не хотел, чтобы кто-то вводил его в заблуждение.

— Понимаешь, Влад, — Паркинсон сократила имя юноши на английский манер, — Гермиона, она маглорожденная, а там, у магглов, нравы гораздо свободнее, чем в магическом мире, — обтекаемо «призналась» она, но намеки сделала вполне однозначные.

— Но, Панси, это, наверное, не так. К Виктору подходили ребята с её факультета и предупредили в довольно агрессивной форме, чтобы тот вел себя, как джентльмен, — удивился Владимир.

— Давай я угадаю, — Панси развернулась и вновь пошла по тропинке вдоль озера, делая вид, что ее обидело недоверие кавалера, — это были Кребб, Гойл и Лонгботтом, верно?

— Да. Ты хочешь сказать, что они втроем ищут ее расположения? — продолжил расспрашивать Ушаков, догоняя девушку. Ругаться с Панси из-за пустяков не входило в его намерения.

— Они его уже нашли, — Паркинсон тяжело выдохнула. — И не хотят больше ни с кем делиться. Вот так.

— Все втроем? — Владимир не верил своим ушам. — Но, они к ней относятся с таким уважением...

— А зачем им с ней портить отношения? — раздраженно перебила его Панси. — Они учатся на одном факультете, ходить далеко не надо. К тому же, Грейнджер лучшая ученица Хогвартса. Они у нее все списывают.

— Персефона, не обижайся, — начал успокаивать Владимир девушку. — Это просто в голове не укладывается. Как такое возможно! Слухи бы пошли.

— А ты вспомни, что эта тройка сказала Виктору. Они любого, кто косо посмотрит на их обожаемую Грейнджер, избивают. Даже девочек, — произнесла Паркинсон с каким-то

отчаянием в голосе, вспоминая, как ее на первом курсе забросали навозом и хохотали над ней. — Они наследники семей из священных двадцати восьми! Им слово никто не может сказать поперек. Они Малфоя на каникулах хвастались, что они делают с ней втроем, а я случайно услышала! А еще Гермиона настолько нравится отцу Грегори, что тот, скорее всего, его на ней женит! — всхлинула Панси, повторяя слова своего отца. — Но, зачем ей эти мальчишки? Она метит выше! — Паркинсон непритворно расплакалась, проклиная свою злую судьбу, и побежала к замку. Владимир бросился вслед за ней, догнал, обнял.

— Панси, прости меня, пожалуйста, что я тебе испортил настроение из-за этой... шлюхи, — слово было сказано.

Естественно, Паркинсон дала себя успокоить.

В факультетской гостиной вечером этого дня она сидела тихая, умиротворенная.

Она надеялась, что Виктор Крамм передумает идти с Грейнджер на бал и та явится на него одна.

«Вот это будет унижение!» — глупенькая четырнадцатилетняя девчонка даже не могла предугадать реальные последствия своих «откровений».

Для семнадцатилетних, долгое время лишенных женского общества парней ее слова явились прямым руководством к действию.

Выслушав от Ушакова последние известия, Виктор сначала ему не поверил.

— Но, она целыми днями сидит в библиотеке. Да, и если бы все было так, как рассказала Персефона, кто-нибудь из этих троих пригласил бы ее на бал.

— Пойти на Святочный бал с чемпионом и известным ловцом престижнее, чем с одноклассником. Они и так от нее никуда не денутся, — заметил все услышавший чех Витизлав Пилмаер.

— Да и встречаться им специально нигде не надо. Невилл, Винсент и Грегори, как я узнал, живут втроем в одной комнате. Ей достаточно к ним подняться из гостиной и все, — добавил Тадеуш Чаушеску.

— Я понаблюдаю за Хамани, — принял Виктор соломоново решение.

То, что он увидел, увы, подтверждало слова Ушакова. На что раньше Крамм не обращал внимания, в контексте узнанного, приобрело совсем иной смысл. Гермиона общалась со своей компанией слишком близко, слишком интимно.

«Как с родственниками. Но они ей не братья. Значит, они, все же, вместе...» — весь следующий вечер Виктор пролетал на метле над запретным лесом, не обращая внимания на ветер и снегопад. Напрасно Гермиона прождала его в библиотеке три часа подряд, он не пришел. Крамм не смог бы разговаривать нормально с гуляющей девицей, в которую имел несчастье влюбиться.

— Не убивайся ты так, — успокаивал Владимир Ушаков друга, который сидел и смотрел в одну точку с посеревшим лицом. Парень уже жалел, что раскрыл Виктору глаза на «реальное» положение вещей.

— Вы же раньше никогда не были знакомы. Может быть, она после того, как Вы начали общаться, больше ни с кем... — Пилмаеру самому в это верилось с трудом.

— Да трахни ты эту пай-девочку, она красивая, — резюмировал Чаушеску. — Прямо после бала и трахни. Чего теряться, если само в руки идет? Тем более, она все знает. Если им дала, то и тебе даст. «А, может быть, потом и нам, раз она большая поклонница группового секса...» — эту часть фразы Тадеуш вслух произносить не стал.

— Думаю, именно так я и поступлю, — Виктор улыбнулся кривой, нехорошей улыбкой.

Сердце юноши в этот момент обливалось кровью, а разум затмила ревность.

В конце концов, с кем-то надо было расставаться с девственностью. Так почему бы не с

этой красивой, умной, распутной англичанкой, прикинувшейся тихоней золотоискательницей Гермионой Грейнджер?

Глава 44

«Наш девиз непобедим — возбудим и не дадим» — Гарри по достоинству оценил платье Дафны, в котором та спустилась из девичьей спальни в гостиную Слизера. Дресс-код «коктейль» оказался выдержан в полной мере. Темно-бордовый, почти черный наряд девушки имел глухой воротник-стойку, но, при этом, спина Дафны была обнажена до копчика, длинная юбка, струясь, доходила почти до самого пола, но ее рассекал разрез до середины бедра. Волосы девушки были уложены в высокую сложную прическу.

— Ты... — Рон, дождавшийся Дафну, потерял дар речи и мог выражаться лишь междометиями. Он смотрел на свою девушку глазами раненого зверя.

— Прекрасно выглядишь, Рон, — юная обольстительница подошла к влюбленному в неё мальчишке и легонько при всех поцеловала в уголок губ, вроде как — в щеку.

«Контрольный в голову» — ехидно констатировал про себя Поттер. Участь «Рони» была, по сути, решена — его ждала долгая счастливая семейная жизнь.

Дафна Гринграсс осталась очень довольна произведенным ею впечатлением. На трансфигурацию того дешевого безобразия, что ей прислали из дома, девушка потратила два вечера, взяв за основу фотографию из Введьмополитена, под которой находилась подпись: «Если Ваш избранник не делает первый шаг — покупайте наши модели». На модели у Гринграсс не было денег, пришлось выкручиваться самой, а потом еще сестре помогать. Правда, Астория предпочла классический вариант наряда — расклешенную юбку и корсет нежного кремового цвета.

— Почти, как невеста, — объяснила она Дафне. — Вдруг ему Панси все расскажет и он больше не посмотрит в мою сторону? — девочка говорила про Драко. — А так хоть почувствую, как это бывает.

Старшая из сестер Гринграсс понимала, что угроза разоблачения вполне реальная, поэтому на этот вечер у Дафны были далеко идущие планы. Она задумала все сделать так, чтобы совесть не позволила Уизли от нее отказаться, грубо говоря, она решила ему дать. Подговорить вернуться в гостиную в разгар танцев, а затем затащить в спальню. Но любовавшийся Дафной, словно зачарованный, Рон о грядущем счастье даже не догадывался.

— Великолепно выглядишь, Милли, — чуть не пропустив из-за представления, устроенного старшей Гринграсс, появление Миллисенты, Гарри восхитился вполне искренне.

Надетое на девушку атласное платье нежно-кораллового цвета удивительным образом ей шло.

— Леди, прошу Вас, — улыбнувшись своей спутнице, мальчик подал ей руку, и вся компания, которая только Миллисенту и дожидалась, неспешно покинула гостиную, чинно и торжественно направляясь по направлению к Большому залу.

Никто не заметил ехидного и торжествующего взгляда, который Панси бросила им вслед. Она находилась в предвкушении позора грязнокровки Грейнджер.

Но ее надежды не оправдались. Красивая, словно принцесса из сказки, Гермиона вместе с жилистым и поджарым, облаченным в парадную форму Дурмстранга Виктором Краммом и другими чемпионами и их парами открывала бал.

Гермиона никогда в жизни так не волновалась. Даже тогда, когда она дежурила возле Пушка, или когда согласилась на увеличение зубов с помощью заклинания, которое знал Драко, чтобы потом школьная колдоведьма ей их исправила, девушка не испытывала такого страха.

Она шла вместе с Виктором, а на них все смотрели со всех сторон. Торжественная речь

Дамблдора прошла мимо ее сознания, а первый тур вальса Гермиона танцевала, словно в тумане.

Возможно, из-за этого и из-за того, что Виктор не очень хорошо говорил по-английски, она не заметила сразу изменившегося к ней отношения. Крамм был, как обычно, немногословен, но из него словно исчезла вся душевность. Если раньше молодой человек смотрел на девушку с нежностью, то теперь его взгляд стал почти жестким, словно оценивающим.

К чести Виктора он сразу же изменил принятое в минуту гнева решение. В результате, юноша решил не устраивать скандала, спокойно открыть бал, а затем уйти от общения с Гермионой и всё. Крамму было больно, что он смог так ошибиться, он считал себя некрасивым и был уверен, что если бы не его популярность, девушки не обращали бы на него внимание. Грейнджер просто оказалась умнее других. Мысль о том, что она на него вообще не смотрела, и в библиотеке он подошел к Гермионе первым, Виктору в голову не пришла.

Поэтому после первого обязательного вальса, когда все вокруг уже танцевали, Крамм «отпросился» у своей партнерши, сказав, что принесет напитки, отошел к своим друзьям и больше не вернулся.

У Миллисенты, тем временем, все складывалось прекрасно. После первого обязательного танца с Поттером к ней подошел очень высокий парень из Дурмстранга, представился Витизлавом Пилмаером и спросил у Гарри, не будет ли тот против, если он, Витизлав, украдет его партнершу на пару танцев. В ответ на это слизеринец, решив подыграть Булстроуд, изобразил вежливое, но крайне недовольное лицо, но, естественно, разрешил. За что Милли была готова Поттера расцеловать. Одно дело, она стояла бы у стенки, а совсем другое — ее отбивают у самого Избранного.

«Когда на его кости нарастёт мясо, он станет настоящим бугаем» — Гарри подумал, что мужчине подобного телосложения немного пухленькая невысокая Милли должна была казаться с высоты его роста очаровательной пышечкой.

«Лав», как она про себя сразу прозвала Пилмаера, так как его полное имя казалось непроизносимым, хорошо танцевал и оказался интересным собеседником. Выяснилось, что тот — сын посла республики Чехословакия в Великобритании, причем, несмотря на то, что он являлся потомственным волшебником (славяне не использовали слово «чистокровный»), работал в маггловском посольстве. Оказалось, что в странах Варшавского Договора монотеистическая Церковь, преследовавшая волшебников много веков подряд, влачит крайне жалкое существование. А по телевидению в СССР даже открыто показывают фильм «Чародеи», рассказывающий про будни русских волшебников, правда не говоря магглам, что все это происходит на самом деле. То есть, полной изоляции от магглов у славян не было. Все это оказалось так интересно, что Милли не заметила, как пролетел второй танец, а за ним четвертый и пятый. Это был лучший вечер в жизни девушки.

В какой-то момент ей захотелось пить и она, остановившись, чтобы отдышаться, сказала про это Витизлаву.

— Пойдем к нашим, — Пилмаер потянул ее к своим друзьям, собравшимся у заставленного легкими закусками и напитками стола.

Там Милли встретила Ушакова с Панси и стоявшего в одиночестве, наблюдавшего за кружившейся с очередным кавалером Гермионой мрачного Виктора Крамма.

«Интересно, почему они не вместе? Поругались, что ли?» — в этот момент музыка в очередной раз сменилась и Грейнджер пригласил Невилл.

Гермиона, оставленная Краммом в одиночестве, ждала его некоторое время, а затем к стоявшей возле стенки в растерянности девочке подошел ее друг Гарри.

— Что случилось? Вы с Виктором поссорились? — он спросил то же самое, что и подумала Милли.

— Я не знаю, что произошло. Он ушел и не вернулся, — Гермиона, похоже, готова была расплакаться.

«Очень интересно» — Гарри посмотрел в сторону явно невеселого Виктора, стоявшего рядом с каким-то кучерявым черноволосым парнем. Причем, последний окинул в этот момент хаффлпаффку одновременно пренебрежительным и скабрёзным взглядом. Возле них находилась очевидным образом очень довольная Паркинсон и красивый высокий блондин, который что-то увлеченно рассказывал слизеринке.

«Интересно, что наговорила про Гермиону эта гадина»? — искусенной жизнью Александре Владимировне сразу все стало ясно. То, что в четырнадцать лет кажется трагедией, потом воспринимается, как проза жизни.

В своей прошлой жизни жертвой клеветы Гарри становился, вернее, становилась, два раза. Причем, в обоих случаях были потеряны, как дальнейшее показало, не самые лучшие люди.

«Нормальные мужчины сплетни не собирают» — Поттер был в этом убежден.

— Какие бы ни были причины, Виктор не должен был так поступать, — резюмировал Гарри. — Пойдем танцевать. Мы пришли сюда веселиться, — мальчик потянул подругу в зал.

Затем ее пригласил Грегори, за ним — Невилл, а потом Винсент, и хотя Гермионе было все еще обидно и она не понимала, почему ее оставил Виктор, девушка завертелась, закружилась и поддалась, в конце концов, радостной атмосфере праздника.

Каково же было ее удивления, когда на танец ее пригласил член попечительского совета, оправданный четыре года назад вслед за Сириусом Блэком бывший Пожиратель Смерти Рабастан Лестрейндж!

Рабастан наблюдал за хаффлпаффкой уже давно и чем дольше он на нее смотрел, тем больше она ему напоминала Беллу. Они были очень похожи и внешне, и по характеру, только в Гермионе не было блэковского безумия и злобы.

«Ее можно принять за дочку Беллы. Хотя, она действительно могла бы быть Беллиной дочерью» — времена, когда родилась Гермиона, стали страшными для магического мира. Авроры ничем в своей жестокости не уступали Пожирателям Смерти, еще существовал Орден Феникса. В том, что жена его брата никогда не была беременной, Рабастан не был уверен. Белла могла это скрывать.

К тому же, Гермиона Грейнджер была необычайно сильной и одаренной ведьмой, она почему-то нравилась Креббу и Гойлу, хотя те всегда презирали грязнокровок.

Одновременно с этим Милорд относился к девочке заботливо и покровительственно, явно ее оберегая и опекая, словно родственницу.

«А если?» — на Лестрейнджа снизошло озарение.

Белла была любовницей Милорда. Могла ли она родить от него и спрятать свою дочь у магглов, внушив тем, что это их родной ребенок?

«Запросто» — ответил себе Рабастан на этот вопрос.

«Ради сохранения жизни дочери Белла пошла бы на что угодно. А у магглов ее ребенка никто не стал бы искать» — все части пазла: внешнее сходство, необычная магическая одаренность, фавор у детей пожирателей смерти, опека Милорда — все сразу встало на свои места.

«Знает ли она, кто ее настоящие родители?» — Лестрейндж решил, что — вряд ли. Юной волшебнице лучше было считаться магглорожденной, чем незаконнорожденной дочерью осужденной на пожизненное заключение и умершей в тюрьме Беллатрикс Лестрейндж. Рабастану давно хотелось просто поговорить с девочкой. Но под каким предлогом он к ней бы подошел? А сейчас все складывалось идеально. К тому же, мужчина заметил поступок Крамма и те похабные взгляды, что бросали на Гермиону его друзья. Мужчине это не понравилось, и он решил быть к девочке поближе, чтобы в случае необходимости отогнать от нее ненужных ей кавалеров. Поэтому и пригласил Гермиону на танец.

— А это еще кто такой? — вопрос вырвался у Виктора помимо его воли. Одно дело, Гермиону приглашали ее приятели, друзья по постели, как выразился Чаушеску, а совсем другое — взрослый мужчина.

— Это Рабастан Лестрейндж, на сегодняшний день — самый богатый жених Великобритании, — ответила Панси Виктору, а затем обернулась к Ушакову с видом: «Ну, что я тебе говорила?»

А у Крамма аж в глазах потемнело, он сделал, было, шаг навстречу танцующей парочке, но наблюдательный Пилмаер схватил его за руку.

— Виктор, остынь. Ты же сам от нее отказался, — Витизлав старался уберечь друга скандала.

— Почему отказался? — удивилась Милли. — Вы поссорились? — не то, чтобы она хорошо относилась к грязнокровке, но сейчас девочка была готова любить весь мир. «Лав» три минуты назад спросил ее, чем она занимается на следующий день и предложил прогуляться после обеда.

— Я рассказала, какая она непостоянная, — Панси старалась избежать разоблачения и поэтому призналась в наговоре на Гренджейр подруге, надеясь, что та ее поддержит.

— Непостоянная? — Милли от счастья немного поглупела.

— Да, то с Лонгботтомом общается, то Винсом, то с Грегори, — Паркинсон отчаянно намекала.

— Так какая же она непостоянная? Она только с ними и общается и больше ни с кем, — Милли была девочкой, как говорится, неиспорченной, и не понимала двойного смысла сказанного.

«Действительно, хуйня-война» — у Ушакова от подобной свободы нравов глаза на лоб полезли.

«Что-то здесь не так» — засомневался Пилмаер.

Чаушеску громко засмеялся, можно сказать — заржал.

А Виктор Крамм медленно зверел, глядя на то, как этот «самый богатый жених» что-то шепчет на ухо Хамани, а та радостно смеется.

«Я мог быть сейчас на его месте» — глаза темпераментного и влюбленного юноши начали наливаться кровью.

«Занятно» — Гарри с интересом наблюдал за разыгрывавшейся перед ним пантомимой, а затем заметил, с какой ненавистью Рабастан посмотрел на Игоря Каркарова, когда случайно встретился с ним взглядом.

«Однако, можно убить сразу трех зайцев — укрепить репутацию, наказать Крамма и Паркинсон и, заодно, славно повеселиться».

— Рабастан, — спросил мальчик, когда тот подвел к нему Гермиону. — Я слышал, что по правилам Дурмстранга, если кто-то задел честь невинной девушки, его можно убить на поединке, проводящимся на территории школы? И что это обычно фиксируется, как

несчастный случай, — это было той самой причиной, почему девушки там не учились. Все это Гарри узнал от Сириуса.

— Да, это так, — ответил Лестрейндж.

— А если ты, к примеру, вызовешь какого-то студента Дурмстранга на поединок, то его будет обязан заменить директор школы? — спросил Гарри с ухмылкой.

— Да, тогда мне придется сражаться с Игорем...- Рабастан уже понял, куда клонит Милорд. Каркарова Лестрейндж ненавидел всеми фибрами своей души и был бы счастлив расправиться с ним.

«Неужели он вовлечет в план мести предателю Гермиону?» — в это, почему-то, не верилось.

— Ты мне не дашь свой волос, Гермиона, и не посидишь в это время... — Гарри задумался, думая куда ее лучше привести: в гостиную Слизерина или Выручай-комнату.

— ...моих апартаментах? — быстро закончил фразу Лестрейндж, пристально глядя на Милорда.

— Гарри, что случилось? — непонимающе спросила девочка.

— Я тебе потом все объясню. Просто дай мне свой волос и нигде не появляйся в течение часа, договорились?

— Хорошо, — Грейнджер привыкла доверять Гарри Поттеру, который так много сделал для нее. Она уже поняла, как некоторые относятся к магглорожденным и была благодарна своим друзьям за защиту.

Когда Гарри с Гермионой вместе с Лестрейнджем уходили из большого зала, Виктор не выдержал и взял у Чаушеску флягу с огневиски. Все, что он хотел сделать, это — как следует напиться.

Глава 45

«Как же мне раньше не пришла в голову такая блестящая идея?» — Гарри, а, вернее, Александра Владимировна, с наслаждением крутилась в апартаментах Рабастана Лейстрейнджа перед зеркалом.

«Я прекрасна» — подумала она по-русски, сооружая из волос распавшуюся во время надевания платья высокую прическу.

— Я готова, — как же это было приятно, обрести нормальное женское тело, хотя бы чужое, пусть всего лишь на один час!

— Дождись нас здесь, Гермиона, не выходи ни в коем случае, — попросил Гарри все еще ничего не понимавшую подружку.

По коридорам в направлении Большого зала он шел под руку с Лестрейнджем, разве что не пританцовывая.

— Рабастан, ты уверен, что сможешь победить Каркарова? — спросила «Гермиона» таким нежным голосом, словно признавалась в любви.

— Позвольте мне сделать это, Милорд. Это то, чего требует моя честь, — тот встал на одно колено перед «девушкой» и приложил ладонь к груди.

— Позволяю, мой верный рыцарь, — Александра Владимировна наслаждалась происходящим и протянула Лестрейнджу руку для поцелуя. — Если этого требует твоя честь. И, называй меня сейчас Миледи.

— Как прикажете, Миледи. Благодарю за оказанное доверие, — мужчина приложился к ручке со всей почтительностью, встал и отвесил «даме» глубочайший поклон.

— Рабастан, — «Гермиона» указала глазами на заинтересованно наблюдавших за разыгрывавшимся перед ними представлением старшеклассников с Рейвенкло. — Все вокруг подумали, что ты сделал мне предложение.

— Так даже лучше, Гермиона, — мужчина подал своей «спутнице» руку и они проследовали дальше.

«Как же хорошо общаться на равных со взрослым человеком» — Гарри устал изображать из себя подростка, но расслабиться редко мог себя позволить.

— Грейнджер, нам надо поговорить! — буквально возле входа в большой зал к «Гермионе» подошла Миллисента Булстроуд.

— Что случилось? — Гарри отошел от Рабастана немного в сторону.

— Не подходи, пожалуйста, к дурмстранговцам, — кто бы знал, как тяжело Милли далось это решение. Конечно, она не любила грязнокровок, но то, что сделала Панси, было слишком низкопробно.

Поняв, в конце концов, о чем именно шла речь во время разговоров среди друзей «Лавы», скрепя сердце, Булстроуд решила раскрыть Гермионе глаза на настоящее положение вещей.

В конце концов, та была подругой Гарри Поттера, а именно благодаря ему на Милли обратил внимание «Лав».

— Почему это я не должна к ним подходить, Миллисента? — Гарри сделал вид, что не внял ее предупреждению и не верит ей.

— Ты не понимаешь, — та мялась. — Кто-то рассказал парням из Дурмстранга, что ты состоишь в интимных отношениях сразу с Креббом, Гойлом и Лонгботтомом.

— Что? — слизеринец ожидал чего угодно, но клевета Панси вышла за все разумные пределы.

— Милли, прошу тебя, никому-никому не рассказывай про это. Договорились?

— «Гермиона» взяла слизеринку за руку. — Я не Гермиона, я Гарри, я тоже заподозрил

неладное и решил выяснить, в чем дело. Уведи куда-нибудь своего Пилмаера, чем быстрее, тем лучше, под любым предлогом.

— Хорошо, — Милли перевела взгляд с «Гермионы» на стоявшего рядом с ней Рабастана Лестрейнджа и медленно покачала головой.

«Похоже, Панси доигралась. Ушакову — конец», — Я все поняла, — Булстроуд побежала обратно в бальный зал спасти своего ухажера от участия в скандале.

— Лав, — обратилась она к юноше, — хочешь, я покажу тебе замок? — ничего лучше в голову ей не пришло. «Я покажу тебе свои гравюры. Мерлин, что я творю?»

— Я с удовольствием его осмотрю, — Пилмаер галантно подал девушке руку. Он был наблюдательным человеком. Витизлав заметил, как быстро, поняв, что рассказали про Хамани на самом деле, Милли отошла от стола и покинула зал, и как стремительно потом в него вернулась и предложила сделать абсолютно не вяжущуюся с ее характером и воспитанием вещь.

Тем временем, в бальный зал вошли под руку Рабастан Лестрейндж и Гермиона Грейнджер. Девушка держалась как-то по-другому, по-взрослому, словно светская дама. Неоднократно бывавший на посольских приемах Пилмаер это сразу заметил.

«Это не Грейнджер» — сын дипломата пришел к единственно возможному выводу.

Наклевывалось что-то нехорошее и Милли, судя по всему, об этом предупредили. А если вспомнить, что за обиды, нанесенные хаффпаффской обретенной (так в Чехии называли волшебниц, родившихся у обычных людей) здесь, якобы, всем били без разбору морды, следовало убраться по добру, по здорову. И, желательно, как можно быстрее.

«Милли хочет отсюда уйти» — Витизлав решил, что Крамму, Чаушеску и Ушакову он не нянька, и, пожелав приятелям приятного вечера, удалился вместе с Булстроуд в сторону хогвартских коридоров.

Виктор же, непривычный к спиртному, особенно крепкому, изрядно опьянел. Нет, он еще с ног не валился, но был уже далеко не под шафе.

Одной из характеристик опьянения является расторможенное поведение, поэтому, позабыв о своих сомнениях, он направился прямо к Гермионе.

— Потанцуем, Хамани, — от Крамма пахло дорогим коньяком.

«Ох, что я подвыпивших мужиков не видела?» — «девушка» кивнула Рабастану головой, де: «Дальше иди один».

— Хамани, ты такая красивая! — залился Виктор несчастным курским соловьем, сжимая партнершу в объятиях гораздо сильнее, чем того требовали правила хорошего тона.

Благо, на такие мелочи разогретая «Ведуньями» толпа подростков давно не обращала внимание.

— Правда, очень красивая? — насмешливо спросила Александра Владимировна, даже не думая отстраняться. Наверно, впервые за двадцать пять лет ее обнимал мускулистый юноша, которому не надо было платить за это деньги.

— Очень, — на лбу Виктора появилась страдальческая морщинка. — Зачем тебе эти мальчишки и старик! Я все, что хочешь, для тебя сделаю! Я что угодно тебе куплю!

— «Гермиона» аж заслушалась.

— Виктор, пойдем, присядем, — Александра Владимировна увидела перед собой страдающего, доведенного до отчаяния, влюбленного подростка и пожалела его.

— Пойдем, вот туда, — она подхватила несчастного выпивоху под локоток и увлекла за собой.

Стоило Виктору приземлиться на диван и утянуть Хамани себе на колени, как та тут же наложила на него заклинания немоты и неподвижности.

— Крамм, слушай меня внимательно, — обратился Гарри к возмущенно пучившему глаза,

словно полярная сова, Виктору, продолжая сидеть у него на коленях и, обнимая юношу, покачивать ногой в такт своим словам.

— Я не Гермиона, я Гарри. Мне очень не понравилось, как ты повел себя с моей подружкой, поэтому я попросил у нее волос и выпил оборотное зелье. Моргни, если понял, что я сказал.

Виктор моргнул.

— Так вот, — продолжил Поттер, — Гермиону оклеветали. Она хорошая девушка. Паркинсон ее ненавидит. На первом курсе Грегори, Винсент и Невилл закидали Панси навозом на глазах у всего первого курса, за то, что та обозвала Гермиону грязнокровкой, на которой никто никогда не женится.

В ответ на это Виктор возмущенно запыхтел, вернее, попытался.

— Гермиона сейчас в безопасном месте и даже не догадывается о сплетнях, которые порочат ее доброе имя. Надеюсь, что она никогда не узнает про это. По-моему, ты ей действительно нравишься. Поэтому, Крамм, я ей скажу, что твои поклонницы наслали на тебя заклятие игнорирования избранницы, а завтра ты вручишь ей огромный букет роз в качестве извинений за завтрак в большом зале. И еще, — добавил Гарри, схватив в ладонь большого жука, который сидел на обивке кресла, — пойдти к мадам Помффри и раздели свою монобровь на две, а еще сделай себе нос чуть-чуть поменьше. Задача на пятнадцать минут для школьной колдоведьмы. И больше, — фальшивая Гермиона погладила Виктора по щеке, — не комплексуй. Это плохо сказывается на твоей самооценке. Пойдем, я тебя до корабля провожу, — Гарри отменил действие обоих заклинаний и потащил обалдевшего от вываленной на него информации, пьяного Виктора к выходу из Большого зала, в котором в тот же момент происходили куда более драматичные события.

— Я уверен, что девушка заскучала и хочет танцевать, — подошедший к группе дурмстранговцев Рабастан Лестрейндж кивнул подобравшемуся Чаушеску в сторону Панси Паркинсон. Тот, почувствовав реальную угрозу, послушался сразу, оставляя Владимира Ушакова наедине с бывшим пожирателем смерти, пусть даже оправданным. — Владимир, мне Вам пощечину при всех залепить, или Вы сумеете принять вызов на дуэль достойно? — спросил Рабастан у юноши таким тоном, словно разговаривал о погоде.

— Это из-за Гермионы Грейнджер? — уточнил Ушаков. — Но я уверен, что говорю правду...

— Это совершенно не важно, о чем Вам сказала Панси наедине, — перебил его Лестрейндж, нарочно называя Паркинсон по имени. — Она всего лишь девочка. Какой с нее спрос? А вот Вы оклеветали мисс Грейнджер публично и чуть не лишили ее доброго имени. Вы же никого не просили держать в тайне свои откровения? — решил выяснить мужчина на всякий случай.

— Я всего лишь хотел защитить Виктора, — признался Ушаков.

— Он прекрасно обходится без Вашей помощи, Владимир, — Рабастан указал юноше на выходящих в обнимку из большого зала Крамма и «Гермиону».

— Я принимаю вызов. Сообщите мне время, место и выбор оружия, — дурмстранговец решил не доводить дело до публичного скандала.

— Завтра после полудня, на территории Вашей школы по ее правилам, это будет магическая дуэль. Передайте своему директору, что я его жду там вместо Вас, Ушаков, — Лестрейндж позволил себе улыбнуться. «Завтра я убью предателя!»

— Вы же... — улыбка Ушакова, напротив, вышла горькой, парень дураком не был и

быстро сложил два и два. — Она мне все это рассказала, чтобы Вы смогли добраться до Игоря Каркарова? — Владимир чувствовал сейчас то, что накануне испытал Виктор Крамм.

— Не принимайте на свой счет, юноша. На Вашем месте мог оказаться кто угодно, — не стал развеивать его сомнения Рабастан. — Но, тем не менее, если бы Вы не оказались столь болтливы, у меня ничего бы не получилось. Разрешите откланяться.

— Что случилось? — смотрела в спину отходившему в сторону танцующей походкой мужчине подбежавшая тут же к Владимиру Панси.

— Мисс Паркинсон, — ответил тот ей вежливым, но ледяным тоном. — Наше дальнейшее общение я вижу невозможным. Настоятельно рекомендую Вам присоединиться к ученикам своего дома. Я уже достаточно скомпрометирован общением с Вами, — он был по-иезуитски вежлив и непреклонен.

— Но, Владимир.

— Прошу Вас, Панси, — смягчился Ушаков, видя ее отчаяние, — довольно. Не унижайте себя еще больше. Я не стану никому рассказывать о Вашем участии в этом отвратительном деле, но я очень в Вас разочарован и более не смею Вас беспокоить. Счастливо оставаться.

— Что случилось? — спросил друга Чаушеску.

— Ничего хорошего, — мрачно произнес Владимир и направился к Игорю Каркарову, чтобы поведать тому, какой подарок принес им всем Святочный Бал.

— Рита, Рита, — держа жучка за брюшко и глядя в его наглые глазки, сокрушался проводивший на корабль Виктора, уже превратившийся в самого себя и трансфигурировавший бальное платье в теплую мантию Гарри Поттер. — Разве я мало тебе улыбался? Или интервью не давал? — смотрел он с укоризной на Риту Скиттер в ее анимагической форме. — В общем, моя дорогая, — обратился он к ней совсем повзрослому. — Ты забываешь о том, что слышала и видела, а я, со своей стороны, никому не рассказываю о том, что ты незарегистрированный анимаг. И с меня рассказ о моем несчастном детстве, можешь публиковать, и Виктор Крамм даст тебе интервью, — решил подсластить Поттер пилюлю и разжал ладонь, выпуская жучка на свободу. Глядя на то, как в темном небе мгновенно исчезает ставшая незаметной для глаза маленькая черная точка, Гарри зябко кутался в мантию. Никогда за прошедшие четыре года мальчик не чувствовал себя так одиноко.

Глава 46

— Как красиво! — шептались, сидя на кровати Дафны, сестры Гринграсс, рассматривая булавку в виде стрекозы, которую Драко подарил Астории накануне.

— Глазки из настоящих изумрудов, тельце из жемчуга, а крылья — перламутровые!

— восхитилась Дафна.

— Да! И она сама закалывается... — Астория посадила стрекозу себе на ладонь, та взлетела и приземлилась на лацкан воротника мантии девочки.

Младшая из сестер забежала к старшей перед обедом, так как завтрак обе благополучно проспали.

— А как у тебя все сложилось? — Астории не терпелось узнать, сработал ли план, придуманный Дафной.

— У меня все замечательно. В общем, я ему все рассказала.

— Ну... После того, как? — тринадцатилетняя Астория постеснялась произносить ЭТО слово.

— Ничего не было, — созналась слизеринка. — Я подумала, что если он откажется от меня после, ты понимаешь чего, я этого не переживу. Я же не могла быть уверенной.

— А он что?

— Он сказал, что это совершенно неважно. У них в семье есть тайное заклинание. Оно снимает все-все проклятия, связанные с рождением детей, — прошептала Дафна на ухо сестре, несмотря на то, что в комнате кроме них никого не было.

— Правда? — глаза Астории аж засверкали. — Мне сможешь рассказать? Ну, когда выйдешь за Рона замуж. А еще Уизли бедными называют. Теперь понятно, почему Цедрелла Блэк и Молли Прюэтт с ними сбежали.

— Рон мне рассказал по секрету, — продолжала выдавать информацию Дафна, — что мама Драко теперь тоже это заклинание знает. У него родилось уже три младших брата. На самом деле после устроенного Панси в гостиной скандала Драко обо всем подробно расспросил Теодора Нотта. Тот ответил, что его мать Азалия Гринграсс приходится Дафне и Астории двоюродной бабушкой, так как является младшей сестрой их деда с отцовской стороны.

— Меня мама родила в пятьдесят лет и прожила после этого три года благодаря средству, которое изготовил Милорд, — Теодор называл Волдеморта именно так.

— После его исчезновения лекарство постепенно закончилось, и она умерла. Выводы делай сам.

Драко рассказал обо всем Рону, подростки решили, что это не проблема, но правду о Философском Камне до поры до времени (то есть, до свадьбы) решили не открывать, а придумали сказку о семейном заклинании Уизли, для того случая, если девочки сами решат признаться в наложенном на них родовом проклятии. Когда Дафна начала откровенничать, Рон обрадовался, это означало, что она ему доверяет, и он ей нравится на самом деле. Конечно, он ее успокоил и поведал заранее оговоренную с Малфоем версию того, почему их жены смогут в любом случае иметь детей и не болеть.

Судя по двум радостно хихикавшим, сидевшим на кровати сестрам Гринграсс, те всему поверили. Но этого, конечно, ни Рон, ни Драко еще не знали, так как не умели смотреть через стены.

— ...а потом он меня поцелова... — Дафна быстро замолчала, когда в их общую спальню вошла Панси, которая раньше них ушла на обед. Вид у Паркинсон был абсолютно невменяемым.

«Что еще стряслось у этой ненормальной?» — Астория, пойдём, иначе голодными

останемся, — во избежание неприятностей Дафна схватила сестру за руку и потащила к выходу.

Когда обе пришли в Большой Зал, то увидели, что флаг Дурмстранга, висевший рядом со штандартом Слизерина, обвиняла траурная лента.

— Привет, Рон. Что случилось? — Дафна села рядом со своим парнем, в то время как Драко пододвигался, освобождая Астории место возле себя.

— Каркаров вернулся сегодня зачем-то в Дурмстранг и погиб там, в результате несчастного случая, — Уизли выдал официальную версию. — Я потом тебе расскажу.

— Наши соболезнования, — произнесла Дафна расстроенным голосом и заметила, что сидевший напротив нее Владимир Ушаков, смотрит в одну точку и ничего не ест. — Он, наверно, был замечательным учителем?

Тот ничего не ответил, лишь кивнул головой.

— Я готов даже жениться на этой Грейнджер! — в запале пообещал накануне вечером Владимир, пытаясь найти способ избежать дуэли, когда объяснял директору своей школы, что и как произошло. — Я готов понести любое наказание! — парень не собирался уходить от ответственности за содеянное.

— Володя, на твоём месте мог оказаться кто угодно, — слово в слово повторил Каркаров слова Лестрейнджа. — Тебе просто не повезло. Не стоит из-за этого портить свою жизнь. Наказание тебе нести не за что, ты не нарушал устав школы. Это частное дело, я должен был предупредить своих учеников, чтобы те не связывались с дочерьми Пожирателей Смерти, пусть даже оправданных.

— Но разве те не принимали Черную Метку под заклинанием Империи? — удивился Ушаков.

— Уверяю тебя, Володя, — Каркаров обнажил левое предплечье, закатав рукав, — ее принимали исключительно добровольно, причем, в знак особого доверия и расположения, — старый колдун был уверен, что следующий день он не переживет и ему захотелось хоть кому-то объяснить, почему он это сделал.

— Когда я впервые увидел Милорда, он произвел на меня огромное впечатление. От него исходила сила, мощная, темная. Он был гениальным волшебником, — Игорь словно вернулся во времена своей юности. — Мы все были уверены, что нас ждет блестящее будущее, у нас все почти получилось! А затем он пошел убивать младенца и исчез.

Азкабан — это страшная тюрьма, я не захотел туда попадать и много кого предал, — Каркаров опомнился и замолчал. — Так что прекрати обвинять себя, Владимир. А по поводу жениться. Судя по всему, Рабастан Лестрейндж вчера сделал предложение Гермионе Грейнджер, и та ответила ему согласием.

— Но как же, она и Виктор? Они же вчера ушли с бала вместе? — поразился Ушаков.

— Некоторым женщинам всегда можно немножечко больше, чем всем остальным, — задумчиво произнес директор Дурмстранга. Он понял, кого именно ему напоминала эта Грейнджер, затем перед его мысленным взором встала сцена, как Гарри Поттер, Рабастан Лестрейндж и Гермиона Грейнджер вместе выходят из зала, а затем посмотрел на Черную Метку на руке, которая в Хогвартсе налилась краской и стала темно-серой.

«Убился об младенца?» — Игорю захотелось расхохотаться, но он сдержался. А то Ушаков решил бы, что он обезумел. Еще Каркарову очень хотелось убежать и где-нибудь скрыться, но колдун понимал, что в этом случае его убьет откат за нарушение клятвы защищать жизнь учеников. А так хоть призрачная надежда оставалась. Несмотря на то, что Лестрейндж был членом внутреннего круга и, пожалуй, сильнейшим боевиком в

окружении Милорда.

На следующий день Рабастан Лейстрейндж, Люциус Малфой, как его секундант, и Игорь Каркаров коснулись портключа и очутились на экранированном со всех сторон полигоне для отработки боевых заклинаний школы Дурмстранг. Там их уже встречал заместитель директора Дамир Радич, огромный хорват двухметрового роста, который стал секундантом Каркарова.

Бой двух темных колдунов напоминал черный вихрь, где было непонятно, кто и какие использует заклинания. Люциус, вспоминая былые времена и тренировки с Милордом, залюбовался. Волновался ли он? Волновался. Но чему быть, того не миновать.

Поединок закончился столь же стремительно, как и начался. Каркаров сломанной куклой упал на землю, Лестрейндж, тем временем, поднялся на ноги и быстро наложил на правую руку заклинание оледенения.

— Наверно, придется ампутировать ниже локтя, — сообщил он Люциусу спокойным голосом.

— Не смею вас задерживать, господа, — Радич, который стал исполняющим обязанности директора, решил выпроводить гостей с территории Дурмстранга, как можно быстрее.

— Было приятно познакомиться, — победивший и его секундант откланялись, вновь коснулись портключа и вернулись на опушку Запретного Леса Хогвартса.

— Милорд велел, чтобы ты выпил это после поединка, — Люциус протянул брату по оружию напиток, переливавшийся золотыми искрами в прозрачной не разбиваемой колбе.

Сделав первый глоток, Рабастан почувствовал сильный зуд в начавшей, было, темнеть, пораженной проклятием руке. Сделав второй, он увидел, что кожа на ней стала абсолютно светлой...

«Это?!» — автоматически сделав третий глоток из практически опустевшей емкости, Лестрейндж умудрился в последний момент ничего не выпить, а, раздув щеки, как хомяк, побежал к границе аппарирования из Хогвартса.

Ворвавшись в каминный зал, где его ожидал сходящий с ума от волнения Барти, Рабастан, ничего не объясняя, надавил ему на щеки и влил в рот драгоценную жидкость.

— Глотай! — закричал он, зажимая любимому рот и нос, чтобы тот, ни дай Мерлин, ни капли не выплюнул. — А теперь, вот это, — он протянул начавшему превращаться в юношу молодому мужчине переливавшийся золотом остаток напитка на дне колбы.

Любуясь на то, как приобретают светлый соломенный цвет потемневшие с возрастом волосы Барти, как его скулы со следами небритой щетины покрывает юношеский мягкий пушок.

— Это выпей ты, — Барти уже получил сообщение через патронус, присланный Люциусом. Очень важный белый павлин сообщил картавым голосом, что Басти рванул домой, не допив лекарство.

Рабастан вздохнул, но послушался. А затем наколдовал зеркало во всю стену. В нем они оба отразились такими, какими угодили в Азкабан.

— Милорд в награду вернул нам молодость, — Лейстрейндж схватил Барти в объятия и закурил по комнате.

— Я умер бы, если бы ты не вернулся, — признался Крауч-младший.

— Я убил этого предателя! Я убил его! — во взгляде Рабастана появилось что-то ненормальное. — Я сражался с ним, я видел, как тебя проводят мимо моей камеры, измученного, в полосатой робе, слышал, как ты кричал по ночам. Я видел, как проносили мимо меня твое мертвое тело и слышал, как охрана, раздававшая завтраки, с хохотом обсуждала, что умер мой старший брат. А затем вспомнил, как ты летом появился на

дорожке моего сада и понял, что не могу к тебе не вернуться. В этот самый момент я и убил его, — Рабастан Лестрейндж прижимал к себе Барти и не мог на него налюбоваться.

Именно в этот прекрасный момент с недовольным клекотом в стрельчатое окно стал долбиться клювом сокол.

«Так не вовремя!» — Открой, а то он его разобьет, — Бартемиус вторжением наглой птицы оказался очень недоволен.

Но, как выяснилось, напрасно.

К посылке, доставленной соколом, прилагалось послание, написанное на русском языке.

Унаследовавший дар отца, полиглот Крауч-младший ее перевел:

«Спасибо, что не опозорил моего внука-дурачка. Это молодильное яблочко. Клянусь, оно не отравлено. Елена Прекрасная».

Глава 47

Что сделать легче: выйти на многотысячный стадион в Финале Чемпионата Мира по квидичу и поймать снитч или зайти к школьной колдowedьме и попросить ее откорректировать форму носа и бровей?

Мявшийся в нерешительности ранним утром под дверь кабинета мадам Помффри Виктор Крамм честно ответил бы, что второе гораздо страшнее. Несколько раз он был готов к тому, чтобы развернуться и уйти, но слышал голос Гарри, который еще выглядел, как Гермиона:

«Не понимаю я! Чистокровные культивируют свои наследственные уродства, как отличительные признаки породы? У одного зубы, словно грабли, у другого нос похож на шнобель. И это в то время, как магглы, чтобы стать красивыми, ложатся под ножи хирургов и делают себе операции под общим наркозом! Для волшебника подобное исправить — задача на пару минут! Но они не пользуются своими возможностями! Уму непостижимо!»

Накануне Александра Владимировна вынесла мозг Крамму весьма основательно.

«Я хочу нравиться Гермионе!» — Виктор набрался смелости и постучался в дверь.

— Что, дорогой, тоже голова болит или отравился? — навстречу ему вышла не выпавшаяся мадам Помффри.

— Нет, у меня брови, — смущенно произнес лучший ловец года.

— Что с твоими бровями? — удивилась колдowedьма. Те очевидным образом находились на месте, а не на щеках, как у одной третьекурсницы две недели назад.

— У меня... монобровь, — Виктор вспомнил слово, которое произнесла «Гермиона» накануне. — А я хочу две разные, — он от волнения стал путать слова английского языка.

— Вы хотите иметь две разные брови, молодой человек? — изумилась мадам Помффри.

— Нет, две одинаковые, но отдельные... — сформулировал он.

— О, ты хочешь скорректировать форму бровей! — обрадовалась колдowedьма. К стигматам на лице она относилась так же, как и Гарри Поттер и сокрушалась, что ученики обращаются к ней за помощью лишь тогда, когда из-за неудачного заклинания нос перемещается на затылок.

— Да, скорректировать. Чтобы было красиво, — Крамм покраснел. — И еще, — он сглотнул, — нос уменьшить.

— Тебе есть семнадцать лет? — уточнила школьная колдowedьма, так как подобные преобразования внешности без медицинских показаний делали несовершеннолетним лишь с разрешения родителей.

— Да, есть, — ответил Виктор Крамм, чувствуя, как горят его уши, а руки и ноги, напротив, становятся ледяными.

— И спина у тебя, наверняка, болит. Раздевайся и иди за ширму, — резюмировала волшебница и повесила с внешней стороны двери табличку: Не беспокоить без крайней необходимости!

Через полчаса юноша разглядывал свое отражение в зеркале с некоторым изумлением. Брови у него остались нормальными, мужскими и даже густыми, не превратившись в ниточки, как он опасался. Но они больше не срастались на переносице, имели красивую форму и перестали придавать лицу угрюмое выражение. Нос уменьшился совсем чуть-чуть, и капельку изменилась форма горбинки на нем, но теперь это выглядело изыскано, аристократично, а не как клюв хищной птицы. И главное — рост! Избавившись от сутулости, плоскостопия и кривизны ног, Виктор стал выше на пять сантиметров! Он

теперь был не выше среднего роста, а просто высоким.

— О, благодарю Вас, мадам Помфри, — Крамм с трудом выговорил это имя. — Если я могу как-то Вас отблагодарить...

— Что Вы, что Вы, молодой человек. Видеть результаты своей работы — лучшая награда для меня, — колдоведьма и правда была довольна.

«Это не прыщи лечить. Для такого талант нужно иметь» — думала она, с гордостью глядя на результаты своих трудов.

— Молодой человек, Вы можете идти. Меня ждут другие пациенты, — посещение медицинского кабинета для Виктора Крамма закончилось буднично.

Школьная колдоведьма открыла дверь, впуская к себе страдавших головной болью и несварением желудков после ночных пьянок в факультетских гостиных старшеклассников, а Виктор направился на завтрак.

Увидев сидевшую за хаффлпаффским столом в окружении друзей Гермиону, он ей поклонился, отмечая про себя, как изумленно распахнулись глаза девушки, когда та его увидела, и сел завтракать к ней лицом за слизеринский стол. За которым, кроме учеников младших классов и одиноко сидевшей Панси Паркинсон, никого не наблюдалось. Чуть позже подтянулись ребята из Дурмстранга и пара слизеринцев-выпускников. Что-то тихо, но радостно обсуждая, пришли Гарри, Рон и Драко. Пилмаер и Миллисента появились с разницей в одну минуту. Витизлав разве что не бил копытом, усаживая рядом с собой слизеринку. Та села вместе с ним, а не рядом с Паркинсон, как обычно.

Большой зал потихоньку наполнялся учениками с разных факультетов, но народа было мало, а завтрак длился дольше обычного.

В тот момент, когда за преподавательским столом появился почему-то облаченный в парадную мантию Игорь Каркаров (Виктор тогда не знал, что видит директора своей школы живым в последний раз в жизни и запомнил его именно таким) в зал влетели четыре совы, которые приземлились на стол перед заканчивавшей завтракать Гермионой Грейнджер и поставили на него огромную корзину с алыми розами и спрятанной в них открыткой, которую сложно было не заметить.

Прочитав послание, девушка посмотрела на глядевшего на нее в упор Виктора и поняла, что ее губы сами собой растягиваются в улыбке, впрочем, несколько торжествующей и самодовольной.

Еще вчера вечером вернувшийся после разговора с Краммом Гарри объяснил ей, что на чемпиона Дурмстранга его фанатки наложили заклятие игнорирования избранницы и что он перед ней, Гермионой, обязательно извинится.

Извинения ей очень понравились, она поняла, что совсем на Виктора не обижается и не злится. И, вообще, очень рада его видеть. Поэтому положила открытку от него не в сумку, как хотела изначально, а во внутренний карман мантии, который находился как раз на уровне ее груди.

— Я вижу, тебя можно поздравить, — ехидно прокомментировал произошедшее Чаушеску. — О... Ты...- он заметил изменения, случившиеся с внешностью Крамма. Тот угрюмо посмотрел на Тадеуша. — Тебе идет, — резюмировал румын, а потом, все-таки, заржал. — Что любовь с людьми делает! — за что огреб подзатыльник от немца Хоннекера.

— Желаю всем приятного аппетита, — за столом появился Ушаков и направился на свое место, даже не взглянув на сидевшую в одиночестве Персефону.

— Девочки! — радовалась, тем временем, Гермиона. — Мы можем этими цветами украсить спальни и гостиные.

— У меня есть идея лучше, — возразил Невилл. — Это - очень дорогой и редкий сорт. Мы высадим черенки в теплицах, и у нас будут красивые розы круглый год.

Идея всем понравилась. Чтобы получательница букета не передумала и пока цветы были свежесрезанными, Кребб и Гойл сразу подхватили корзину и под предводительством Лонгботтома потащили ее во владения мадам Спраут.

— Посмотри! — обратилась, тем временем, к Гермионе Сьюзен Боунс. — Крамм ради тебя брови выщипал!

— Скорее, проредил. Ты это тоже заметила? А еще, он, похоже, стал немного выше ростом! — радостно отметила Ханна Аббот.

— Думаете, это из-за меня? — Гермиона сидела довольная-довольная, изредка поглядывая на Виктора

— Нет! Не ради тебя. Он влюбился в Диггори и решил сменить сексуальную ориентацию, — иронизировал МакМиллан.

— Ты пошляк, — хихикали девочки, а Седрик показал шутнику кулак.

С рейвенкловского стола за ним пристально наблюдала его девушка, Чжоу Чанг.

— Нет, вы видели?! Видели? — обсуждали тем временем произошедшее ее подруги.

— Крамм прислал Грейнджер корзину алых роз. Но, как же тогда Лестрейндж? Она же вчера приняла его предложение.

— Возможно, она ему только дала надежду и все еще выбирает.

— Вот что значит, оказаться в нужное время в нужном месте, — девчонки перемывали Грейнджер кости. — А ведь она просто маглорожденная.

Если бы в это время рядом с юными сплетницами оказался кто-то умный и взрослый, он объяснил бы им, что одной удачи мало, нужен еще ум и доброе сердце. Ведь все в вагоне четыре года назад знали, что Лонгботтом ищет свою жабу, но только Гермиона Грейнджер захотела ему помочь в самом начале. Что судьба не так слепа, как кажется со стороны. Поэтому каждому его собственная жизнь, в конце концов, становится наградой. А уж какой она станет, зависит лишь от самого волшебника.

Эти слова можно было в полной мере отнести к сидевшей за слизеринским столом в полном одиночестве Панси Паркинсон. Даже единственная подруга Миллисента ее оставила, предпочтя наслаждаться обществом своего кавалера Витизлава Пилмаера. Зрелище довольной, торжествующей Грейнджер и явно влюбленного в нее Виктора Крамма стало для Паркинсон последней каплей. Она, сдерживая слезы, выбежала из-за стола и пошла, куда глаза глядят, блуждая по коридорам и лестницам.

«Я хочу спрятаться, чтобы никто меня не нашел, забиться куда-нибудь» — неожиданно девочка увидела дверь в стене и толкнула ее вперед. Та подалась. Панси оказалась в огромной комнате, забитой разными вещами.

«Где я? Куда я пришла?» — она огляделась и первым ярким пятном, что привлекло ее внимание, оказался рыжий парик, валявшийся на каком-то невзрачном ящике. А поверх него лежала красивая диадема, самая прекрасная из тех, которые Панси Паркинсон когда-либо видела в своей жизни.

Глава 48

Конечно, папа с мамой неоднократно предупреждали Панси о том, чтобы та никогда не брала в руки и, не приведи Мерлин, не примеряла кем-то брошенные ювелирные украшения, тем более, очень дорогие и красивые. Но тиара была настолько прекрасной, что девушка не смогла удержаться и надела ее себе на голову. Все грустные мысли тут же куда-то исчезли, покинули ее сознание.

«Из-за чего я так переживала? Подумаешь, какой-то Малфой, какой-то Ушаков» — эти, казавшиеся ей еще пять минут назад привлекательными молодые люди, теперь виделись глупыми и ничтожными.

Панси вроде как о чем-то задумалась, о чем-то приятном, а когда пришла в себя, обнаружила, что стоит в Хогвартском коридоре и держит в руках красивую диадему.

«Дороже злата, ума палата» — прочитала она гравировку на ее обратной стороне.

«Неужели это — диадема самой Ровены Рейвенкло?!» — всем было известно, что такая реликвия существует, но ее не могли найти уже много веков подряд, а здесь такая удача! Сначала Панси хотела отправить свою находку отцу и даже спрятала ее под подушку и раньше всех и отправилась на обед, чтобы потом успеть сбегать в совятню. Но в коридоре встретила Ушакова, который окликнул девочку. Та решила, что он хочет с ней помириться, и уже размышляла о том, как тот будет просить у нее прощение. Уж точно корзиной роз не отделаются.

— Панси, тебе нравится чувствовать себя убийцей? — вопрос Владимира выбил у Паркинсон почву из-под ног.

— Убийцей? — девочка ничего не понимала. — Почему?

— Игорь Каркаров убит на дуэли. Наверно, ты радуешься? — лицо обычного выдержанного Ушакова исказила кривая гримаса.

— Ваш директор убит на дуэли? Но, при чем здесь я? — Панси все еще недоумевала, подозревая, что Ушаков свихнулся от злости на нее.

— Ты не понимаешь или притворяешься? — Владимир поражался ее цинизму. — Ты оговорила Гермину, надеюсь, что я все расскажу Виктору. Я сделал это, не хотел, чтобы он появлялся на балу с недостойной девицей. Лестрейндж за это вызвал меня на дуэль. По правилам Дурмстранга меня заменил директор школы, Игорь Каркаров, так как сохранение жизни учеников — это его личная ответственность. Лестрейндж его убил на дуэли.

— Я не знала, что все так закончится, — когда Панси оклеветала Грейнджер, она даже не подозревала, к каким трагическим последствиям приведет её враньё. Когда вчера на балу Владимир сделал ей выговор, Паркинсон подумала, что он выяснил, что она его обманула, и все. — Я не думала, что все пойдет настолько далеко, — Паркинсон попыталась оправдаться.

— А следовало бы. Раздобудь себе где-нибудь побольше мозгов, — Владимир не удержался и оскорбил девушку, с которой еще совсем недавно встречался и даже пару раз её поцеловал.

Та ничего не ответила и убежала, так и не пообедав, обратно к себе в комнату, напугав своим полубезумным видом сестер Гринграсс.

— Я не такая, я не убийца, — Панси разрыдалась, — Я не хотела! Не хотела! — девушка схватила себя за волосы и уткнулась лицом в подушку, обнимая ее. Пальцы Паркинсон невольно сжали лежавшую под ней диадему.

«Я должна надеть ее» — эта мысль стала такой навязчивой, что Панси даже испугалась, она хотела отбросить в сторону явно к чему-то принуждавшее ее украшение, но не

смогла, силы воли не хватило. Девочка подошла к зеркалу и примерила тиару. «Я должна ее прятать за волосами» — это была последняя мысль, которую она помнила. Дальнейшие два месяца Панси осознавала себя так, словно она брела в вязком тумане. Она не знала, ни где она, ни сколько времени прошло. Ей всегда хотелось есть и спать, Паркинсон ощущала страшную слабость. Иногда девочка приходила в себя и понимала, что находится на уроке или кушает в столовой, как-то раз она очнулась в подвале какого-то дома, но не могла себе объяснить, как она там оказалась, а затем все снова заволакивал туман. Однажды у нее очень сильно, невыносимо заболела голова, Панси, выгибаясь, царапая себе лицо, закричала, распахнула глаза и увидела лица двух склонившихся над ней людей: Гарри Поттера и черноволосого мужчины с удивительно красивыми синими глазами. Она хотела позвать их на помощь, попросить снять с нее проклятую вещь, но сил не хватило даже на шепот. После этого тумана больше не было, девочка провалилась в темноту, самую черную, которую только можно себе представить. Когда Панси очнулась в следующий раз, она увидела над собой белый потолок, повернула голову — за окном падал снег.

Девочка оперлась на локти и села на кровать.

«Я в больничном крыле» — поняла она. «Гарри и тот, второй — они меня спасли» — Паркинсон дотронулась до головы. Проклятой тиары, которую она приняла за диадему Ровены Рейвенкло, на ней не было.

«Так странно вновь быть хозяйкой собственного тела» — она опустила ступни на пол, а затем, цепляясь за кровать и за стены, медленной шаркающей походкой побрела по направлению к высокому стрельчатому окну. Дойдя до него, Панси коснулась лбом холодного стекла и бездумно уставилась на засыпанный белоснежным снегом школьный двор.

— Проходите, молодой человек, только недолго, — услышала она разговор у себя за спиной.

— Панси!

— Моя дорогая! Что Вы делаете? Стоите на полу босиком! Вы простудитесь, немедленно возвращайтесь в кровать! — возгласы Ушакова и мадам Помффри прозвучали одновременно.

— Я не знала! Я не хотела «ее надевать»... — Паркинсон медленно обернулась к Владимиру и хотела расплакаться, хватаясь за ручку окна, так как у нее от слабости закружилась голова и почва стала стремительно уходить из-под ног.

«Только не это! Только не обморок!» — усилием воли Панси заставила себя остаться в сознании, цепляясь за шею юноши, когда подбежал к ней, чтобы поддержать.

— Душечка, Вас никто ни в чем не обвиняет. Вам нельзя волноваться. Сейчас я принесу укрепляющее зелье и сообщу Вашим родителям, что Вы очнулись, — колдоведьма быстро удалилась за лекарством.

— Панси, — Ушаков подхватил девушку на руки, бережно усадил на кровать и взял ее руку в свою. — Ты ни в чем не виновата. Темномагический артефакт сводил тебя с ума. Мне Гарри все объяснил. Он спас тебя, а должен был я... — закончил юноша тихо. Каждый из вошедших принял ее оправдания на свой счет.

— Ты же ничего не знал. Я хотела ее снять и выбросить, но не могла, — произнесла Панси жалобно. Судя по всему, Поттер зачем-то ее отмазал перед Ушаковым, и тот списал ее клевету на помутнение рассудка.

«У меня все даже романтичнее, чем у Грейнджер» — подумала Паркинсон, глядя на то, как вставший перед ней на одно колено Владимир, целует ее запястье.

— У меня руки, как у цыпленка — испуганно произнесла Панси, разглядев, какими

тонкими стали ее пальцы. «Как у паучка». — Можешь наколдовать зеркало?

— Ты сильно похудела, — предупредил Ушаков. — Диадема вытягивала из тебя все силы, — он взмахнул волшебной палочкой и сделал всю противоположную стену зеркальной.

— Ой, — девушка испугалась собственного отражения, она себя не узнала.

У нее не могло быть такого узкого лица, ввалившихся щек, запавших глаз, острых, выглядывавших из-под выреза ночной рубашки ключиц и тонкой, словно у курёнка, шеи. От груди, которой Панси так гордилась, практически ничего не осталось.

«Я не одета» — поняла девушка с некоторым опозданием, натянула до самых ушей на себя одеяло и покраснела.

— Ты красивая Панси, ты поправишься, — поняв этот жест по-своему, поспешил успокоить ее Ушаков, обнимая и прижимая к себе, отчего девушка смутилась еще сильнее.

— О, моя милая! Как же ты нас напугала! — в палату ворвалась красивая, пышущая здоровьем немного полноватая, роскошно одетая женщина и бросилась обнимать дочь. Владимир лишь успел отскочить в сторону.

— Она в зеркало уже смотрится, так что все нормально, — следом за женой вошел мистер Паркинсон — мужчина лет пятидесяти, самодовольный, высокий и с необъятным животом.

— Владимир Ушаков, как я понимаю, — он посмотрел на парня, стоявшего возле кровати дочери, и протянул ему руку.

— Да, сэр, приятно познакомиться, — Владимир приготовился к неминуемой помолвке. В России так бы и произошло, застань их отец девицы в столь компрометирующей ситуации.

— Для тебя просто Гидеон, парень, — мужчина потряс его руку. — Слышал о тебе много хорошего.

— Я этого совсем не заслужил, — ответил Ушаков на всякий случай, так как не понимал, о чем идет речь.

— Не скромничай. Скромность украшает, когда больше нечему... — история с Каркаровым, конечно же, до мистера Паркинсона дошла. И роль, которую в ней сыграла его дочь, пожирателю смерти стала известна. Что, благодаря ее наговору на какую-то грязнокровку, удалось вызвать на дуэль и убить предателя. А ухажер Панси в этом тоже, вольно или невольно, участвовал. Значит — молодец парень и дочка умница. Замутила, хотя и не полностью самостоятельно, такую шикарную многоходовку.

— Молодой человек, я же сказала, ненадолго, — недовольно произнесла мадам Помфри.

— У Вас еще будет достаточно времени, чтобы общаться с молодой леди, — колдоведьма строго посмотрела на мистера и миссис Паркинсон и последняя поднялась с кровати дочери.

— А Вы, юные леди, — обратилась пожилая волшебница к заглянувшим в палату Миллисенте и Дафне, — зайдите потом.

— Годы идут, но Вы не меняетесь, дорогая Поппи, — Гидеон Паркинсон принял удар на себя.

— Разрешите откланяться, — вежливо попрощался Владимир Ушаков с родителями Панси и медсестрой, после чего быстро покинул медицинское крыло Хогвартса, выйдя в коридор Хогвартса, где на него тут же с расспросами набросились Миллисента, Пилмаер и увязавшаяся за ними Дафна Гринграсс.

«И это все?» — молодой человек был в очередной раз поражен царившей здесь свободой нравов.

— Англичанки, это не наши барышни! — распинался накануне перед учениками Дурмстранга назначенный директором и прибывший на соревнования Дамир Радич.

— Англичанки эмансипированные. Э-ман-си-па-ци-я, повторяю по слогам для тех, кто не понял — это когда ба... женщины делают, что хотят! Чаушеску, повторите!

— Эмансипация, — повторил он. — Значит, трахаться можно с кем угодно, а потом не жениться? — на всякий случай уточнил румын.

— Только с теми из них, кто сам дал, и следите, чтобы ни одна девица не забеременела! А то ни у одного из Вас до окончания школы больше не встанет! Свободны!

После этого разговора Тадеуш вернулся под утро и хвастался своей любовной победой над красавицей Ромильдой Вейн. Если бы кто-то удивился, что тот начал свои похождения столь рано, то ученики Дурмстранга покрутили бы у виска. Возраст согласия в социалистической Болгарии, к примеру, был двенадцать лет, а в СССР и вовсе использовали слово — половозрелый. Но там развлекаться, все же, было принято с магглами, а волшебницы блюли себя до свадьбы. Поэтому в Великобритании все казалось непривычным и странным.

«Злословить нельзя — на дуэль вызовут, а трахать и не жениться — можно сколько угодно» — эмансипация у Ушакова в голове не укладывалась.

— Папа, а мне за то, что я носила диадему, ничего не будет? — тем временем расспрашивала Панси своего отца.

— О, доченька, ты же ничего не знаешь! — оживилась ее мать. — Дамблдора поразила старческая деменция, он впал в полный маразм и сейчас находится в госпитале имени святого Мунго в отделении для безнадежных пациентов! — женщина даже не пыталась скрыть свою радость.

— Но это официальная версия, — массивный Паркинсон наложил полог тишины и продолжал. — Наш, — мужчина чуть не произнес Милорд, — Избранный сразился с Дамблдором на дуэли и победил его.

— Поттер с директором сражался? — у Панси рот открылся от изумления.

— Да, тот напал на него, когда Избранный (по мнению мистера Паркинсона, Милорду подходило лишь такое определение) пытался тебя спасти от проклятой диадемы.

— Но их было двое, папа. Поттер и его крестный, — Паркинсон вспомнила, где она видела того синеглазого брюнета. В газете на фотографии. — Он ведь тоже из наших?

— Дочка, мы все были под закланием Империи, — осторожно ответил ей отец. — Кто же теперь скажет? А крестного своего Избранный вызвал на подмогу, тот же в Аврорате служит начальником отдела оперативного реагирования.

— Кто теперь директор? — Панси устала удивляться произошедшим за время ее забвения переменам.

— О! Старик Слаги. То есть, Гораций Слагхорн!

— Прекрасный человек, — произнесла низким грудным голосом миссис Паркинсон, — уже факультатив по этикету и танцам организовал. А то, говорит, ученики Хогвартса переминались с ноги на ногу во время праздничного Бала, за исключением Слизерина, конечно, словно гуси на льду...

«Танцы — это хорошо. Попрошу Владимира ассистировать мне на занятиях» — Паркинсон выпила лекарство и почувствовала, что засыпает, но на этот раз здоровым, приносящим силы сном. «Поттер, он такой странный, коробочка с двойным дном» — погружаясь в страну грез, девочка подумала, что о том, что с ней произошло на самом деле, она никогда не узнает. Не от Избранного, это точно. Не те у них сложились отношения.

Глава 49

— Панси, — примерно через неделю после того, как девушку выписали из больничного крыла, к ней после ужина подошел Гарри Поттер. — Хочешь узнать, от чего я тебя спас на самом деле?

— Да, — честно созналась слизеринка. Ей совсем не нравилось, что из ее жизни выпало целых два месяца.

— Мне нужен непреложный обет, что ты никому никогда не расскажешь и не поведаешь иным способом ныне известным или в будущем изобретенным о том, что произойдет этим вечером, о том, что ты увидишь и услышишь этим вечером.

— А ты пообещай, что не сделаешь мне ничего плохого, — Паркинсон решила перестраховаться.

— Я не стану торговаться с тобой, Панси. Или да, или — нет, решай сама, — Гарри сделал вид, что его устроит любой исход дела.

«Не для того он меня спас, чтобы убить. И, вообще, он же — избранный», — Панси было страшно, но любопытство пересилило, поэтому она повторила слова клятвы слово в слово.

— Тогда, пойдем, — Гарри невербально накинул на себя и Паркинсон чары незначительности и незаметности так, что на них по дороге ученики даже пару раз натыкались, но не извинялись, так как не могли понять, перед кем, и повел девушку в заброшенный женский туалет на втором этаже.

«Он хочет меня изнасиловать или побить?» — когда Поттер запечатал закрывшуюся за ними дверь каким-то неизвестным Панси заклинанием, та подумала, что тот завлек ее в ловушку, а ведь она теперь даже пожаловаться никому не сможет! Девушка приготовилась к худшему, так как знала, что долг жизни не позволит ей сопротивляться в полную меру.

Каково же было удивление Панси, когда Гарри, не обращая на нее никакого внимания, подошел к раковине и что-то прошептал изогнутому в виде змеи вентилю. Змейка ожила и что-то прошипела в ответ, после чего раковина вместе с частью стены сместилась в сторону, открывая в образовавшемся проеме зияющий темнотой крутой спуск в хогвартские подземелья. Паркинсон медленно подошла к его краю и со страхом заглянула в черный пролом.

— Что это, Поттер? — спросила она шепотом. — Ты змееуст? — истина открывалась ей медленно. — Но ведь змееустом был Темный Лорд...

— Который об меня убился, — Гарри дотронулся до своего шрама и подмигнул ей. — Иди за мной и держись за перила, — подросток взмахнул волшебной палочкой, и в почти вертикальном провале появилась освещаемая магическими факелами винтовая лестница, — он пошел первым, подав руку Паркинсон, чтобы та, если бы оступилась, не пересчитала все ступеньки.

— Закройся, — прошипел он на парселтанге и проем за их спинами затворился.

После довольно продолжительного спуска слизеринцы оказались в тоннеле с высокими сводами, под ногами что-то постоянно хрустело. Освещавшая себе путь волшебной палочкой Панси посмотрела вниз, увидела валявшиеся на каменной кладке раздробленные кости мелких животных и чуть не закричала от ужаса.

— Что это? — она наткнулась на что-то объемное и все-таки взвизгнула.

— Они мертвые уже давно, они на тебя не набросятся, — Гарри, тем временем, решил, что страху на Паркинсон он нагнал уже предостаточно, тем более, что худшее ее ждало впереди, поэтому взмахом волшебной палочки зажег факелы на стенах.

— Это кусок сброшенной шкуры василиска, — объяснил буднично мальчик, словно в наличии шкуры реликтового магического животного нет ничего необычного.

— Василиска? — Панси застыла на месте, чувствуя, как от страха у нее подкашиваются ноги.

— Это — шкура, сброшенная, — повторил Гарри так, словно та не понимала элементарные вещи, схватил девушку за запястье и потащил за собой.

Подойдя к дверям с замком в виде змей, у которых глаза были сделаны из настоящих изумрудов, мальчик снова что-то прошипел, змеи ожили, зашипели в ответ и тяжелые, окованные чистым золотом, больше похожие на ворота створки дверей медленно и бесшумно распахнулись перед слизеринцами.

— Осторожно, не поскользнься, — Гарри ввел Паркинсон в огромный (такие она еще не видела) покрытый с пола до потолка зеркалами, больше похожий на пещеру тролля зал, посреди которого лежал самый настоящий василиск.

— Не волнуйся, он окаменел. А, вообще-то, когда я за тобой сюда прибежал, он хотел тебя съесть, Панси, — ласково сообщил мальчик своей однокласснице. После чего Паркинсон, все-таки, закатила глаза и свалилась в спасительный обморок.

— Просто какое-то дежавю, — обреченно вздохнул Гарри, подхватывая слизеринку на руки. — Если бы я знал, что ты такая трусливая, Паркинсон, я придумал бы что-нибудь попроще для того, чтобы тебя запугать, — обратился он к бессознательной девушке, перед тем, как пустить ей в лицо струю воды, чтобы привести ее в чувство.

— Это хотело меня съесть? — Панси очнулась и указала на василиска, отражение которого с оскаленной пастью и обнаженными огромными клыками смотрело на нее со всех сторон.

— Да, — произнес Гарри, глядя на нее почти ласково. — Василиску, чтобы жить, надо убивать одного волшебника раз в пятьдесят лет, — беззастенчиво врал он. — Диадема, которую ты надела на голову, была создана, чтобы приманивать сюда жертв, — голос мальчика гулко разносился под сводами зеркальной пещеры, а в его многочисленных отражениях можно было заблудиться.

— Ты его победил? — чувствуя себя глупой и беспомощной, спросила Панси.

— Вместе с крестным. Иначе мы сейчас с тобой не разговаривали бы.

— Но почему эта диадема выбрала меня? Я ведь не грязнокровка, — удивилась Паркинсон.

— Грязнокровки, это как раз дочери тех чистокровных снобов, которые веками не обновляют кровь и заключают близкородственные браки, Паркинсон. На вас же проклятий, как блох на бродячей собаке. Вот возьмем, к примеру, мою мать, она была магглорожденной волшебницей, Грейнджер — тоже магглорожденная, а Волдеморт — сын маггла.

— Ты врешь! — закричала Панси. — Он потомок самого Салазара Слизерина!

— Со стороны матери, ее фамилия Гонт, она была почти сквибом. Косоглазой и некрасивой жертвой инбридинга, которая опоила отца приворотным зельем и умерла сразу после родов! — в ярости закричал на нее Поттер. — У Дамлбдора мать магглорожденная, у Снейпа отец — маггл, он является одним из самых талантливых зельеваров современности! Когда, Вы, чистокровные, научитесь думать головой?! Такого Избранного Паркинсон никогда не видела, невольно шарахнулась от него в сторону, поскользнулась и плюхнулась, больно ударившись о зеркальную поверхность пола, на попу.

— Но, Милорд, он же говорил... — она осеклась, испуганно глядя на Поттера снизу-вверх.

— А что можно еще говорить, учась среди этих чистокровных снобов? Этот Абракасас, с его платиновыми запонками, или Вальпурга, у которой спеси было больше, чем ее куриных мозгов, что бы они сделали с сиротой-полукровкой, который воспитывался в маггловском детском доме?! — спрашивал Избранный у Паркинсон, его шипящий голос звучал глухо и зловеще.

— Эта диадема была сделана для того, чтобы подманывать самую глупую, ничтожную, отчаявшуюся, никому не нужную жертву, которой никто никогда не пришел бы на помощь, — закончил Поттер тихо и зло. — Но я тебя спас ради твоего отца.

— М... Милорд? — Паркинсон, которая до этого сидела на полу, сжавшись в комок и зажав уши ладонями, встала на четвереньки и поползла к тому, кого все принимали за Гарри Поттера. — Простите меня, Милорд, — она расплакалась, хватаясь пальцами за полу его мантии.

«Наконец-то» — выдохнул про себя Гарри и мысленно выдал себе Оскара.

Зачем он разыграл перед Панси Паркинсон это представление и напугал ее до полусмерти? Александра Владимировна знала, что есть на свете категория людей, которые признают лишь грубую силу и способны уважать только тех, кто их запугивает и унижает. А честность и доброту принимают за дурость и мягкотелость. Паркинсон, к сожалению, была именно такой. Гарри же, ради спокойствия на факультете, нужна была полная лояльность этой не очень умной, амбициозной и магически сильной девочки.

— Панси, — голос Избранного смягчился. — Право так меня называть надо еще заслужить, — он потянул полу мантии на себя, отнимая ее у Паркинсон. — Ты не перепутала мою одежду со своим носовым платком?

— Простите меня, повелитель! — девочка продолжала размазывать сопли по зеркалу. — Я жду от Вас, мисс Паркинсон, в дальнейшем — Гарри использовал интонации МакГонагалл, — разумного и доброжелательного поведения. Вы обязаны извиниться перед Дафной Гринграсс за свои откровения и в будущем — никакой самодеятельности. И да, — добавил он безо всякого перехода. — Помнишь, Панси, что я обещал с тобой сделать, если ты еще раз попробуешь навредить Грейнджер? Силенцио! Круцио! — за миг до того, как тело Панси вывернулось дугой от боли, а рот девушки открылся в беззвучном крике, она успела заметить, что в руках у «Поттера» была не его волшебная палочка, а другая — некрасивая, потемневшая от времени и узловатая.

«Получилось» — до этого второе непростительное заклинание Гарри вместе с членами «союза семерых» использовал лишь на крысах и пауках.

Он удержал его всего две секунды, но у Паркинсон за это время успела пойти носом кровь. Подросток не поленился, наклонился и вытер ее с лица девушки своим платком. «Пригодится как-нибудь».

А затем вытащил из кармана мантии шоколадку и разломил её на две половинки.

— Съешь, Панси, — он протянул шоколад смотревшей на него со страхом и подобострастием девушке. — И больше никогда не оспаривай моих решений.

— Добби, — Гарри позвал домовика. — Перенеси, пожалуйста, меня и юную леди к двери, ведущей в слизеринскую гостиную.

Тот с радостью выполнил поручение.

— И еще, Добби. Принеси Панси несколько красивых чешуек, чтобы хватило на серьги и ожерелье, — Поттер помнил принцип: одной рукой бей, другой — одаривай. По крайней мере, таких, как Паркинсон.

— Панси, желаю тебе приятного вечера, — сказал он девочке, как ни в чем не бывало и, назвав пароль, распахнул появившуюся перед ними дверь, чтобы Паркинсон смогла пройти в гостиную.

— Драко! У тебя еще остался тот прекрасный бельгийский шоколад? — устроенное представление со спецэффектами Гарри изрядно вымотало. Поедая вторую плитку подряд, Мальчик-Который-пристукнул-Дамблдора лежал на кровати и вспоминал безумные события прошедших двух месяцев.

Глава 50

Все началось спустя два дня после Святочного Бала.

— Мы его починили! — радостно доложили близнецы Уизли Гарри Поттеру, имея в виду исчезательный шкаф.

Второй хорошей новостью явилось то, что Рабастан Лестрейндж, пообщавшись с Фредом и Джорджем, решил выделить им тысячу галеонов подъемных средств для открытия бизнеса.

— Так что, это — наш последний год в школе, — сообщили Гарри рыжие «Кулибины». И, естественно, захотели прогуляться по Лондону, в котором никогда до этого не были. Поттер же, на свою голову, решил организовать экскурсию для «Союза Семерых». Те обрадовались, но Гермiona спросила, нельзя ли взять с собой Виктора Крамма, и тут же Драко захотел пригласить Асторию, а Рон — Дафну. Делать было нечего, пришлось разрешить под клятву о неразглашении. Таким образом, наличие Выручай-комнаты становилось тайной Полишинеля. Хотя, в той, другой реальности, про нее тоже знали очень многие.

Затем Гарри вспомнил, что Малфой и Уизли, по большому счету, — деревенские жители, которые кроме своего дома, Косой аллеи, платформы Центрального железнодорожного вокзала Лондона и Хогвартса вообще ничего в жизни не видели. Огромный мегаполис мог их напугать.

Поэтому сначала Гарри пришлось выбраться в Лондон одному и с помощью крестного заказать двухэтажный экскурсионный автобус, остановка которого оказалась совсем недалеко от дома Сириуса, благо, тот находился в исторической части города.

Для того, чтобы его друзья не выглядели странно, хотя в те времена это трудно было сделать в Лондоне с его молодежной провокационной модой, мальчик научил их заклинанию, вычитанному в дневнике Регулуса Блэка, расшифровка которого на латыни означала: «Одет в полном соответствии со случаем». Вероятно, Том Риддл его придумал, чтобы выглядеть не хуже своих богатых одноклассников, и трансфигурировал в разнообразные наряды свои подержанные мантии и старую обувь.

«Если бы не его танатофобия — генерализированный страх смерти, какой гениальный ученый получился бы!» — подумал Гарри в который раз.

Перед походом в маггловский Лондон Сириус Блэк, который выглядел среди компании подростков скаутским вожатым, собственноручно изъясил у всех, кроме Виктора Крамма, который был совершеннолетним, волшебные палочки.

«Во избежание» — объяснил бравый аврор. «Отдам, когда вернетесь в мой дом» — все нехотя, но подчинились, так как это было меньшим злом, нежели прибытие отца Рона Уизли, если бы юные волшебники от страха начали бы колдовать.

Лондон, с его красивыми мостами, величественными зданиями и великолепной новогодней подсветкой произвел на Гарри, отвыкшего от маггловского мира, огромное впечатление, а Драко на следующий день и вовсе выглядел подавленным.

— Дедушка говорил, что магглы передвигаются по ужасным дорогам на запряженных лошадьми повозках, — произнес он, в конце концов. — Он рассказывал, что они грязные, невежественные и немые.

— Возможно, в той деревне, что находится недалеко от Вашего поместья, во времена его юности так и было, — объяснил Гарри. — Но Лондон — это столица огромной империи. Тот паровоз, на котором мы каждый год приезжаем в школу, был построен задолго до рождения твоего деда.

— Магглов так много, — тоскливо произнес Малфой. — Что нам теперь делать?

— Мимикрировать, — ответил Гарри. — Изучать их технологии, ставить на руководящие должности лояльных нам менеджеров, зарабатывать на магглах деньги. Ты же сам сказал, что их очень много.

Драко задумался и надолго.

— Гермiona, — обратился он как-то раз после завтрака к Грейнджер. — Ты ведь училась в этой, маггловской школе?

— Я начальную закончила. — Призналась та. — Иногда подумываю поступить на заочное обучение в среднюю и сдавать экзамены летом экстерном. Но не знаю, хватит ли мне времени...

— Хватит, — уверил ее Малфой. — Давай, устраивайся туда. Учиться будем вместе. И уже через две недели Гарри (у Александры Владимировны было два высших образования и она выучила двоих детей) втолковывал в ясные головы Союза Семерых основы алгебры, геометрии, географии и биологии. В дополнение к этому он начал разучивать с друзьями заклинания, которым пятнадцатилетнего Регулуса Блэка учил Волдеморт.

Но это еще не все. То ли близнецы Уизли оказались слишком глазастыми, то ли экскурсовод — болтливым. Но компания, состоявшая из Фреда, Джорджа, Рона с Дафной, Винсента, Грегори и Гермiony, которая не могла «отпустить мальчиков одних в такое значное место», а так же присоединившегося к своей девушке Виктора Крамма, повадилась посещать по субботам и воскресеньям маггловские ночные клубы. Чемпион Дурмстранга «обласкивал» охранника, стоявшего на входе, конфундусом, и все быстренько мимо него проходили.

— Сириус, — обратился как-то раз Гарри к своему крестному, которого вызвал на помощь, чтобы выволочь из туалета ночного клуба обкурившегося марихуаной, хохотавшего Винсента Кребба. — А есть такое заклинание, чтобы разом их всех собирать в одном месте и они, несмотря на свое состояние, всегда слышали вызов, знали, где я нахожусь, и не могли на него не ответить?

После чего мистер Блэк посмотрел на крестника странным взглядом и ответил, что волшебник, который подобным образом собирал своих друзей, оставил ему, Гарри, на лбу всем известную отметину.

«Однако, в этой темной метке был определенный смысл, если вспомнить, с кем именно Том Риддл имел дело» — конечно, ничего подобного со своими друзьями мальчик делать не хотел. Татуировка — это слишком заметно. А так же юный волшебник был против принуждения лояльных ему людей, иных в своем ближайшем окружении он видеть не хотел.

«И, вообще, это не наши методы. Но, да, очень удобно» — размышлял Гарри, разыскивая Рона и Дафну в огромном доме Сириуса и обнаружив тех в одной из гостевых спален в таком виде, что характер их занятий нельзя было толковать двояко.

— Астория! Он сделал мне предложение! — радостно сообщила старшая из сестер Гринграсс, вернувшись в слизеринскую спальню.

Так или иначе, Рон Уизли был воспитан в старых традициях и, как порядочный человек, когда Гарри случайно обнаружил его связь с Дафной, предложил той свою руку и сердце.

— Поздравляю... Дай поспать! — пробурчала Астория и перевернулась на другой бок. Часы показывали пять утра.

Кроме всего этого Гарри еще надо было когда-то учиться и делать уроки. Свободного времени у него совсем не осталось, он завертелся, закрутился и наличие диадемы на месте не проверял больше месяца.

Сначала мальчик хотел спрятать ее в своем сейфе, но побоялся, так как не знал, как хоркрусы друг на друга реагируют. В доме Сириуса подобную гадость держать не хотел, так как там жили маленькие дети. Выручай-комната казалась Гарри вполне безопасным хранилищем, поскольку никто, кроме носящего в себе частичку Волдеморта, не мог вынести оттуда заколдованную диадему Ровены Рейвенкло.

Все предусмотреть невозможно, с тиарой можно было уйти, если дух Волдеморта, заточенный в ней, завладел бы тем или той, кто ее примерил. Но Гарри подумал, что это украшение пролежало в Выручай-комнате уже больше сорока лет и его никто не нашел, значит, волноваться не о чем. Но жизнь показала, что он ошибся.

«У нас с Паркинсон одинаковые черные круги под глазами» — однажды, завтракая после очередной бессонной ночи с субботы на воскресенье, Поттер подумывал, не заблокировать ли ему шкаф, а друзьям сказать, что тот снова сломался. После чего обратил внимание на кушавшую в одиночестве, сидевшую на самом дальнем конце скамьи Панси.

«Она так похудела. Не проклял ли ее кто-нибудь из Дурмстранга?» — Гарри удивило то, что девочка выглядела изможденной и тощей, и это при том, что она ела за троих.

Мальчик решил за ней понаблюдать.

Увиденное настораживало. Панси перестала со всеми общаться, здоровалась и отходила в сторону, хотя никто ее не прогонял. Все свое свободное время девочка просиживала в библиотеке, причем, у нее оказался подписанный Слагхорном допуск на получение книг из запретной секции.

«Клеймение тонкорунных овец» — ночью Гарри с удивлением рассматривал вытасченный им библиотечный формуляр, в котором были указаны книги, сданные за последний месяц Паркинсон.

«Где Панси, а где скотоводство? Это все очень странно» — выбор литературы удивлял. Гарри решил почитать книгу про разведение овец. Та оказалась древней, написанной от руки на пергаменте, пятнадцатого века. Продираясь сквозь устаревшие слова и витиевато составленные предложения, мальчик понял, что в те времена широко использовалось магическое клеймение овец, но смысл был не только в знаке хозяина. Можно было нажать волшебной палочкой на клеймо и сбегалось все стадо, даже если оно разбрелось далеко по склонам. Те овцы, что пытались приказ игнорировать, испытывали сильную боль и, в результате, погибали. Так выбраковывали агрессивных особей — бескровно и на расстоянии. Но, в то же время, хозяин всегда знал, если на животное из его стада напал волк или оно заболело, и мог аппарировать прямо к нему. Так же владелец чувствовал, если кто-то из стада погибал. Но аппарировать уже не мог, так как связь прерывалась.

Рисунок клейма при продаже животного можно было менять, но для этого надо было произнести контрольные слова, которые использовались при первоначальном клеймении.

«Верность навсегда» — эта надпись была выведена красивым почерком на полях книги как раз напротив соответствующего абзаца.

«Значит, Волдеморт знал, что Регулус мертв, и мстил» — Гарри понял, что именно представляла из себя черная метка Пожирателей Смерти. А затем в ужасе разглядел, что чернила на пергаменте совсем свежие.

Худая Панси, ее измученный вид, прекрасная успеваемость и нежелание ни с кем общаться, высокая прическа на голове, странный выбор книг — все складывалось в одну страшную картину.

«Только не это!» — Гарри знал, что хоркрус из диадемы Ровены Рейвенкло Том Риддл

создал до того, как пошел устраиваться в Хогвартс учителем З.О.Т.И. Слизеринец предположил, что Волдеморт мог узнать о волшебном методе клеймения овец уже после этого из другого источника, так как на работу его не приняли. А сейчас под видом ученицы Тёмный Лорд овладевал недостающими знаниями и медленно убивал Панси Паркинсон, черпая ее жизненные силы для своего возрождения.

«Про то, что он потом нашел нужные книги, эта версия Волдеморта может не знать и, овладев телом Панси, изучает библиотеку,» — схватив Руку Славы и накинув мантию-невидимку, Гарри бросился по направлению к Выручай-комнате. Диадемы на старом ящике, стоявшем рядом с бюстом какого-то волшебника, ожидаемо не оказалось.

Глава 51

«Надо срочно сообщить Рону, чтобы послал патронус в спальню к Дафне, вызвал ее в гостиную и попросил оглушить спящую Панси ступефаем, а потом поддерживать заклинание и дождаться меня» — план спасения Паркинсон у Гарри сформировался моментально.

На всякий случай он открыл карту мародеров, чтобы убедиться, что жертва хоркруса находится в своей спальне. Ее там не оказалось.

Маленькая точка, подписанная, как Панси-Паркинсон (карта показывала не душу, заключенную в теле, а то имя, которым называли тело, в котором была заключена душа) передвигалась по направлению к заброшенному туалету, где обитала Плакса Миртл.

«Он среди ночи свою зверушку навестить решил?» — сражаться с василиском очень не хотелось. Гарри стало как-то нехорошо, даже затошнило. Своим предчувствиям мальчик еще в бытность Александрой Владимировной доверять привык, они ее, как правило, не подводили. Поэтому, покинув Выручай-комнату, Гарри послал патронус Сириусу, чтобы тот, как можно быстрее, пришел на восьмой этаж к портрету танцующих троллей, что это — дело жизни и смерти.

Панси Паркинсон, одержимая духом Волдеморта, тем временем, уже скрылась в обители вечно ноющего призрака Хогвартса, а затем ее изображение исчезло. Это могло означать лишь одно — она открыла дверь в Тайную Комнату, которая не была нанесена на карту Мародеров, и начала в нее спускаться.

«Если Том Риддл уже разбудил василиска — это катастрофа» — Гарри представил, что в таком случае может произойти в школе, в которой полно иностранных студентов.

— Гарри, что случилось? — из Выручай-комнаты, от которой мальчик еще не успел далеко отойти, выскочил наспех одетый Сириус Блэк.

— Я тебе потом все объясню. Времени нет совсем. Надо спасти одну девушку, но потихому, — Поттер в очередной раз подумал, насколько легче сотрудничать с Люциусом. С Малфоем было все просто — тот выполнял задания и не спрашивал ни о чем. Но отец Драко не был боевиком, а в этом конкретном случае его привлекать было нельзя.

— Хорошо, — согласился Сириус после мгновенного раздумья, глядя на крестника с подозрением. — Но потом ты мне все расскажешь.

— Добби, — позвал Гарри домового эльфа. — Перенеси нас к входу в туалет Плаксы Миртл. Но, пожалуйста, очень тихо и чтобы тебя никто не видел.

Тот ответил, что рад служить Гарри Поттеру, сэру, и выполнил приказ того, кого сам выбрал своим хозяином.

— Что это за... — мужчина увидел проем в стене. Договорить Сириусу Гарри не позволил, накрыв его губы своей ладонью. — Не шуми.

— Нам надо туда спуститься. Панси одержима проклятой диадемой и идет прямо в пасть к василиску. Поэтому смотреть надо только под ноги или на стены, но вперед — ни в коем случае, — Гарри выдавал версию максимально приближенную к действительности и в очередной раз вспомнил о безотказном Люциусе Малфое.

— Ты хочешь сказать, что это — вход в Тайную Комнату? — с сомнением, близким к неверию и одновременно с восторгом шепотом спросил Сириус.

— Да, это она. Добби, перенеси нас вниз, — мальчик не оставил крестному времени на размышления.

— План такой, — продолжил он, накладывая полог тишины, накидывая на них обоих мантию невидимку и поднимая над головой Руку Славы, после того, как Добби спустил их в подземелья. — Мы находим Панси, или василиска, или василиска вместе с Панси.

Хватаем Паркинсон и аппаратуем.

— Куда? — уточнил домовик.

— Лучше всего — в туалет наверху, — ответил Гарри.

— Потом ты, Сириус, приведешь туда Фаджа. Диадема — это еще один хоркрус, — признался Гарри. — Тот-кого-нельзя-называть пытается возродиться.

— Откуда ты это знаешь? — Блэк остановился на месте, пылливо вглядываясь в глаза крестника.

— Леди Хелена, Серая дама рассказала Кровавому Барону, что Том Риддл, которому она раскрыла секрет, где искать диадему ее матери, сделал из нее очень злую вещь и сейчас с помощью Панси пытается возродиться, затащив Паркинсон в Тайную Комнату к василиску. Кровавый Барон рассказал мне это сегодня ночью, когда я гулял по коридорам. Я посмотрел на карту и увидел, куда Панси идет, — сочинял на ходу Гарри, злясь, что из-за подозрительности Сириуса они теряют время.

— Ты нашел общий язык с привидением? — удивился мужчина.

— Том Риддл же нашел. Почему бы мне не найти? — спросил мальчик почти раздраженно. — Ты знаешь заклинание, которое превращает стену в зеркало?

— перевел он разговор на другую тему и пошел вперед по коридору.

— У магглов есть легенда о Медузе Горгоне, — объяснил он догнавшему его Сириусу.

— Каждый, кто встречался с ней взглядом, превращался в камень. Герой, который ее победил, между собой и ней выставил свой щит. Она увидела в нем свое отражение и окаменела. С василиском можно сделать то же самое... — резюмировал Гарри.

— Это гениально! — восхитился шепотом бывший мародер. — Я наколдую зеркало в то время, как Добби схватит Панси.

— Если они сейчас вместе. Если вызволим Паркинсон до встречи с василиском, то Добби пусть сразу вытаскивает ее отсюда. Только до диадемы пусть не дотрагивается. Она кого угодно с ума сведет, — предупредил слизеринец. — А потом можно вызывать Фаджа с невыразимцами, пусть сделают здесь все зеркальным. Но если мы сами справимся, то стену как-нибудь закроем и про василиска никому не скажем. Он нам еще пригодится. Наврем всем, что поймали Панси в заброшенном туалете, что она тут плакала и хотела наложить на себя руки, — предложил Гарри.

— Хорошая идея, — Блэк тут же утратил всю свою подозрительность. Дух авантюризма в нем взял вверх над здравым смыслом.

— Кажется они там, — он указал на распахнутые, окованные желтым металлом ворота, за которыми в глубине огромного, освещенного волшебными факелами зала виднелась огромная змея и стоявшая перед ней, казавшаяся на фоне гигантской змеи совсем маленькой, девушка. Они разговаривали, но о чем именно — понять было невозможно. До Гарри долетали отдаленные слова, произносимые на парселтанге завладевшим сознанием Панси Томом Риддлом: «Съешь труп, чтобы не нашли... Я за тобой вернусь...» Сириус слышал лишь змеиное шипение, которое вырывалось изо рта девушки.

— Если кто-то из нас окаменеет, то это лечится настойкой сока мандрагоры, — испытывал ли Гарри страх? Да. Паниковал ли он? Нет.

Эта особенность ему передалась от Александры Владимировны. В критических ситуациях она всегда сохраняла самообладание и ясность мысли, что неоднократно позволяло ей вырвать победу из лап поражения. Страшно ей становилось уже потом, и она долгими ночами накручивала себя на тему: «А что было, если бы было?» И успокаивала себя тем, что история не выносит сослагательного наклонения.

— Гарри, — стоявший под мантией-невидимкой с крестником почти в обнимку Сириус осознавал, что через несколько минут он может погибнуть. А что-то очень важное в

своей жизни он так и не сделал. — Прости меня, что я сомневался в тебе. И, вообще, прости, — он не сказал, ни Гарри, ни Джим. Он просто взял лицо крестника в свои ладони, притянул свое наваждение к себе и поцеловал так, как целуют последний раз в жизни.

— Мы это обязательно повторим, — через некоторое время Гарри, обнимая Сириуса, медленно приходил в себя, пытаясь унять головокружение и глядя своего будущего любовника по небритой, колючей щеке.

«Вот так, все лучшее в жизни происходит быстро и без предупреждения, перед лицом возможной гибели!» — возмущалась про себя не целованная уже два десятка лет Александра Владимировна. Родственные поцелуйчики в щеку не считались. От ощущения несправедливости у Гарри вместе с эрекцией даже волнение прошло.

Но, одновременно с этим, очень радовало и воодушевляло то, что Сириус его явно любил и хотел, а остальное не имело значения.

«Панси спасем, ящерицу на ингредиенты!» — Гарри овладел кураж. Настроение превратилось в боевое.

— На счет три, — скомандовал мальчик. — Раз, два, три!

— *Speculum est super mirum!* — четко произнес Сириус, обрисовывая волшебной палочкой контуры пещеры, зажмурив глаза и привлекая к себе внимание змеи.

Гигантский василиск оскалился, чтобы набросится на противника, открыл глаза и с грохотом, стократно отраженным от стен зеркальной пещеры, окаменев, рухнул на пол. В ту же секунду Добби схватил дезориентированного произошедшим Тома Риддла в теле Панси и аппарировал к Гарри, который обездвигил Волдеморта ступефаем.

— Прости, Том — обратился мальчик к бешено сверкавшей глазами «Панси». — Ничего личного. Но в школе, в которой полно детей, василиску не место. Да и родители Паркинсон расстроились бы, если бы она умерла, — добавил он.

Сириус, тем временем, трансфигурировал кость животного, валявшуюся на полу, в палку с крюком на конце, стащил с головы девушки хоркрус и отбросил его в сторону.

После чего Панси Паркинсон выгнулась дугой, дико закричала, хватаясь за голову, царапая ногтями свое лицо, распахнула глаза, глядя на своих спасителей безумным, переполненным надеждой взглядом и что-то пыталась прошептать, а затем закатила глаза и затихла.

— Живая, и хорошо, — констатировал Сириус, проверив ее пульс. — Добби, спасибо, — обратился он к домовику. — Ты нам очень помог.

Тот бросился уверять Сириуса, что счастлив помогать Гарри Поттеру, самому великому и доброму волшебнику. Со стороны это напоминало вид буйного помешательства. Мальчик насилу его успокоил, пообещав, что это — не последнее поручение. — Перенеси нас всех обратно наверх.

— Кажется — все, — устало выдохнул Гарри, устраивая бессознательную Панси на полу у стенки туалета Плаксы Миртл.

Стоило им с Сириусом покинуть коридор, ведущий в Тайную комнату, как пролом в стене за ними плавно закрылся, раковина вновь встала на свое место.

— Так даже лучше, — констатировал мужчина. — Когда нам понадобится туда спуститься, мы просто выломаем стену.

Гарри согласился, не желая признаваться в том, что разговаривает на языке змей.

В результате они с Сириусом приняли за рабочую версию то, что мальчик, страдая бессонницей, сидел в гостиной и увидел, как, несмотря на комендантский час, Панси Паркинсон вышла в коридор. После чего слизеринец решил за ней проследить и увидел, что она направилась в заброшенный туалет. Там она разговаривала с зеркалом на каком-

то шипящем языке, Гарри испугался, что она одержимая, и решил ее оглушить. Затем вызвал своего крестного, служившего в аврорате. Тот обнаружил проклятую диадему, снял ее с девочки и решил на всякий случай вызвать Фаджа. Поскольку в школе полно иностранных студентов и случившееся могло быть провокацией.

Договорившись с крестником о разнообразных деталях, делавших рассказ еще более правдоподобным, и отпустив Добби, Сириус направился в апартаменты Горация Слагхорна, чтобы связаться с Фаджем через камин декана Слизерена. Гарри Поттер, стащив с себя мантию-невидимку, сел возле бессознательной Панси Паркинсон и несколько раз повторил про себя разговор с крестным, чтобы не путаться в мелочах во время дачи показаний.

«Надеюсь, сегодня у меня больше не будет никаких приключений» — зевая, подумал мальчик, глядя на валяющуюся у его ног диадему Ровены Рейвенкло. Но его надежды не оправдались.

— Том, неужели ты думал, что сможешь меня провести? — на пороге туалета Плаксы Миртл собственной персоной стоял Альбус Дамблдор.

Глава 52

Альбус Персиваль Вульффрик Брайан Дамблдор родился во времена правления королевы Виктории. В ту пору дети с десяти лет работали на фабриках, их били розгами, сажали в тюрьмы, как взрослых, и многим из них каморка под лестницей Гарри Поттера в доме его тетки показалась бы царскими хоромами.

Конечно, волшебники относились к своим детям гораздо лучше, но у магглов дела обстояли именно так и Альбус прекрасно про это знал.

Поэтому сути претензий Гарри Поттера к Петунье Дурсль он не понимал, ведь та кормила племянника, тот был одет и обут, ходил в школу. Жили же дети в куда худших условиях и не жаловались!

Взбунтовавшийся против Дурслей мальчик виделся Дамблдору жестоким и самовольным, но не окончательно потерянным для общества.

Это подтвердил тот факт, что Гарри прекрасно прижился в семье Уизли и все, вроде как, начало налаживаться. Юный Поттер должен был приехать в Хогвартс, поступить с Роном Уизли на Гриффиндор и стать таким же точно идейным борцом со злом, какими были его отец и мать в свое время.

Но внезапное освобождение Сириуса, фавор, в который Избранный попал у Фаджа и поступление Поттера на Слизерин спутали все планы старика.

Гарри, несмотря на детский возраст, начал, пользуясь потворством взрослых, вести активную светскую жизнь. Мальчик посещал почти все значимые министерские балы и приемы и явно купался в лучах славы: жал руки, уверенно позировал перед колдокамерами, охотно давал интервью Рите Скиттер, хвалил политику Министерства Магии и умело поддерживал разговоры на разные темы. То есть — вел себя, как взрослый.

В то же время Альбус Дамблдор прекрасно знал, что Том Риддл, больше известный, как Волдеморт, не исчез окончательно. Черная метка у Северуса до конца не посветлела и с руки не исчезла.

Поимка Квиррелла, одержимого духом Волдеморта, чуть было не стоила Дамблдору кресла директора Хогвартса, он в нем удержался лишь благодаря своему статусу победителя Гриндевальда. Именно тогда Альбусу стало достоверно известно, что Квиринусом завладела лишь малая часть расколотой души Волдеморта.

«Возможно ли, что находящийся в Гарри хоркрус активировался и решил устранить конкурента?» — о том, куда именно вселился дух Волдеморта, у Дамблдора были подозрения, но теперь они превратились в стойкую уверенность. Но доказательств никаких не было, осталось только наблюдать.

К концу третьего курса Альбус был убежден, что в теле маленького Гарри Поттера находится душа взрослого человека, который умело притворяется ребенком. Также старику было больно видеть, как милый и обаятельный «Избранный» вербует себе новых сторонников, точно так же, как он это делал сорок лет назад. Дети авроров, пожирателей смерти и просто нейтральных магов заглядывали Гарри Поттеру в рот, тот становился для них непререкаемым авторитетом.

Единственной, кто не вписывался в картину, была маглорожденная Грейнджер, которую мальчик очень сильно опекал и защищал от любых нападков. Но, когда Каркаров уходил на дуэль, которая стала для него смертельной, он открыл своему коллеге глаза.

«Она, и правда — вылитая Белла» — это все ставило на свои места.

«Может ли эта девочка быть дочерью Волдеморта и Беллатрикс Лестрейндж?» — Альбус Дамблдор допускал, что да, может.

Также Игорь открыл директору Хогвартса глаза на то, как умело был организован вызов на дуэль с помощью Панси Паркинсон, Рабастана Лестрейнджа, Гермियोны Грейнджер и, это уже не вызывало никаких сомнений, Гарри Поттера.

После показательной казни Каркарова Дамблдор решил, что Волдеморта, завладевшего телом Избранного, надо остановить любым способом.

Альбус даже придумал, как именно он это сделает. Он полностью сотрет Тому Риддлу память и, тем самым, уничтожит его преступную личность.

«Ему всего четырнадцать лет, он сможет всему научиться заново и будет думать, что он Гарри Поттер, сын погибших авроров и крестник Сириуса Блэка» — способ избавления от злого гения Волдеморта Дамблдор, по его собственному мнению, выбрал довольно гуманный, он не хотел опускаться до банального убийства.

Осталось дожидаться подходящего случая, и тот не замедлил представиться.

Глубокой ночью Альбуса Дамблдора разбудил патронус министра Фаджа. Тот просил быстро прийти к заброшенному туалету на втором этаже, где обитала Плакса Миртл, дождаться его, ни в коем случае не трогать руками проклятую диадему и, если это потребуется, оказать Панси Паркинсон медицинскую помощь.

«Туалет Плаксы Миртл, это — то самое место, где она погибла» — как был, в ночнушке до пят и ночном колпаке, лишь накинув на себя халат, Альбус аппарировал туда с помощью феникса.

И застал очень интересную картину — прислонившись к стене, сидела бессознательная, но живая девочка, слизеринка Панси Паркинсон, рядом с ней с закрытыми глазами развалился Гарри Поттер собственной персоной и зевал, а на полу валялся проклятый артефакт, в котором директор Хогвартса опознал легендарную диадему Ровены Рейвенкло.

«Мог ли он, используя Паркинсон, активировать еще один хоркрус, чтобы слиться с ним и стать еще сильнее»? — однозначного ответа у Дамлдора на этот вопрос не было. Но вероятность подобного существовала очень высокая.

«Сейчас или никогда!»

— Том, неужели ты думал, что сможешь меня провести? — старика подвело желание объясниться.

— О чем Вы говорите, директор? — уставший, сонный и эмоционально опустошенный из-за пережитых потрясений мальчик широко распахнул глаза, он смотрел на Дамблдора непонимающим и даже глуповатым взглядом — защитная реакция Александры Владимировны, которая часто на переговорах давала ей фору, расслабляя собеседника и предоставляя необходимое время на размышления и принятие решения. Вот и сейчас Гарри приготовился выхватить находившуюся в его наплечной кобуре волшебную палочку, хотя внешне он выглядел расслабленным.

— О том, что ты никогда больше не сможешь никому навредить! Обливиэйт!

— Экспеллиармус! — выкрикнул мальчик одновременно с ним, перекатываясь, уходя с линии движения выпущенного в него заклинания.

Словно в замедленной съемке он увидел за спиной директора Хогвартса побледневшее с выпученными глазами лицо Фаджа, Сириуса Блэка, который, превратившись в собаку, бросился на Дамблдора, ударив того лапами в спину. Старческая, еще крепкая рука разжалась, выпустив палочку из бузины и та, влетев в ладонь Гарри Поттера, отправила в лоб падавшего вперед Альбуса Дамлдора им же самим выпущенное заклинание, лишая его всей его памяти.

— Пизде-е-ец, — других слов у Избранного не осталось.

«Я прикончил этого мудака, прямо как в каноне Волдеморта?» — мальчик поднялся на

ноги, шокированно глядя глазами, огромными, как плоски, на лежавшего ничком на полу директора Хогвартса.

— Живой, но останется полным дураком, — констатировал один из двоих подбежавших невыразимцев.

— Может, на него диадема так подействовала? Это тоже хоркрус, наверно. Панси смотрела в зеркало и шипела... — растерянно «предположил» Гарри.

— Скорее всего, так оно и было. Ты молодец, парень, — похлопал мальчика по плечу другой невыразимец и начал осторожно, используя какие-то приспособления, упаковывать артефакт. — Хорошо он напился. Она долго её таскала? — работник отдела указал на бессознательную Панси.

— Не знаю, я, как только заметил, сразу вызвал Сириуса...

И тут на Гарри, вернее, на Александру Владимировну, накатило. В конце концов, душа была женской, а не Железного Феликса, и ей требовалась забота и защита. До мальчика дошло, чего именно ему удалось только что избежать.

— Сириус! — он, сжимая их до синяков, вцепился пальцами в плечи обратно превратившегося в человека мужчины. — Он хотел стереть мне память, целиком! — последнюю фразу мальчик произнес уже плача. Он упал крестному на грудь и разрыдался.

— Что ты маленький, не плачь, — Сириус его успокаивал и гладил по голове. Гарри было очень приятно, он прижался к крестному еще сильнее, чувствуя, как его обнимают сильные мужские руки, и продолжал горько рыдать, впрочем, вполне искренне.

— Я тебя зарегистрирую, как анимага, Сириус, — Фадж давно был с Блэком на короткой ноге. Корнелиус знал, что в минуты опасности у волшебников может просыпаться способность к спонтанной анимагии, но видел такое впервые.

— Я буду очень благодарен, — Блэк прижимал Гарри к себе, а потом и вовсе подхватил его на руки. — Я отнесу его в больничное крыло.

Фадж, тем временем, левитировал вслед за ним Панси Паркинсон.

Гарри дали успокоительное и отпустили, Панси пролежала без сознания еще неделю. Полностью утративший все знания и навыки, даже гигиенические, Дамблдор навсегда отправился в отдельную палату имени святого Мунго под наблюдение колдомедиков. Находившуюся в диадеме Ровены Рейвенкло часть души Волдеморта упокоили, а саму реликвию временно отдали в Отдел Тайн для детального изучения. Правду о том, что на самом деле произошло в злосчастном туалете, в котором обитал призрак плаксы Миртл, засекретили, а болезнь бывшего директора Хогвартса списали на старческую деменцию. Но, благодаря письму, написанному Гарри Люциусу Малфою, кое-какие детали произошедшего (без упоминания василиска и хоркрусов, естественно) все равно стали «широко известны в узком кругу». История обросла домыслами и приняла вид легенды, в которой Избранный победил Дамблдора на дуэли.

На следующий день после этих событий Гарри Поттер сделал три вещи.

Он выпросил себе палочку Альбуса Дамблдора, как трофеем. Убедил Фаджа назначить директором Хогвартса Горация Слагхорна и, встретив Владимира Ушакова в коридоре, отвел дурмстранговца в сторону и по огромному секрету поведал ему леденящую душу историю о том, как его ненаглядную Панси Паркинсон с начала года сводило с ума проклятое украшение для волос. Но тайну о неразглашении брать не стал. Через некоторое время об этом уже знала Милли, которой проболтался Пилмаер, а та, конечно же, по секрету, рассказала все Дафне. Девочки ужасались, вздыхали, тут же Паркинсон все простили и побежали навещать ее в больничное крыло.

Зачем Гарри это сделал? Он боялся, как бы Панси после пережитого не попыталась

наложить на себя руки, все же — отвергнутая любовь и дружба тяжело переживается в подростковом возрасте. Он великодушно спас Паркинсон от участи изгоя. Но и прощать ее не собирался. Поэтому, когда та пришла в себя и окрепла, он преподал дочери пожирателя смерти урок, чем заслужил ее уважение и полную лояльность. «Теперь необходимо как-то распутать свои отношения с Сириусом» — целоваться и обниматься с крестным Гарри очень понравилось, но на что-то большее он пока был не готов.

Глава 53

У Гарри Поттера возникло очень сложное отношение к сексу и гендерной самоидентификации. Дело в том, что он не в полной мере ощущал себя мужчиной, но и женщиной он себя тоже не чувствовал. Иногда ему казалось, что его тело — это не его тело. Что в нем чего-то не хватает, а что-то, напротив, лишнее. Гарри гораздо комфортнее ощущал себя женщиной, но весь секрет был в том, что женщиной он быть не хотел. Александра Владимировна во время своей первой жизни часто думала, что ей лучше было бы по ряду причин родиться мужчиной. Ей, в силу особенностей характера, было сложно выстраивать личные отношения. С одной стороны, она терпеть не могла слабых мужчин, а с другой — все и всегда должно было быть так, как хотелось именно ей. Перед своим мужем она умело притворялась всю свою жизнь, никогда не акцентируя внимание на том, кто у них в семье покупал машины и квартиры, впрочем, супруг ее не разочаровал и тоже сделал неплохую карьеру. Так что годам к сорока они стали в плане финансов на равных. С любовниками все оказалось гораздо сложнее. Противоречие, заложенное в характере Александры Владимировны, которая хотела общаться с сильной личностью, которая перед ней бы прогибалась, завело ее, в конце концов, в мир БДСМ. Вот уж где, как говорится, она оторвалась по полной программе, став весьма известной в узких кругах Верхней дамой.

Так что то, как овладеть мужчиной, не навредив ему при этом, для Гарри Поттера секретом не являлось, тем более, что членом это, наверняка, было делать удобнее, чем straponом. Проблема заключалась в другом.

Повидав в предыдущей жизни всякое и разное и очень многое перепробовав, Гарри хотел максимально растянуть свой "конфетно-букетный" период: пережить отрочество красиво, сделать свой первый раз незабываемым, прочувствовать в полной мере невинные эротические ощущения. В общем, слизеринец, в отличие от своих сокурсников, никуда не торопился.

«Если Сириусу очень приспичит, у него есть жена и две руки» — Гарри не был романтичным. У него самого для снятия напряжения был только второй вариант. Первый раз кончать с помощью члена было по-настоящему страшно — неведомые, непривычные ощущения, полученные при помощи органа, который частью сознания слизеринца воспринимался, как чужеродный. Но потом подросток привык и даже вошел во вкус, конечно, без злоупотреблений и фанатизма.

— ...поэтому я думаю, что он позавидовал твоей славе. Гарри, ты меня слышишь? — от своих размышлений о грядущей личной жизни мальчик переключился в состояние «здесь и сейчас», расслышав лишь две последние фразы, что сказал ему Фадж.

— Да, возможно, Дамблдор сделал это из-за того, что я Вас поддерживал. Мне кажется, он сам хотел стать Министром, — Поттер быстро нашел, что ответить, озвучивая страхи собеседника.

— Но благодаря тебе у него ничего не вышло! — радостно констатировал Корнелиус и поднял бокал с шампанским.

«На каникулы уеду в дедовское поместье, чтобы месяц никого не видеть!» — Гарри, находившийся на приеме, устроенном Слагхорном в малом банкетном зале Хогвартса (такой нашелся) в честь окончания Кубка Трех Волшебников, прекрасно понимал, что о таком счастье он может только мечтать. Максимум на что он мог рассчитывать — это на неделю относительного одиночества.

Мальчик пересекся взглядом с организатором мероприятия, тот смотрел на него с выражением «рука-лицо» и покачал головой. Гарри понимал, что Слагхорн видит его

насквозь, замечая все его лицедейство, но почему-то покрывает.

На празднике, устроенном новым директором Хогвартса в честь победившего Виктора Крамма, Гарри, ради которого сделали исключение, и Гермиона Грейнджер, составлявшая пару чемпиону, были единственными подростками моложе шестнадцати лет.

Зато здесь присутствовал весь цвет магического общества, имевший отношение к организации турнира: Министр Магии, Корнелиус Фадж, а также Бартемиус Крауч-Старший, Люциус Малfoy, Сириус Блэк с супругами, Рабастан Лестрейндж с девицей, очень похожей на Крауча-Младшего, которую мужчина представил как Берту фон Ширах. Гарри, сначала, было, возмущен про себя, а потом решил, что эти двое имеют право на веселье, тем более, разговаривали «голубки» между собой исключительно на немецком языке.

«Но, все равно. Какая наглость и безбашеность!» — подросток переключил свое внимание на вальсировавших Флер Делакур с Биллом Уизли и Ремуса Люпина с Тонкс. Что-то в этой реальности осталось неизменным, но что-то, к счастью, сложилось иначе. Хагрид ухаживал за мадам Максим, та с ним напропалую кокетничала, Седрик Диггори, пусть проигравший, но зато живой и здоровый, веселил Чжоу Чанг каким-то забавным рассказом, девушка его слушала и хихикала. Дамир Радич явился на прием вместе с очень красивой женщиной лет тридцати на вид, которую он представил, как Елену Прекрасную.

«Вот так и встречаешься с героями сказок» — шампанское оказалось вкусным, закуски — свежими, а музыка — приятной и ненавязчивой. Гарри Поттер решил, что устроенный Слагхорном междусобойчик удался на славу. А ведь впереди еще ждал торжественный пир и бал для всей школы, который был запланирован на следующий день.

Одиноким, но жизнелюбивым Гораций Слагхорн обожал праздники, он на них словно пропитывался радостью и счастьем. Поэтому у нового директора Хогвартса на будущее возникли грандиозные планы.

И один из них, как ни странно, касался посуды.

Студенты Хогвартса ели, пользуясь золотыми столовыми приборами, с золотых тарелок и пили из золотых чашек. Но никто не задумывался о том, что золото — это металл, который идеально впитывал в себя излишки магической энергии, а затем перераспределял ее между пользовавшимися посудой учениками. Поэтому, при должном старании, до окончания школы все юные волшебники на экзаменах демонстрировали примерно одинаковые результаты. Редко кто оставался на второй год или не сдавал З.О.Т.И.

Но после окончания Хогвартса у части выпускников магические способности резко возрастали, а кому-то, напротив, переставали удаваться легко исполняемые ранее заклинания.

По этой причине Слагхорн считал практику использования золотой посуды глубоко порочной. Он был убежден, что ребенок имеет право знать настоящий уровень своих магических способностей и, исходя из этого, выбирать себе специализацию. Потому что в некоторых отраслях магии была важна не сила, а приобретенные умения. Ложные ожидания же приводили к трагедиям, «потерявшие» магические силы волшебники скатывались на социальное дно и оказывались в Лютном Переулке.

Поэтому посуду Гораций решил заменить на серебряную. Пока он этого не сделал исключительно из-за опасений, что такой поступок представители других школ сочтут неуважением к их персонам.

Использование серебряной посуды давало сильным колдунам и ведьмам еще один бонус.

Переизбыток их энергии, как это было в давние времена, должны были впитывать домовые эльфы. От этого последние сильно плодились, и часто случалось так, что талантливый колдун или ведьма уезжали из школы со своим собственным домовиком или даже несколькими юными домовиками. Главное, никому не приходилось, в таком случае, доказывать, кто слабее, кто сильнее, все было весьма наглядно. Девушек с подобным приданым всегда охотно брали замуж, их происхождение уже никого не интересовало. «На первом курсе надо будет ввести чистописание, а начиная с третьего — фехтование для мальчиков» — планов у Слагхорна было громадье.

«И все, благодаря Гарри» — новый директор Хогвартса прекрасно знал, кто лоббировал его интересы, вопя на весь кабинет Фаджа, что у МакГонагалл дети друг друга поубивают в первом же семестре.

«Какой он красивый. Глаза яркие, словно звезды. Эх, о чем ты думаешь, старый толстый картофельный мешок...» — во времена юности Горакия Слагхорна гомосексуализм считали тяжелой болезнью, поэтому какая-то часть жизненных радостей прошла мимо него стороной.

«Будем радоваться тому, что имеем» — директор Хогвартса выпил шампанское и закусил его своими любимыми засахаренными ананасами. Он понимал, что и так получил гораздо больше того, на что мог рассчитывать. Ведь стать руководителем магической школы, которой он был намерен вернуть былое величие, еще четыре года назад, скучая и предаваясь в одиночестве ностальгии в своем коттедже, он даже не мечтал.

Глава 54

— И что мне теперь с тобой делать? — сидя на сильно увеличившейся со времен его одиннадцатилетия грудке золота в своем банковском хранилище, Гарри вертел в руках потемневшую от времени, узловатую волшебную палочку из бузины. Она его прекрасно слушалась, все заклинания получались настолько легко, что вообще никаких усилий не надо было прикладывать. Именно этот факт мальчику и не нравился, он не хотел зависеть от инструмента, а собирался развить свои магические способности таким образом, чтобы, в случае необходимости, иметь возможность колдовать чем угодно. «Если смотреть объективно, то я ее единственный законный владелец с тех пор, как она принадлежала Антиоху, которому я прихожусь пра-пра... в общем, сильно пра-пра внучатым племянником, и, соответственно, его единственным наследником по женской линии в настоящее время. Все иные ветви прервались. Это означает, что на совершенно законных основаниях я имею полное право ее продать или обменять, и, в этом случае, Старшая палочка будет полностью подчиняться своему следующему владельцу» — у Гарри имелся талант к боевой магии, но не было ни малейшего желания ей заниматься. Женская душа, жившая в мальчике, желала, чтобы, став юношей, Гарри Поттер всегда оставался здоровым, молодым и красивым. Или, хотя бы, как можно дольше. «В конце концов, я ничем не рискую. Почему бы не попытаться?» — поднявшись наверх, Гарри сообщил своему поверенному, что хотел бы отправить банковской соевой письмо, анонимно, но с тем, чтобы его респондент мог ответить в Гринготтс, и, в случае необходимости, они могли вести переписку, не раскрывая имени отправителя. Такая возможность Гарри Поттеру была предоставлена, мальчик сел за конторку и принялся писать...

Через месяц в маленькой переговорной комнате в присутствии Сириуса Блэка, опекуна несовершеннолетнего Гарри Поттера, двух гоблинов, Гарри Поттера и невысокого темноволосого и темноглазого мужчины, который выглядел, словно брат-близнец Сальвадора Дали, состоялась историческая сделка. Гарри Джеймс Поттер обменивал Бузинную палочку, так же известную, как Старшая Палочка Дар Смерти, на рецепт изготовления Философского Камня с подробным описанием всех стадий приготовления. Это описание включало инструкции по изготовлению ингредиентов, одной из которых явилась методика по выведению петухов-гермафродитов, способных откладывать яйца, из которых вылуплялись высиженные жабами василиски. По иронии судьбы для производства Философского камня требовался яд застывшего от своего собственного взгляда василиска.

«Этого добра у меня навалом» — иронизировал, ознакомившись с рецептом приготовления, Избранный.

Так же, Николас Фламель передавал во владение Гарри Джеймса Поттера ранее изготовленный Философский камень и обязался взять по рекомендации вышеупомянутого Гарри Джеймса Поттера себе ученика.

Все стороны сделки обещали об ее участниках и подробностях умалчивать.

— Отдаю тебе, Николас Фламель, добровольно в полное владение Дар Смерти в обмен на Дар Жизни, — торжественно произнес Избранный после того, как все подписи под договором были поставлены. Александре Владимировне на открытиях протокольных мероприятий подобные пафосные фразы всегда удавались особо хорошо.

Но здесь, похоже, она, вернее, Гарри, сумел отличиться.

От Старшей Палочки по всей переговорной комнате разлилось серебристое, темное сияние и она сама поднялась на воздух и влетела в раскрытую ладонь Николаса

Фламеля, признавая того своим настоящим владельцем.

— Наконец-то я смогу получить мастерство по дуэлингу! Господа, приятно оставаться!

— радостно воскликнул тот, взмахнул Бужинной палочкой и аппарировал прямо из Гринготтса в неизвестном направлении.

— И, правда, Старшая палочка, — констатировал гоблин.

— У него нет мастерства по дуэлингу? — удивился Сириус Блэк. — Зачем оно ему? Он же зельевар.

— Дело в том, — объяснил гоблин-поверенный своему подопечному, вернее, владельцу подопечных работнику Гринготтса денег, — что во времена юности господина Фламеля любой тупой рыцарь мог спокойно плюнуть ему в лицо и остаться при этом абсолютно безнаказанным. Необходимо было сдать мастерство в дуэлинге, чтобы быть посвященным в рыцари. Он не смог этого сделать и долгое время оставался простолюдином.

«Детские и подростковые травмы всегда самые страшные и накладывают неизгладимый отпечаток на всю дальнейшую жизнь человека» — констатировал про себя Гарри, принимая поздравления и ставя вслед за Сириусом подпись на договоре о предоставлении ему, Гарри Джеймсу Поттеру, новой банковской ячейки на самом нижнем уровне банка Гринготтс. Вероятно, гоблины сочли его очень перспективным клиентом.

На самом деле переговоры с Николасом Фламедем проходили сложно. На письмо неизвестного отправителя тот ответил с одинаково сильными энтузиазмом и подозрительностью. Зельевар мечтал получить Старшую палочку и боялся, что общается с мошенником. Гарри же старался избежать обмана, двойных толкований в рецепте и прочих подвохов. В результате, к моменту договоренности о встрече в банке их переписка была толщиной с договор с «Седьмым Континентом» вместе с приложениями и протоколами разногласий к нему. К счастью для Гарри Сириус подписал бумагу на разрешение дарения палочки из бузины даже не поинтересовавшись, зачем крестнику это нужно, и теперь по окончании сделки с огромным, граничавшим с шоком удивлением рассматривал Философский Камень, который держал в руках его подопечный.

— Ты действительно Избранный, Гарри — констатировал Сириус.

— Оставь свой пафос, пожалуйста, — мальчик подошел к мужчине близко-близко и посмотрел ему в глаза, — я с тобой обязательно поделюсь. Куда же я без тебя? — в доме Блэка Гарри из-за вездесущих портретов и того, что их в любой момент могла застать Бекки, себе подобных вольностей не позволял.

— Это я без тебя пропаду, — Сириус его обнял, а Гарри, словно случайно, уткнулся губами в шею крестного, слыша, как быстро-быстро у того заколотилось сердце.

— Кхе-кхе, — закашлялся вредный и наблюдательный гоблин, — молодые люди. Не смею Вас больше задерживать.

«Если бы мне сейчас было, хотя бы, шестнадцать лет, мы с Сириусом направились бы в домик дядюшки Альфарда или в мое поместье» — вздохнул Избранный. Пока же они с крестным разъезжались на разных вагонетках: Сириус — наверх, а Гарри — осматривать свое новое хранилище, куда уже было перенесено все содержимое его предыдущего сейфа.

«Я хочу, чтобы этот мальчик стал здоровым» — сидя в углу огромной пещеры на кучке золота, которая теперь казалась просто микроскопической, Гарри держал в руках футляр, в котором лежала заветная тетрабочка, и ощущал себя девочкой Женей из сказки «Цветик—семицветик». Только вместо последнего седьмого лепестка у мальчика остался последний смертоносный хоркрус.

— Ну, что, Том? — спросил Гарри и погладил по обложке некогда переданную ему через

сына Люциусом Малфоем тетрадку. — Пришло время заняться тобой?

Глава 55

Он сидел перед письменным столом, не зная, ни кто он, ни сколько ему лет. Пространства и времени в окружающей его реальности не существовало. Он не хотел ни есть, ни спать, просто сидел и смотрел в раскрытую перед ним тетрадь.

— Здравствуй, Том Марволо Риддл, необыкновенный загадочный талантливый мальчик, — в какой-то момент на листе появились слова.

— Здравствуй, ты кто? — узник тетради вспомнил все и сразу. Как он отпустил василиска погулять, как тот, выползая из своего логова, наткнулся в туалете на прыщавую плаксу, которая уединилась, чтобы поревевть всласть и умерла, посмотрев в глаза фамильяру Салазара Слизерина.

— Я не хотел! Это было случайность! — юноша помнил, как схватил лежавшую в его сумке чистую тетрадь в красивом кожаном переплете и, раз уж так все сложилось, прочитал заклинание создания хоркруса, которое нашел благодаря откровениям Слагхорна. А потом уже ничего не было.

— Меня зовут Гарри Джеймс Поттер, я хочу вызволить тебя оттуда, но, взамен, ты должен мне кое-что пообещать...

Шедший от дома своих приятелей Фреда и Джорджа Уизли по направлению к коттеджу Луны Лавгуд Томас Марволо Гонт-Риддл вспоминал, как этот неведомый ему тогда Гарри Джеймс Поттер вначале показался ему страшным занудой. Как тот уточнял каждое слово клятв, ища во всем подвох. Но, в свою очередь, дал нерушимое обещание поделиться с сыном Тома Риддла и Меропы Гонт философским камнем и отправить его по окончании Хогвартса учиться к Николасу Фламелью. Но лишь в том случае, если он, Том Марволо Риддл, который в дальнейшем будет носить имя Томас Марволо Гонт-Риддл, станет слушаться его, Гарри Джеймса Поттера, во всем. Отдельным пунктом этот благодетель оговорил тот факт, что он никоим образом не станет посягать на его, Тома, сексуальную свободу, выбор спутника жизни и род занятий. По сути, от потомка Салазара Слизерина требовались лишь здравомыслие, относительная законопослушность и абсолютная лояльность к Гарри Джеймсу Поттеру.

На вопрос: «Зачем это Вам все?» — мистер Поттер ответил: Потому что ты гениальный, самый талантливый маг двадцатого века. Но то, что от тебя осталось в реальном мире, встало на кривую дорогу и плохо кончило.

— Чтобы воскреснуть, я должен убить того, кто пишет в тетради, — признался Том, уж слишком сильно ему хотелось научиться создавать Философский камень. А еще мистер Поттер обещал о нем позаботиться.

— Отдайте тетрадку, пожалуйста, кому-нибудь другому, — предложил юный Риддл.

— Не волнуйся, я пишу прытко пишущим пером, а половина твоего хоркруса в раскрытом виде засунута под спину спящего Альбуса Дамлдора.

— Что случилось с этим мудаком? — Том быстро зачеркнул запись и заменил её на более культурную. — Как такое возможно?

— Я его победил на дуэли, стер ему память и сделал его полным дураком. Он лежит в палате в больнице имени святого Мунго, — по мере того, как Том прочитывал это предложение, он чувствовал то, чего не ощущал ни разу в жизни — ликование и абсолютное счастье.

«Он. Сделал. Его. Идиотом!» — это была чистая незамутненная радость, все вокруг засияло... и Том обнаружил себя сидящим на кровати верхом на каком-то тощем старике с коротко подстриженными волосами и бородой. (Это сделали колдоведьмы с целью

облегчения гигиенических мероприятий с пациентом).

«Неужели я, все-таки, убил этого Гарри Поттера?» — подумал Том с тоской, Альбуса Дамлдора он помнил полным сил рыжебородым мужчиной, а лежавшего на постели старика принял за того, с кем переписывался.

«По-моему, он, все-таки, живой» — грудная клетка спавшего волшебника опускалась и поднималась.

Том огляделся.

На столе рядом с кроватью сидел, судя по всему, птенец и жалобно курлыкал.

«Или это, все же, Дамблдор? Почему он тогда такой старый и немощный?» — в палате было темно и ничего понять было невозможно.

— Мистер Поттер, — обратился он на всякий случай к лежавшему на кровати человеку и потряс его за плечо.

— Не буди Альбуса, — откуда-то из угла раздался подростковый уже сломавшийся голос. Затем Том услышал шаги, кто-то что-то сунул ему в руку, и тут же стало светло.

— Это Рука Славы, — объяснил юноше невысокий худощавый подросток с правильными чертами лица, на вид лет четырнадцати-пятнадцати. — Гарри Джеймс Поттер — это я.

Для Гарри все произошло слишком быстро.

В качестве донора для воскрешения Тома Риддла мальчик решил использовать Альбуса Дамлдора. Гарри пришел к мнению, что это будет справедливо, ведь именно Дамблдор отговаривал директора Диппета оставлять сироту на летние каникулы в школе и, тем самым, отправил под маггловские бомбы, из-за чего у слизеринца развилась танатофобия, приведшая к созданию хоркрусов.

Второй причиной, по которой Гарри использовал для воскрешения Тома Риддла бывшего директора Хогвартса, явилось то, что тот, несмотря на потерю памяти и социальных навыков, потенциально оставался очень сильным волшебником. Поттер надеялся, что хоркрукс не иссушит старика досуха. Все же, мальчику не хотелось становиться убийцей того, кто, ради всеобщего блага, чуть не уничтожил его, Гарри, личность.

Сначала все шло по плану. Сказав крестному, что хочет погулять с друзьями, Гарри под покровом мантии-невидимки ночью пришел в госпиталь имени святого Мунго, тихонько проник в палату Альбуса Дамлдора, осветив ее позаимствованной у Драко Малфоя Рукой Славы, и наложил вокруг себя полог тишины.

И тут мальчика ждал первый сюрприз. Возле кровати на жердочке, засунув голову под крыло, спал самый настоящий феникс. Гарри, в отличие от героя произведения Роулинг, не был осчастливлен частым посещением директорского кабинета и поэтому видел легендарную птицу впервые.

Стоило Гарри зачесть Руку Славы, феникс тут же проснулся и уставился на неожиданного посетителя.

«Как бы мне другого донора искать не пришлось» — мальчик помнил, насколько агрессивной может стать эта красивая птичка.

— Привет, — обратился Гарри к фениксу. — Я хочу поговорить с одним мальчиком. Его волшебная палочка была сделана из пера из твоего хвоста, и моя, кстати, тоже, — после этого заявления Избранного птица заинтересованно курлыкнула.

— Этот мальчик, — продолжал Гарри, — один раз попал под бомбежку и стал бояться смерти, — при этих словах феникс курлыкнул два раза, словно хотел сказать: «Глупости какие!»

— И, чтобы никогда не умереть, он заточил себя в эту тетрадь. Я хочу его оттуда достать. Но для этого мне нужна помощь Альбуса Дамлдора. Ты же мне разрешишь?

— Гарри подошел к кровати, на которой лежал бывший директор Хогвартса и подсунул часть листов тетрадки тому под спину.

— Чтобы вызволить оттуда Тома, — подросток назвал узника тетради по имени, — мне нужно что-то писать, — продолжил Гарри свои объяснения фениксу, а тот неожиданно взял и скинул перо из своего шикарного хвоста.

— Спасибо, — улыбнулся слизеринец. — Мы из него, наверно, новую волшебную палочку сделаем? А у меня есть самопишущее.

Все, вроде складывалось нормально. Гарри поздоровался с Томом Риддлом, тот ему ответил, они, в результате непродолжительной переписки обменялись гарантиями взаимного ненападения. Поттер собирался рассказать Тому о том, как изменился мир, о социальной защите матерей, развивающейся науке, но неожиданно события начали развиваться стремительно.

Когда Гарри признался, что это он победил Дамблдора и сделал бывшего директора Хогвартса недееспособным, произошло сразу два события.

Феникс, до этого спокойно сидевший на жердочке, закричал и забил крыльями. А тетрадь засветилась столь ярко, что даже написанные в ней буквы засветились алым цветом и загорелись.

«Ой, клюнет меня сейчас феникс в темечко, как Золотой Петушок царя Дадона» — Гарри, от греха подальше, спрятался под мантией-невидимкой.

Тем временем, события окончательно вышли из-под контроля.

Вместе с тетрадью засиял феникс, они вспыхнули, ослепляя, а затем в палате стало снова темно. Лишь на кровати материализовался подросток лет шестнадцати в старомодной мантии, а вместо огромного феникса на столе в кучке пепла курлыкал маленький птенец.

«Получилось» — констатировал Гарри, хотя, сам факт воскрешения живого человека из тетрадки разум слизеринца, как объективную реальность, еще не воспринимал. Но, похоже, все было по-настоящему.

«Я же в сказке. Наверно, Том думает, что переписывался с кем-то старым» — Гарри увидел, что Риддл тормозит Дамблдора, называя того мистером Поттером.

— Не буди Альбуса, — произнес мальчик шепотом, снимая мантию-невидимку и всовывая Тому Риддлу в ладонь Руку Славы, объясняя попутно, что это такое.

— Гарри Джеймс Поттер — это я.

— Но ты... такой маленький! — само собой вырвалось у несостоявшегося Темного Лорда.

— Не суди по внешности, уж постарше тебя буду! — возмутился Гарри. И действительно, Александра Владимировна на момент своей кончины в том мире была гораздо старше не дожившего до семидесяти лет Волдеморта, а этому Тому Риддлу и вовсе шестнадцать недавно исполнилось.

— Но выглядишь ты, как подросток... — Том замолчал, не зная, как обращаться к своему спасителю и о чем с ним разговаривать.

— Гарри, меня зовут Гарри. Пойдем отсюда, — мальчику хотелось побыстрее убраться из палаты, он схватил Риддла за руку и потянул за собой.

— Куда мы пойдем? — Том, как большинство детдомовских детей, оказался очень недоверчивым и опасался подвоха.

— Ты же обещал слушаться меня, — повернулся Гарри к своему подопечному. — Ты появился очень быстро, я на такое не рассчитывал. Я отведу тебя в мое поместье, Поттер-Мэнор, и объясню там, что к чему. А сюда может кто-нибудь зайти в любую минуту.

— Ты прав, — Тому не хотелось портить отношения с этим странным подростком,

который ему помог. — Для меня тоже все слишком быстро произошло, — юноша повторил слова собеседника.

«Маленький подлиза» — Гарри обратил внимание на тот факт, что, несмотря на то, что Риддл не извинился, свою ошибку он все-таки признал.

Том пошел к входной двери, но в этот момент птенец, сидевший на столе, истошно закричал.

— Знаешь, Том, — теперь Поттер остановился на месте. — У меня большое подозрение, что этот феникс теперь твой фамильяр. Он отдал свою энергию при твоём возрождении, он сгорел ради тебя и возродился из пепла. Кстати, до этого он дал перо для твоей новой волшебной палочки, — мальчик помнил, как Риддл ценил признание собственной исключительности и преданность.

— Мой феникс? Мой? — Том неверяще посмотрел на Гарри, медленно подошел к столу и бережно взял птенца в свои ладони. — Ты, правда, теперь мой? — юноша осторожно погладил феникса по перышкам.

Тот в ответ курлыкнул и обгадил своему новому хозяину мантию.

— Экскурю! — Гарри быстро очистил одежду Тома. — Не переживай, у него даже говно целебное, — немного грубо пошутил мальчик, скрывая крайнюю степень смущения.

Александра Владимировна, увидев Тома, воркующего с птенцом, от умиления и жалости к нему чуть не расплакалась.

«Бедный, несчастный сиротка», — Если хочешь, можешь подойти к Дамблдору и плюнуть на него, — предложил Гарри Риддлу.

— Много чести, обойдется, — хмыкнул тот, оценив предложение. — А почему он такой старый?

— Правильно, орлы мух не ловят, — согласился Поттер. — Много чести для такого, как он, — улыбнулся он. А на второй вопрос не ответил.

— Но сюда придут люди и увидят, что феникс пропал, — произнес Том в нерешительности.

«Да, тебе еще очень далеко до ведущего за собой Пожирателей Смерти на баррикады Волдеморта». — Все подумают, что он улетел, Том. Бомбарда, — Гарри выбил заклинанием оконную раму, та с грохотом распахнулась, впуская в палату свежий прохладный ночной летний воздух.

— Что случилось? — в палату вбежала колдоведьма в то время, как Гарри и Том под мантией невидимкой проскользнули в открывшуюся дверь.

«У него есть мантия невидимка» — Риддл был всего лишь шестнадцатилетним подростком, поэтому в его глазах Гарри Джеймс Поттер, после всего случившегося, выглядел достаточно круто.

— Поттер-мэнор, — дождавшись момента, когда внизу в приемном покое никого не останется, держа Тома Риддла за руку, Гарри шагнул в камин.

Вышли они из него в уютной гостиной.

— Гарри, — Том задал своему новому знакомому мучавший его вопрос. — А что со мной с другим? Ну, нас же теперь двое. Где второй Том Риддл? Вы ведь знакомы? — юноше было очень интересно узнать, как сложилась его жизнь. — Или я теперь только один?

— Том допускал, что его другое "я" могло умереть и поэтому его и воскресили.

«Двое? А семеро не хочешь?» — эта часть души Тома Риддла явно не знала, что ее создатель уже не смог остановиться.

— Том, нас теперь двое, — Гарри повернулся к юноше лицом и обнял его за плечи.

— Тот, о ком ты спрашиваешь, перед тобой. Это я, — он дотронулся пальцем до своего шрама. — В том теле я прожил не очень длинную для волшебника и не самую счастливую

жизнь и поэтому, — он дотронулся указательным пальцем до лба Тома, — я хочу, чтобы ты прожил совсем другую.

— Господа, — безо всякого перехода Гарри зажег свет и обратился к проснувшимся парадным портретам. — Позвольте Вам представить моего друга, сына Тома Марволо Гонта-Риддла и Александры Владимировны Лисициной, — мальчик назвал свою девичью фамилию из прошлой жизни. — Томаса Марволо Гонта-Риддла Второго. Прошу его любить и жаловать, — подытожил он, любуясь обалдевшим выражением лица несостоявшегося Волдеморта и обещая себе обязательно слить это воспоминание в думосброс.

Глава 56

— Кушать хочешь? — обратился Гарри к обалдевшему от произошедшего, вежливо поздоровавшемуся с портретами, Томасу Риддлу.

— Да, если можно... Гарри? — уточнил юноша на всякий случай, не зная, как обращаться к своему второму «я».

— Гарри Джеймс Поттер, Избранный, победитель Того-кого-нельзя-называть, или Лорда Вол-де-Морта, к Вашим услугам, юноша, — мальчик развел руками в стороны и рассмеялся, глядя на то, как глаза его гостя лезут на лоб.

«Я стал настолько крут, что меня называть по имени боялись? То есть — он» — Том понимал, что ему нужно больше информации. Но боялся задавать вопросы в присутствии портретов, так как те бывали довольно болтливыми.

— Злой Лорд Волдеморт в ноябре тысяча девятьсот восемьдесят первого года пришел в дом аврора Джеймса Поттера и убил там его, его жену и пытался убить их маленького сына, годовалого Гарри Джеймса Поттера. Но смертельное проклятие отскочило от моего чугунного лба и отлетело в негодяя, оставив от того лишь палочку и мантию, — Гарри усмехнулся. — А у юного героя остался на лбу этот знаменитый шрам в виде молнии.

«Какой же сейчас год? Тысяча девятьсот девяносто пятый или девяносто шестой?» — Том почувствовал себя жутко беспомощным в этой новой реальности и тут же устыдился своей слабости. — «Все мои одноклассники, получается, уже старые?»

— Но, это же — полный бред, — констатировал Риддл. — В это поверили?

— Люди верят в то, во что они хотят верить, Том, — Гарри был убежден в этом и в прошлой жизни, и в этой.

— Откуда кто-то вообще мог знать, что произошло, если все были убиты, а в живых остался лишь годовалый младенец, который, говорить, наверно, не умел? — удивился юноша.

— Альбус Дамблдор всем поведал эту версию.

— Что там случилось на самом деле? — Том хотел докопаться до правды.

— Я тебе потом расскажу. Что ты хотел бы поесть? — Гарри, разговаривая со своим «воспитанником», привел его в столовую, в которой на стенах не было ни единого портрета.

— А что можно заказывать? — уточнил Риддл.

— Все что хочешь, присаживайся, — мальчик указал гостю на стол, сервированный на две персоны. Эльфы в Поттер Мэноре были исполнительным и понимали все с полуслова.

«Шпионы ушастые» — Я хотел бы черную икру, — с некоторым вызовом произнес Том, отодвинул себе стул и сел за стол, усадив на него птенца феникса, воспользовавшись предложением Гарри.

— Принеси нам черную икру на перепелиных яйцах и сделай несколько бутербродов с черным хлебом. И что-нибудь для птенцов феникса, — обратился подросток к домовому эльфу.

— Его Фоукс зовут, — сообщил мальчик Тому, указывая на птичку. — Черная икра. Что-то еще?

— Эту рыбу, белую, — с Риддла словно сдуло весь пафос. Перед Гарри сидел уставший притворяться высокородным снобом детдомовский мальчик.

— Севрюгу, запеченную с ананасами? — уточнил Поттер.

— Да, помнишь, мы ее кушали у Абрахсаса... — вздохнул он. — Как поживает Аби?

— Умер от драконьей оспы в восьмидесятом году, — Гарри изобразил на лице самое расстроенное выражение, на которое только оказался способен. — Я сейчас приглашу к нам его сына, Люциуса Абраксаса Малфоя. Он знает, кто я такой на самом деле, и поможет тебе натурализоваться.

— Ты скажешь ему, что я... твой сын? — Том понимал, что со стороны это будет выглядеть довольно забавно.

— Именно так, — улыбнулся Гарри в ответ. — Люциус очень тщеславен, он будет польщен.

— Странно, что Аби умер, — задумчиво произнес юноша. — Волшебники же живут по триста лет.

— Была эпидемия, а он не сделал прививки, — объяснил Гарри.

— А ты сделал? — поинтересовался Риддл.

«С какой целью интересуешься?» — Поттеру так и хотелось поддеть Тома.

— Конечно, — ответил мальчик.

— Люциус, приходи ко мне в поместье через камин! — отправил Гарри сообщение патронусом.

— Засакай время, — повернулся мальчик к Тому, — ровно через десять минут он явится при полном параде, — часы показывали половину четвертого ночи.

Тем временем на столе появились блюда с запеченной в ананасах севрюгой, перепелиные яйца, фаршированные черной икрой, тонкие ржаные немецкие хлебцы, намазанные сливочным маслом, поверх которого толстым слоем возвышалась икра. Ко всему этому великолепию были поданы свежий лимонад и охлажденное шабли.

— Здесь эльфы невидимые в обеденных залах, как в Хогвартсе? — поинтересовался Том, расправляя салфетку у себя на коленях.

— Они стараются не попадаться мне на глаза, — признался Гарри, — с тех пор, как я половину из них подарил сестрице Цисси, жене Люциуса.

— Цисси настолько жестокая хозяйка? — уточнил Риддл, отправляя перепелиное яйцо себе в рот и закрывая глаза от удовольствия.

— Скорее ее дети и дети моего теперешнего опекуна и крестного, Сириуса Блэка, которые приходят к ним в гости, — Гарри исподволь наблюдал за тем, с каким наслаждением Том поглощал деликатесы. — Когда у Альфарда Сириуса Блэка случился первый магический выброс в три года, в его кулаке остался целый павлиний хвост, из него сделали опухало и поставили на видное место в гостиную. Ты можешь представить себе, что могут устроить шесть избалованных детей в возрасте от года до четырех лет, для которых вседозволенность является нормой жизни?

— Я столько детей такого возраста не видел, — Риддл в очередной раз был шокирован, он был несколько раз в гостях в Малфой-Мэноре и помнил это семейство, как очень чопорное, помешанное на соблюдении этикета и традиций.

— Думаю, в скором времени ты наверстаешь это упущение, — ехидно ухмыльнулся Гарри, которому посиделки Нарциссы и Ребекки, совмещенные с «выгулом» детей, напоминали филиал психиатрической больницы для буйно помешанных на выезде. — У Люциуса наемни родился пятый сын, завтра, вернее, уже сегодня церемония наречения имени, — при этих словах мальчика Том чуть не подавился.

— У Малфоя пятый сын? «Он точно от него?» — Тому было прекрасно известно о проклятии этой семейки, но он успел проглотить последнюю фразу, так как тот, о ком шла речь, в сопровождении домового эльфа вошел в малую столовую, а на столе появились приборы для третьего гостя.

Люциус Малфой оказался настолько похож на Асмадеуса Малфоя, отца Абраксаса,

которого Том опасался до дрожи в коленях, хотя никому никогда в этом не признался бы, что юноша чуть не вскочил на ноги при появлении мужчины.

— Сиди, Томас, — остановил его Гарри, сам поднимаясь навстречу одетому, словно на парадный выход в Министерство, Люциусу Малфою, — у нас здесь все по-домашнему.

— Рад тебя видеть в столь поздний час у себя дома, друг мой, — подросток подошел к мужчине и, приветствуя, положил ладонь на его плечо, ощущая под пальцами крепость литых мышц.

«Хотел бы я проверить, такой же крепкий у него член или еще крепче?» — в присутствии этого роскошного мужика Гарри, порой, терял голову.

— Сними гламур, Люциус, здесь все свои, — улыбнулся ему подросток.

— Если Вы желаете, Милорд, — Малфой провел волшебной палочкой вдоль своей мантии, та тут же превратилась в домашний халат, плохо запахнутый, к тому же. Вместо сорокалетнего мужчины перед Гарри стоял молодой человек лет двадцати пяти с длинными волосами до пояса, заплетенными в небрежную косу. Омолаживающий эффект от принятия напитка из Философского Камня еще никто не отменял.

«Желаю. Что же ты со мной делаешь?» — Гарри уставился на обнаженную, безволосую рельефную грудь Малфоя.

— Прости, что вытащил тебя из супружеской постели, — Поттер запахнул на Люциусе халат и потуже затянул на нем пояс, чтобы фалды не расходились в разные стороны.

— Но дело слишком важное. Позволь тебе представить, — Гарри намотал на свой палец кончик косы ошарашенного таким приемом Малфоя, а затем заставил себя оторваться от предмета вожделения и сделать шаг назад, — Томаса Марволо Гонта Риддла Младшего, моего сына.

— Очень рад знакомству, Томас, позвольте представиться, Люциус Абракас Малфой, — к чести аристократа, тот смог сохранить лицо, приветствуя все-таки вставшего и вышедшего из-за стола навстречу гостю юношу. — Вы очень похожи на своего батюшку, такого, каким я его знал раньше, — Малфой протянул сыну Милорда руку, тот ее пожал.

«А ты копия - твой дед, Люциус Абракас Малфой» — сейчас Том осознал, зачем Гарри взял с него нерушимый обет никому не признаваться в том, кто он такой на самом деле, и не вспоминать при посторонних старые времена. Проколоться можно было элементарно.

— Поздравляю Вас с новорожденным, Люциус, — завязал светскую беседу Том, разглядев, что под глазами Малфоя залегли глубокие тени.

— Люциус, садись, тебе нужно отдохнуть от вчерашних волнений. Как все прошло?

— Спасибо, Милорд, замечательно. Нарцисса надеется, что в следующий раз будет девочка, — Малфой смотрел на Гарри так, словно хотел его спросить: «И что мне с этим делать?»

— Девицам Блэк упорства не занимать, — ухмыльнулся Гарри, а Том понимающе разулыбался.

«Да уж, если Вальпурге в голову что-то втемяшится, то ее не переубедить. Как она сейчас? Наверняка с внуками нянчится» — Риддлу трудно было представить в такой роли свою бывшую одноклассницу и подругу. Но расспрашивать про нее он при Люциусе не решился. Зато, надо было прояснить один важный момент, чтобы, как это говорится, «не попасть ногами в жир».

— Простите за бестактный вопрос, Гарри, Люциус. Вы вместе? — общение его второго «я» с сыном Абракаса показалось консервативно воспитанному Тому слишком интимным. Услышав этот вопрос, Поттер очень сильно удивился, а Малфой — смутился и столь же сильно покраснел.

«Даже так?» — ночь становилась все интереснее и интереснее.

— Томас, Люциус женатый человек, отец пятерых сыновей, старший из которых является моим теперешним ровесником и другом, — Гарри говорил это и видел, что Малфой становится все грустнее и грустнее. — Ты ставишь своим вопросом нашего гостя в неловкое положение, — Поттер не нашел ничего лучшего, чем, желая приободрить Люциуса, накрыть его ладонь, лежавшую на подлокотнике кресла, своей.

— Я могу сказать тебе лишь одно, — Гарри погладил запястье сидевшего рядом с ним мужчины подушечками пальцев и нехотя отстранился. — Что ты, Том, Люциус и мой крестный, Сириус Блэк, являетесь в настоящее время для меня самыми дорогими и близкими людьми.

Глава 57

— Поэтому, — продолжил Гарри, обращаясь к притихшим Люциусу и Тому, — я хочу рассказать вам о своих родителях, тех, первых родителях, — подросток увидел, как Риддл буквально подался вперед.

Создание первого хоркрукса и убийство юным Лордом Волдемортом семьи своего отца разделяло полгода.

Ужинавший в гостиной Поттер-Мэнора Том Риддл о своих родных еще ничего не знал, поэтому был готов впитывать каждое слово.

Гарри Поттер, вернее, Александра Владимировна, знал, что любой детдомовец верит до последнего, что где-то живут любящие его папа и мама и что его попадание в приют — это страшное недоразумение.

Поэтому слизеринец решил «скормить» своему подопечному прекрасную сказку, правда, максимально приближенную к правде. Но быть честным, как зубило, Гарри не собирался.

— Я явился плодом страстной любви и, одновременно с этим, вопиющего мезальянса, — начал свой рассказ «Милорд».

— Моя мать, Меропа Гонт, происходила из древней благородной чистокровной семьи, настолько высокомерной, что ее даже не отправили на учебу в Хогвартс, считая, что негоже потомку английских королей, Певереллов и самого Салазара Слизерина учиться вместе с плебеями.

А моим отцом оказался сын местного богача-эсквайра, магглорожденный волшебник Том Риддл, — Гарри решил про маггла ничего не рассказывать, чтобы не шокировать Люциуса. — В оправдание мамы могу лишь сказать, что отец был очень красив, а еще ради нее он бросил свою невесту накануне свадьбы.

«Так вот почему я про него ничего не нашел! Он был магглорожденным!» — так и хотелось выкрикнуть Тому Риддлу младшему, но непреложный обет не дал ему даже рта раскрыть и юноша, в результате, закашлялся.

— Осторожнее, не торопись, будь аккуратнее, — Гарри вложил в эти слова двойной смысл.

— Я извиняюсь, — констатировал свою ошибку юноша, вытирая уголки губ салфеткой. Та исчезла, стоило ему положить ее на стол, а на ее месте тут же появилась чистая.

— Так или иначе, они встретились, полюбили друг друга, поженились в тайне ото всех и уехали жить в Лондон. Их семейная жизнь складывалась счастливо, мама варила зелья, отец, которого родители тоже, но по другой причине, непустили учиться в Хогвартс, работал в маггловской конторе по продаже автомобилей, они ждали ребенка, то есть — меня, и были очень этому рады. Так продолжалось до тридцать первого декабря тысяча девятьсот двадцать шестого года, пока на мою мать, вышедшую прогуляться на улицу, не напали с целью ограбления и не ударили ее по голове.

К несчастью для нее это случилось напротив маггловского приюта, на ступеньки которого она присела в беспамятстве. Поскольку с нее сняли пальто, пришедшие ей на помощь сердобольные работники приюта приняли ее за бродяжку. Мама была на сносях. Ее состояние и беспамятство объяснили начавшимися схватками, а забытие после того, как я родился — родильной горячкой.

Грабители стащили с пальца мамы обручальное кольцо, поэтому все решили, что я незаконнорожденный.

Мама в сознание так и не пришла, бредила, вспоминала своего отца Марволо, и мужа, Тома Риддла. На следующий день она умерла, а меня называли Том Марволо Риддл, получилось в честь отца и деда.

Отец потом долго нас искал. Он мне рассказал про это, когда мы, в конце концов, встретились, — при этих словах, слушавший до этого рассказ, затаив дыхание, Риддл чуть не подпрыгнул на месте.

— Он «меня»... тебя нашел? — спросил юноша с надеждой в голосе.

— погоди, Том, я все по порядку расскажу, — успокоил его Гарри.

— Отец искал свою жену, добропорядочную Меропу Гонт-Риддл, а не никому не нужную незамужнюю бродяжку, пришедшую за помощью, как все подумали, на ступеньки маггловского приюта, находившегося в пяти минутах ходьбы от их дома! — Поттер произнес это почти патетически и осушил залпом бокал шабли, словно от волнения.

— Он искал ее в больницах, потом — в моргах, а ее к тому времени уже похоронили в безымянной могиле на окраине Лондона, — Гарри замолчал ненадолго, давая Тому и Люциусу возможность переварить услышанное.

— В конце концов, Меропу Гонт-Риддл признали без вести пропавшей, а затем, спустя шесть лет, когда отец вернулся к своей семье, погибшей.

Я воспитывался до одиннадцати лет в маггловском детском доме, — при этом откровении Милорда Люциус Малфой на мгновение потерял контроль над своей мимикой и форму его глаз Гарри охарактеризовал про себя, как «квадратные».

— А затем отец нашел Вас, Милорд?! — воскликнул он со страстью, которую трудно было заподозрить в этом уравновешенном человеке.

«Сколько же Абраккас приложил усилий, чтобы затушить в тебе этот огонь?» — Гарри частично становилась понятна тяга Люциуса к унижению и подчинению.

— За мной, Люциус, пришел рыжебородый козел, Альбус Дамблдор, и не нашел ничего лучшего, чем, желая меня напугать, поджечь шкаф в моей комнате, — на губах мальчика появилась нехорошая кривая улыбка.

— Эта же рыжебородая тварь, чей родной брат занимается сексом с козами, и это не фигура речи, отговорила Диппета в тысяча девятьсот сороковом году оставлять меня на летние каникулы в Хогвартсе. Это лето я не забуду никогда — немцы бомбили Лондон с июля по октябрь, а наш приют находился в исторической части города, — во время этой части рассказа у Тома Риддла дернулся кадык, на щеках заходили желваки и, словно юноша вспоминал что-то жуткое, раздулись крылья носа. Со стороны подобную реакцию можно было принять за крайнюю степень волнения.

— На каникулах между пятым и шестым курсами я сумел найти семью моей матери. Дар понимать змей довольно редкий, последним до меня из детей, обучавшихся в Хогвартсе, им обладал, как я выяснил, лишь Марволо Гонт.

К тому моменту, когда я разыскал имя матери, дедушка умер, а дядя Морфин после потери отца и сестры начал с горя злоупотреблять алкоголем и опустился, пропив все, что было в доме. Как-то раз в припадке гнева он разрушил его, а сам поселился в бывшем свинарнике, — продолжил Гарри свои откровения.

— Люциус, не надо на меня так смотреть, я ничем не болен, — обратился он к Малфой.

— Но дядя Морфин, будучи пьяным, рассказал мне, где искать отца, проклиная того на все лады. Потом я долгие годы не мог себе простить, что не обратил на это никакого внимания, — мальчик приступил к заключительной части рассказа о трагедии семей Гонтов и Риддл.

— В поместье Риддлов меня встретили хорошо. Отец мне обрадовался, бабушка с дедушкой приняли меня. Отец плакал, он так и не женился, пронес любовь к матери через всю свою жизнь. Они оставляли меня на ужин, я до сих пор не знаю, почему не принял их предложение, я слишком разволновался. А, вернувшись на следующий день, увидел в поместье авроров. Дядя Морфин из чувства мести убил всю семью моего отца,

ему за это дали пожизненный срок в Азкабана, где он умер. Знаешь, — Гарри обратился к Тому, — как это страшно, всю жизнь искать и в одно мгновение потерять. Я не нашел в себе сил даже прийти на их похороны, и наследство не принял, хотя, имел на него все права, — рассказывал он застывшему, словно статуе, и явно пытавшему сохранить самообладание юноше.

— Поэтому, Люциус, — голос Поттера стал деловым. — Нужна выписка о браке моих родителей, где они оба взяли фамилию Гонт-Риддл. Свидетельство о смерти матери и отца, свидетельство о рождении Тома Марволо Гонта-Риддла, свидетельство о смерти Тома Марволо Гонта-Риддла, свидетельство о рождении образца СССР, где будет указана мать Лисицина Александра Владимировна и отец Том Марволо Гонт-Риддл.

— Тебе, Том, необходимо получить маггловские документы и вступить в права наследования. Человек без семьи — это все равно, что дерево без корней. Там два ничего не стоящих дома, но участки земли хорошие, также, я думаю, по вкладам за эти годы должны были накопиться неплохие проценты. Еще тебе нужно заказать волшебную палочку с пером феникса, — при этих словах снова, было, уснувшая птичка довольно курлыкнула. — И заявить о своих правах на наследство отца в Министерстве Магии. Кольцо тебе, скорее всего, сразу не отдадут, а предложат плату за его аренду.

Соглашайся, — Гарри не хотел, чтобы в руки несостоявшегося Волдеморта попал воскрешающий камень, тем более, тот активно использовался в аврорате для раскрытия тяжких преступлений. — Надо не гоняться за реликвиями прошлого, Том, а создавать свои собственные, чтобы твои потомки за ними гонялись, — резюмировал он.

— Люциус. Могу я на тебя рассчитывать в этом вопросе? — спросил Гарри пытавшегося справиться с переполнявшими его эмоциями Малфоя.

— Вы во всем и всегда можете рассчитывать на меня, Милорд, — героический ореол кумира в глазах Люциуса теперь, вдобавок ко всему, подернулся романтичным флером несправедливого страдания и стойкого преодоления жизненных невзгод.

— Ловлю тебя на слове, друг мой, — голос Гарри стал текучим, мягким, а Том Риддл при виде этой картины счел благом начать рассматривать роспись на потолке.

— Кстати, Том, — вспомнил Поттер. — Министерство Магии до совершеннолетия должно назначить тебе опекуна. Попросись к Артуру Уизли, в его доме до конца каникул по вечерам собирается вся наша компания. Я имею в виду твоих ровесников.

— Люциус, к тебе я отправил бы Тома, если бы тот был трехлетним, — подшутил Гарри над надувшимся при упоминании Артура Малфоем. — Хотя, если мы решим ошипать какого-нибудь павлина, то нагрянем именно к тебе, — «Милорд» откровенно потешался.

— Время уже позднее, — резюмировал Избранный. — Я тебя провожу до камина, Люциус, — Гарри поднялся из-за стола.

Идя вместе с ним по коридорам поместья, подросток вдруг осознал, что этот роскошный красавец во время беременности Нарциссы может запросто завести себе любовницу, и ощутил в связи с этим бешеный приступ ревности.

— Милорд, — когда они стояли у камина, у Малфоя появилось такое выражение лица, словно тот пытался на что-то решиться. — Мне очень жаль, что с Вашими родителями произошла подобная трагедия.

«Спасибо за сочувствие и поддержку. Но я не могу себе позволить быть слабым, только не с тобой». — Люциус, — Гарри серьезно посмотрел мужчине в глаза. — Не пытайся никогда меня жалеть. Всем нам на жизненном пути выпадают испытания, я считаю, что свои я преодолел достойно и теперь заслуженно наслаждаюсь жизнью, — подсластил «пилюлю» Избранный и улыбнулся.

— Простите мне, Милорд, мою дерзость, — Малфой в знак раскаяния встал перед

подростком на одно колено и склонил голову.

«Ты же кайф от этого ловишь, солнышко» — для властной Александры Владимировны подобное поведение стало бальзамом на душу.

— Тебе еще представится возможность постоять передо мной на коленях столько, сколько ты захочешь, — Гарри заправил Люциусу выбившуюся из его косы прядь за ухо и погладил большим пальцем по шее за ним. — Или столько, сколько выдержишь, — голос подростка при этом стал глухим и низким, а из-за пламени камина в глазах сверкнули алые искры.

— Посмотри на меня, — Гарри приподнял за подбородок вверх лицо коленопреклоненного мужчины. — Я глубоко уважаю твою семью и твою жену, Люциус. Но в остальном ты мой. Ты только мой, «мой мальчик» — последние слова Избранный не произнес, от пятнадцатилетнего подростка они прозвучали бы странно. Вместо этого он оттянул голову мужчины назад за косу и провел подушечкой большого пальца по его нижней губе.

— Я только Ваш, Милорд, — подтвердил Люциус, а затем закрыл глаза и прижался щекой к ладони своего Лорда.

«Он поплыл» — констатировал Гарри, с трудом подавляя желание послать все к чертовой матери и оставить Малфоя у себя на ночь. Но в столовой его ждал Том.

— Следующее лето обещает стать прекрасным, мой хороший, — любуясь на ластящегося к нему мужчину, Избранный позволил себе немного нежности и погладил Люциуса по волосам.

— Вставай, иди спать, у тебя завтра сложный день, — Гарри потянул Малфоя вверх и тот поднялся на ноги.

— Буду счастлив видеть Вас завтра в моем доме, Милорд, вместе с Вашим сыном.

— С Томом, Люциус, с Томом. Какой может быть ребенок у пятнадцатилетнего мальчишки, вроде меня? — улыбка у Гарри вышла нежной, искренней и немного насмешливой.

«Еще не хватало мне влюбиться в этого павлина» — испуганно подумал Гарри, вернее Александра Владимировна, стоило Малфоя исчезнуть в зеленом пламени камина. С такими малодушными мыслями Поттер вернулся в гостиную к Тому, чтобы показать юноше дом и помочь с выбором спальни. Все же, Поттер-Мэнор не был огромным дворцом, как Малфой-Мэнор, но тоже оказался немаленьким.

Глава 58

Тома Риддла многое удивляло в новом, изменившемся мире, куда он попал.

И свое изменившееся положение в нем тоже удивляло.

Довольно скромная церемония наречения имени пятого сына Люциуса Малфоя (мальчика назвали Велиаром) плавно и незаметно перетекла в грандиозный прием по этому случаю. Виновника торжества вынесли на одну минутку и показали всем издали. Каково же было изумление Тома Риддла, когда сам хозяин дома подвел его, ранее никому не нужного сироту, к самому министру магии Корнелиусу Фаджу и представил, словно важного гостя.

— Томас Марволо Гонт-Риддл? Приятно познакомиться, — рядом с Министром стоял Гарри вместе со своим крестным Сириусом Блэком, которым юношу тоже представили.

— Том Риддл — это не Ваш родственник? — уточнил Фадж.

— Том Марволо Гонт-Риддл — это мой отец, — признался Томас простодушно, после чего Корнелиус сбледнул с лица, он по долгу службы оказался одним из немногих, кому было известно настоящее имя Волдеморта. — У него была договоренность с моей мамой, что в шестнадцать лет я поеду учиться на его Родину в Хогвартс. К своему огромному сожалению, я узнал, что отец без вести пропал четырнадцать лет назад при невыясненных обстоятельствах... — произнес юноша и замолчал.

— Да, к сожалению, Томас, — Министр решил не вступать в конфронтацию с сыном великого темного колдуна, — что случилось в ночь на Хэллоуин никому доподлинно не известно. Вы уже определились с личностью своего опекуна? Он Вам понадобится до достижения семнадцати лет, — Фадж выразительно посмотрел на Люциуса Малфоя, примерно представляя уже себе, каким будет ответ.

— Возможно, до Хогвартса Томас поживет у Артура Уизли? Мне у него очень понравилось, — неожиданно вклинился в разговор Избранный.

— О, прекрасное предложение, — оживился Корнелиус.

Артур Уизли был начальником отдела по отслеживанию незаконного использования магии несовершеннолетними и, поселив у него Гонта-Риддла, Министр, тем самым, снимал с себя всякую ответственность. — Что скажете, молодой человек?

— Мне, в принципе, все равно, где жить три недели, — тот, словно в растерянности, пожал плечами. С Гарри у него была достигнута договоренность о том, что по достижению им, Томом, семнадцати лет, он сможет проживать в Поттер-Мэноре.

— Вот и отлично. Уверен, что Артур тоже согласится, — кем на самом деле был отец Томаса Марволо Гонта-Риддла, Корнелиус никому рассказывать не собирался, а четырнадцать лет назад, благодаря этому самому отцу, в Магической Великобритании без вести пропало некоторое количество волшебников. Стоявший перед ним юноша мог быть сыном любого из этих несчастных.

Поэтому уже на следующий день Том вселился в небольшую, но уютную бывшую комнату Фреда и Джорджа, которые переехали жить в квартирку, находившуюся над арендованным ими магазином.

Их родители, как и в другой реальности, мечтали, чтобы близнецы сделали карьеру в Министерстве, и идею с магазином розыгрышей не одобрили, но на этот раз обошлось без скандала и эффектного покидания Хогвартса. Тем более, что Джордж и Фред пообещали родителям сдать Ж.А.Б.А. экстерном.

Разложив свои немногочисленные вещи (однако лучше и качественнее у него еще никогда не было) в шкаф, Том наткнулся на лежавшие в его углу тетрадки. Пролистав их, он углубился в чтение, а через некоторое время начал делать на их краях пометки, и так

увлекся, что забыл спуститься к обеду.

— Мальчики, наш гость, наверно, стесняется, — обеспокоилась пригревшая «бедного сиротку» Молли Уизли. — До отъезда в Хогвартс он временно поживет в Вашей комнате, — у женщины язык не поворачивался сказать в «бывшей комнате».

— Поднимитесь наверх и позовите Томаса, — попросила она близнецов, которые продолжали столоваться у родителей.

Те взбежали по ступенькам очень быстро, вспомнив, что перевезли на новое место жительство еще не все свои записи, и застали за их изучением незнакомого парня, который что-то быстро чиркал на полях.

— Ты знаешь... — начал, было, говорить Фред, вынимая из рук Тома свою тетрадь и передавая ее брату.

«Что нехорошо брать чужие вещи?» — Джордж проглотил окончание фразы, прочитав появившиеся заметки. — ...так действительно гораздо лучше! — воскликнул он.

— Я Джордж, — он протянул руку Тому. Тот её пожал.

— Я Фред, — представился Риддлу его брат и тоже взял почитать записи в тетради.

— Слушай, а я до такого не додумался. Если сделать — вот так, — он быстренько что-то дописал, — то зелеными станут не только язык и ногти, но и волосы.

Близнецы углубились в обсуждение. Том, немного одуревший от манеры общения своих новых знакомых и, обрадовавшийся, что его не отругали за то, что он без спроса брал чужие вещи, тоже к нему присоединился.

— Что же они там делают? — на этот раз Молли, опасаясь того, что ее дети как-то разыграли Тома, сама поднялась в их комнату и застала трех склонившихся над тетрадкой, что-то бурно обсуждавших мальчишек.

— Мальчики, идите обедать! — прогремело над их головами.

— Простите, — Том, помня мисс Коул, буквально подпрыгнул на месте, подсознательно ожидая затрещину. Но это была ерунда. Вальпургу за подобное нарушение этикета заперли бы на весь день в отцовском кабинете, а Абракаса отец мог и тростью отходить, когда этого никто не видел, естественно.

— Мама!

— Ты нас напугала!

— Зачем так кричать! — реакция близнецов оказалась несколько иной.

— Будете есть все остывшее! — угроза Молли была воистину ужасной.

Глядя с некоторым изумлением на ничуть не испугавшихся, строивших друг другу рожи Фреда и Джорджа, Том почувствовал, как на его лице сама собой появляется улыбка. Спускаясь по узкой лесенке к столу, Риддл пришел к неожиданному выводу — тот мир, в котором он появился, ему нравился гораздо больше, чем тот, из которого он ушел. Вечером этого же дня путешественника во времени ждало еще одно душевное потрясение.

К Рону Уизли камином прибыли его друзья — Гарри Поттер, собственной персоной, близкое знакомство с которым Том разумно решил не афишировать, и три высоких парня: Невилл Лонгботтом, Винсент Кребб и Грегори Гойл, последний — копия то ли отца, то ли деда, кем приходится его школьный приятель этому мальчику, Риддл не знал. Последней в гостиную вошла кудрявая темноволосая девушка, представленная, как Гермiona Грейнджер, при виде одежды которой воспитанный в начале двадцатого века Том утратил дар речи и что-то промычал в ответ на ее приветствие.

На девицу, которая абсолютно не стеснялась своего внешнего вида, был надет верх от красной женской комбинации, обрезанной по пояс, из-под лямок которой торчали сиреневые лямки от лифчика. Какие-то странные кальсоны, сшитые из голубой,

протертой и рваной парусины, с торчащими белыми нитками, обтягивали ягодицы и ноги девушки до щиколотки так сильно, что не оставляли никакого пространства для воображения.

— Что-то не так? — ехидно поинтересовалась Гермиона, уже примерно представляя, в чем дело.

— Том, — объяснил Гарри шокированному Риддлу, — это такая маггловская мода.

— Я тоже обалдел, когда первый раз увидел, — хохотнул прорезавшимся баском Грегори.

— Они еще шорты носят, — проводя ладонями по бедрам, показывая длину, подтвердил Винсент.

— Когда ее Виктор первый раз в такой одежде увидел, он решил, что это — трусы, а он пришел раньше времени, — вставил своих «пять сиклей» Невилл.

Все же, ребята ревновали подружку к известному ловцу и не упускали случая его поддеть.

— Вообще-то, я еще здесь, — произнесла Гермиона менторским тоном.

У всех троих ее защитников на лицах появилось одинаковое выражение: «А я что? Я ничего».

— Ты магглорожденная? — на всякий случай уточнил Том.

— Да. У тебя с этим какие-то проблемы? — ответила неприлично, с точки зрения Риддла, одетая девушка, а «трое из ларца» за ее спиной неприятно набычились.

Учитывая, что все они входили в список «священных двадцати восьми родов», смотрелось это несколько фантазмагорично.

— Никаких проблем, — улыбнулся Том. — Приятно познакомиться, — он отмер. — У меня у самого «отец»... дедушка магглорожденный, — не скрывать подобные вещи оказалось неожиданно приятно.

— Мне тоже, — улыбнулась Гермиона. Неловкий момент был преодолен.

— Привет! — из камина вывалился Драко Малфой, делавший вид, что вытирает пот со лба.

— А мы уже без тебя играть собрались, — радостно сообщил ему Грегори.

— Отец с самого утра куда-то ушел... Приветствую, Томас, — повествуя о своих «печалях» возмущенным голосом, Драко параллельно с этим начал со всеми здороваться, — ... а мама «плохосебячувствовала», — произнес он скороговоркой. — Так что, только вырвался.

Как же этот мальчик с горящими глазами отличался от словно заключенного в скорлупу Абракса Малфоя!

Затем все направились на улицу. Грегори, Винсент, Драко и Рон побежали к сараю с метлами и, оседлав их, начали играть в самую веселую и бестолковую игру, из тех, что в своей жизни видел Том.

Оставшийся на земле Винсент ловил удиравших от него садовых гномов, раскручивал их над головой и швырял в воздух, где по истошно голосившим садовым вредителям Грегори, Рон и Драко лупили битами из американского бейсбола. Очком считалось, если гном с визгом влетал в ворота. Тот, у кого за десять минут набиралось меньше всего очков, спускался на землю, а тот, кто швырял — поднимался в воздух. И так до бесконечности или пока не закончатся гномы. Том засмотрелся, зрелище было нелепым и увлекательным.

Сам он присоединился к решившим устроить чаепитие в беседке Гарри, Гермионе, Джинни и очевидным образом ухаживавшим за ней Невиллом. Потеряв всякую надежду привлечь внимание Избранного, младшая из Уизли начала одаривать Лонгботтома своей благосклонностью, принимая знаки внимания, которые ей тот оказывал. В это время

Гермиона о чем-то весело болтала с Гарри. Но Том этого уже не слышал. Он перевел взгляд с неба на поле, покрытое цветущим вереском, и увидел шедшую по нему нимфу. На ней был надет зеленый сарафанчик с рисунком из ромашек, а ее казавшиеся золотыми, подсвеченные ласковым вечерним летним солнцем, распущенные волосы, словно корона, украшал венок из полевых цветов. Она была такой стройной, хрупкой, задумчивой, красивой, словно неземной.

Вот так и бывает — пойдет человек пить чай, увидит девушку и влюбится в нее, что бы там Альбус Дамблдор ни говорил о жертвах амортенции.

— Луна пришла, — голос Джинни прозвучал словно издалека.

— Привет, меня зовут Луна Лавгуд, — вскочивший на автомате на ноги Том увидел протянутую ему узкую маленькую ладошку, но не пожал ее, а наклонился и поцеловал, как это обычно делал Виктор Крамм, встречаясь с Гермионой. Поэтому никто не удивился.

— Приятно познакомиться, Томас Гонт-Риддл, — произнес он, заглядывая в ее огромные светло-голубые с ярко-черным зрачком и темной каймой вокруг радужки глаза. Юноше хватило выдержки, чтобы правильно назвать свое новое имя.

— Присаживайся, пожалуйста, Луна, — он распрямился и отодвинул для своей будущей жены (как Том решил за одно мгновение) стул.

Глава 59

Под конец вечера, пустив в ход все свое обаяние, Том был более-менее уверен в том, что понравился Луне и напросился, сославшись на то, что время позднее, провожать ее до дома.

«Если бы моя мама не вышла из дома одна, то с ней не случилось бы ничего плохого» — у юного Риддла изменилась фобия. Раньше он боялся смерти, а теперь опасался за барышню Лавгуд. Если бы с юношей работал опытный психолог, тот сказал бы, что произошел перенос.

Во время романтической прогулки через цветущее вересковое поле, во время которой Том наколдовал для Луны летавших вокруг нее красивых, светившихся в темноте серебристых мотыльков, он успел узнать о девочке многое. Что ее отец владеет журналом «Придира», а мама работает в Отделе Тайн. Луна Лавгуд к тайной радости Риддла, который не перестал быть снобом, оказалась чистокровной и училась на Рейвенкло, причем очень хорошо.

«Обязательно надо принять наследство и отреставрировать отцовский дом» — получивший консервативное воспитание Том Риддл считал, что чистокровные и небедные Ксенофилиус и Пандора Лавгуд неизвестно за кого свою единственную дочь замуж не отдадут.

Это было той причиной, почему он никогда не ухаживал ни за одной девушкой в Хогвартсе, особенно со своего факультета. Тому постоянно приходилось врать и изворачиваться, скрывая свое социальное происхождение. Он прекрасно понимал, что стоит ему начать уделять знаки внимания той же Вальпурге Блэк и кто-нибудь это заметит, его больше не пустят на порог ее дома. А там находилась великолепная библиотека и кормили вкусными обедами. Поэтому юноша предпочитал не рисковать. Но, несмотря на отсутствие романов, девственником он не был. В приюте многие воспитанницы, несмотря на все усилия мисс Коул не допускать подобного, лет в шестнадцать начинали заниматься проституцией. Иногда они беременели, или, что было гораздо хуже, могли подцепить стыдную болезнь. Поднаторевший в зельеварении Том Риддл помогал юным путанам в таких ситуациях, обменивая «тибетские таблетки», как он их называл, на вполне определенные услуги.

Сейчас же, благодаря его взрослой версии, которая носила в данный момент имя Гарри Поттер, все изменилось. Том Риддл попал в общество людей, которых он охарактеризовал, как порядочных, радушных и хороших, и имел счастье общаться с ними на равных, не завираясь и не выкручиваясь, боясь быть разоблаченным в любой момент. Вечерняя прогулка с девочкой-колокольчиком из приличной семьи Луной Лавгуд была для Тома чем-то, не вписывающимся в его картину мира. Еще совсем недавно об общении с подобной барышней он не мог даже мечтать. Поэтому вел себя с ней так, как по представлениям Тома Риддла, должен был себя вести джентльмен.

— Он старомодный, словно из прошлого века, — делилась Луна своими впечатлениями о нем с матерью перед тем, как лечь спать. — Но он очень милый. Его зовут Томас Марволо Гонт—Риддл. Он будет учиться в Хогвартсе на шестом курсе. Как ты думаешь, его распределят на Рейвенкло?

Общаясь с Артуром Уизли на протяжении недели, Люциус Малфой о своем бывшем недруге узнал много нового и интересного. Но больше всего шокировало надменного аристократа то, сколь виртуозно Начальник по контролю за незаконным использованием магии несовершеннолетними манипулировал магглами, ускоряя процесс получения

Томасом Марволо Гонтом-Риддлом документов и вступления им в наследство, и как мастерски менял маггловским чиновникам память после этого. И все это — на совершенно законных основаниях, с полного одобрения Министерства, ни капли не превышая своих служебных полномочий.

«Он с ними, как с животными обращается» — констатировал Люциус Малфой.

В результате, мужчина пришел к выводу, что Артур Уизли не является магглолюбцем, а всего лишь ратует за гуманное с ними обращение. Поняв это, бывший хулиган, обожавший зачаровывать маггловские вещи с тем, чтобы те пугали своих владельцев, признал Уизли достойным уважения волшебником.

— Артур, — спросил как-то раз Люциус, решившись на неформальное общение с Уизли.

— Что ты почувствовал, когда у тебя родилась Джинни?

— В моей жизни появилась определенность, — сознался многодетный отец, вспоминая времена, когда он, будучи очень бедным, понял, что его жена больше не станет рожать, так как получила долгожданную дочку.

— Да, определенность — это важно, — согласился Малфой. Нарцисса собиралась снова беременеть при полной и единодушной поддержке ее матери, отца, многочисленных тетушек и семейных портретов. От былой стройности миссис Малфой остались одни воспоминания.

«Еще фунтов семь и будет Молли Уизли» — вздыхал Люциус про себя, а жену уверял, что ее ничуть не портит полнота.

«Может быть, она родит девочку и похудеет?» — надежда всегда умирает последней.

Для Томаса Марволо Гонта-Риддла в это волшебное лето все складывалось счастливо и удивительно.

Спустя неделю после переезда Тома к Артуру Уизли, опекун вручил ему маггловский паспорт на имя Томаса Марволо Гонта-Риддла, который для жителя британских островов был, в общем-то необязательным, а также документы на владение двумя земельными участками, и домом, построенным на одном из них.

«Теперь я настоящий лорд» — подумал юноша, прижимая к груди драгоценные бумажки.

Но самым захватывающим и значимым для Тома стало изготовление в его присутствии специально для него волшебной палочки. Юноша, глядя на то, как работает Оливандер, был готов поклясться, что тот прекрасно понял, кто перед ним находится, но решил разумно промолчать.

— Тис невозможно убить, — сказал Мастер, вручая Тому результат своих трудов. — Если остается корень, он вырастает заново. А феникс — это волшебное существо, которое возрождается. Удивительно сочетание, юноша, — старик посмотрел Риддлу прямо в глаза. — С вас сорок галеонов, индивидуальный заказ, — Том уже, было, полез в сумку за деньгами. Накануне Гарри вручил ему показавшуюся сироте астрономической сумму — пятьсот галеонов, но Люциус Малфой, который ходил с сыном Милорда по магазинам, расплатился сам. Чудный новый мир оказался щедрым и гостеприимным.

В Министерстве Магии Томаса Марволо Гонта—Риддла ожидало новое потрясение. Люциус Малфой провел его в Отдел по наследственным спорам, где юноша предъявил свои маггловские документы, а так же поклялся, что появился на свет благодаря Томасу Марволо Риддлу, сыну Меропы Гонт. Именно так, слово в слово, Гарри настаивал на строгости формулировки. После чего Тому вручили некогда принадлежавший его деду медальон Салазара Слизерина. Вслед за этим попросили подписать бумагу, по которой он, Томас Марволо Гонт-Риддл, отдает в бессрочную аренду Министерству Магии реликвию, известную, как кольцо Гонтов, и получает за это компенсацию в размере

восьмисот галеонов в месяц.

Вспомнив наставления своего второго «Я», а также про то, что подобный доход убирает все препятствия на дороге к женитьбе на девушке из хорошей семьи (Луна после окончания школы мечтала путешествовать), юноша согласился. Хотя, подписывая согласие, которое тут же улетело на визирование к Артуру Уизли, Том испытал двойственные чувства. Но когда узнал, что обещанные суммы будут поступать в его ученический сейф и он сможет воспользоваться ими сразу и без ограничений, бывший бедный сирота окончательно повеселел.

Остаток лета он провел весело и беззаботно.

Как и предупреждал Гарри, в доме Уизли собиралось много молодежи. Иногда к уже известной Тому компании присоединялись четыре девочки: сестры Дафна и Астория Гринграсс, а так же Ханна Аббот и Сьюзен Боунс. В этом случае никто не играл в «Пни гнома». На улице вытаскивали старый патефон и начинались танцы. Изредка портключем прибывал знаменитый Виктор Крамм, в эти дни Гермиона Грейнджер оказывалась потерянной для общества.

Жизнь Тому Риддлу казалась настолько прекрасной, что иногда он думал, что все не по-настоящему. Что он проснется от того, что его потрясет за плечо мисс Коул и попросит «тибетские» таблетки от похмелья. Повзрослев, юный Риддл оценил усилия этой женщины. Какой бы та ни была, но они не мерзли в приюте, не ходили ободранными и голодными, да и били их немного, не больше, чем «домашних» детей в школах. А то, что еда была не слишком вкусной, а одежда не новой. Где взять деньги на лучшее? Конечно, мисс Коул бухала, но людей без недостатков нет. Те времена, когда они с директрисой приюта панически боялись друг друга, давно прошли.

Но потом Том просыпался в уютной спальне дома Уизли и вспоминал, что мисс Коул умерла, а мемориальная доска с ее именем висит на стене отремонтированного на деньги спонсоров приюта для жертв семейного насилия. Именно так теперь именовалось это старейшее в Лондоне учреждение.

Если Риддлу становилось совсем грустно, он доставал из купленного в Косом Переулке, солидного, обитого кожей с медными уголками сундука свадебную фотографию своих отца и матери, которую ему отдал Гарри Поттер. На ней были изображены красивый, наряженный во фрак мужчина действительно очень похожий на Тома и девушка с несколько резковатыми чертами лица в белом свадебном платье и роскошной кружевной фате.

(Создававший этот шедевр Гарри Поттер изрядно помучился, работая в фотошопе).

К фотографии прилагалось письмо:

«Дорогая мама. Я не могу больше оставаться в вашем с отцом доме, так как не смогу выполнить обязательства неосмотрительно принятые мной перед Джорджианой. Единственным извинением мне может служить лишь то, что я собираюсь жениться на женщине, которую люблю больше жизни и вместе с которой собираюсь ее прожить. Твой недостойный тебя, но любящий сын Том».

Письмо, в отличие от фотографии, было настоящим и щедро полито слезами скандализированной бабки Тома.

В его нахождении Гарри очень помогла записка из дневника Регулуса Блэка.

«Милорд настолько ненавидит магглов» — писал тот, — «что говорит, что ему противно дотрагиваться до маггловской переписки» — наверно, Волдеморт действительно очень доверял своему аманту, раз пустился в подобные откровения.

Проникнув под мантией невидимкой в дом Риддлов, Гарри действительно обнаружил в комнате бабки Тома Риддла перевязанную бечевкой, отсортированную по годам,

сложенную в ящики корреспонденцию, полученную миссис Риддл. И тщательно отобрал и уничтожил все письма, где обманутый мужчина выпрашивал прощения у родителей, ссылаясь на «околдовавшую его ведьму, мерзавку Гонт» которую он «прогнал от себя». Только вот о том, что его жена была при этом беременной, Том Риддл Старший никому не рассказал.

«Редкостный подлец» — констатировала Александра Владимировна, сжигая в камине эти жалкие эпистолы.

Так что Томас Марволо Гонт-Риддл никогда не узнал об этих мрачных страницах взаимоотношений своих родителей. Для него они навсегда остались молодыми, красивыми, влюбленными в друг друга и трагически разлученными судьбой.

Август промелькнул незаметно. Все свое время Том делил между улучшением изобретений близнецов, долгими разговорами с Артуром Уизли о тонкой науке модификации памяти и ухаживанием за Луной Лавгуд.

Том очень переживал, что не сможет общаться с ней Хогвартсе так много, как ему хотелось бы. Поэтому не было ничего удивительного в том, что когда юноша с немалым трепетом в душе приехал в школу и во второй раз в жизни проходил процедуру распределения, Шляпа, ехидно прокомментировав: «Что я тебе говорила, Том?» — громко выкрикнула:

— Рейвенкло!

Глава 60

Несчастья, бедность, пренебрежение и страдания, особенно перенесенные в детстве и переходном возрасте, никого не делают лучше. Заместитель Министра Магии Долорес Амбридж стала еще одним тому подтверждением.

Ее мать была магглой, а отец — волшебником без какой-либо блестящей родословной, работавшим в Хозяйственном отделе Министерства Магии на самой рядовой и бесперспективной должности. С помощью зачарованных половых тряпок тот приводил в чистоту министерские коридоры и кабинеты, а попросту являлся обыкновенным уборщиком. Вдобавок к этому у Долорес был брат-сквиб.

И вот с таким «капиталом» шляпа распределила девочку на Слизерин. Там ей пришлось изворачиваться и врать, чтобы никто, не дай Мерлин, не узнал правду. Школьные годы Долорес пришлось пережить на времена расцвета почитания магглоненавистника Волдеморта, узнай кто-нибудь, кем на самом деле являлась её мать, слизеринку бы затравили. А еще юная мисс Амбридж была некрасивой и оказалась магически слаба. Юноши, которые ей нравились, не обращали на нее никакого внимания, а элементарные заклинания не получались с завидной регулярностью. Сложно оставаться хорошим человеком, когда все, о чем ты мечтаешь, оказывается недоступным, но другим дается легко и непринужденно. В сердце Долорес поселилась зависть к её более родовитым, богатым, красивым и одаренным товаркам по факультету и та разъела ее душу, словно кислота.

Очередным ударом для пятнадцатилетней Долли явилось предательство матери, которой девочка стыдилась и не слишком это скрывала, всегда во время домашних скандалов принимая сторону отца. Тот постоянно упрекал жену в том, что она родила ему сына-сквиба. В конце концов, миссис Амбридж накушалась «радостями» волшебного мира и развелась с отцом слизеринки, уехав с сыном жить в маггловский мир. Дочери же написала напоследок, что та может рассказать всем своим друзьям-волшебникам, что ее мать умерла, и больше не бояться позорного разоблачения.

Долли вернулась после пятого курса в осиротевший, непривычно пустой дом, застав там опечаленного отца, и, увидев, как тот страдает, написала письмо матери. Та долго не отвечала, а затем девочка получила письмо. В нем бывшая миссис Амбридж ответила дочери, чтобы та больше не искала общения с ней. Женщина написала, что не понимает, как она могла выйти замуж за такого уродливого мужчину и родить такую непривлекательную, глупую, злую, высокомерную дочь, что та ее больше не увидит. Что у нее есть нормальный ребенок, с которым она собирается начать новую жизнь, а волшебный мир собирается забыть, как страшный сон.

В тот день Долорес узнала, что такое больно по-настоящему и что такое по-настоящему ненавидеть.

— Она нас выкинула, как мусор, папочка, — плакала Долли.

— Я был во многом не прав, дочка, — сокрушался мужчина.

Мисс Амбридж решила, что у нее мать предательница и отец тюфяк. А еще ей очень захотелось сделать кому-нибудь больно, как в переносном смысле этого слова, так и в прямом. Чтобы кому-нибудь стало хуже, чем ей.

Отвергнутая матерью, некрасивая, не замечаемая парнями, которые ей нравились, видевшая, с какой снисходительностью относятся к ней одноклассницы, магически слабая Долорес почувствовала себя настоящим изгоем. Именно в тот самый день она решила, что она «всем им покажет».

У юной слизеринки имелись в наличии сильные стороны. Она была упорной, пунктуальной, трудолюбивой, умной девушкой и очень амбициозной.

Закончив Хогвартс с максимально высокими баллами, которые для нее были возможны, Долли устроилась работать в Министерство в Отдел неправомерного использования Магии младшим стажером и уже через полгода ее приняли туда на полную ставку. Вот где она смогла отвести душу! Никакие слезы не могли ее разжалобить, ни детские, ни взрослые, особенно, если она имела дело с магглорожденными. Но взятки мисс Амбридж начала брать с удовольствием, спуская в таких случаях дело на «тормозах».

Приобретя не вполне законный источник дохода, позволявший ей себе ни в чем не отказывать, Долорес уговорила отца уйти на пенсию досрочно и поселила в уютном коттедже за городом. Чтобы тот не мешал ей делать карьеру в Министерстве, и в дальнейшем всячески откровенничалась от «старины Амбридж», говоря, что она сирота, а это ее однофамилец.

Постепенно мечты Долорес начали сбываться. Хорошо работая, лебезя и заискивая перед своим начальством, не забывая в удобные моменты напоминать тому о своих заслугах, в глубине души его презирая, запугивая конкурентов, она росла по карьерной лестнице, дослужившись к сорока восьми годам до должности заместительницы Министра Магии, которому демонстрировала свою полную и безоговорочную лояльность. Фадж оценил в Долорес те же самые качества, что Гарри в Люциусе Малфое — ей можно было без дополнительных объяснений дать любое, в рамках разумного, конечно, не всегда приятное поручение, и та его выполняла, не задавая никаких вопросов. Еще одной положительной чертой мисс Амбридж Конрелиус Фадж считал то, что та не боялась дементоров, могла спокойно с ними общаться и передавать стражам Азкабана поручения из Министерства.

Сам Фадж боялся этих темных порождений Магии, поэтому именно Долорес отправлялась в Азкабан следить за тем, чтобы приговоры Визенгамота относительно особо опасных преступников выполнялись неукоснительно.

Возможно, дементоры нейтрально относились к Долорес Амбридж, так как ощущали с ней некое сродство. Вряд ли кто-то еще из волшебников, включая Волдеморта, с таким же наслаждением наблюдал за паникой приговоренных к поцелую дементора преступников и наслаждался видом их слез и отчаяния, как это делала заместительница Министра Магии.

По той же причине у Долорес не сложилась личная жизнь. Мужчины пугались ее жестокости, а встретить истинного мазохиста ей не посчастливилось. Вот и проводила мисс Амбридж одинокие вечера, выдумывая разнообразные пыточные приспособления в обществе тарелок с изображением кошек.

Жизнь начала напоминать ей вязкий кисель, сладкий, такой же розовый, как ее любимые платья, и столь же однообразный. Это заставляло женщину скучать и злиться еще сильнее. Пока в один прекрасный момент ее шеф, Корнелиус Фадж, не попросил ее под предлогом инспекции в Хогвартсе, в связи со сменой директора, пожить в школе и понаблюдать незаметно за Томасом Марволо Гонтом-Риддлом. И в том случае, если в его поведении не обнаружится ничего необычного, после зимних каникул вернуться обратно на работу в Министерство.

И вот, наряженная во все в розовое, улыбающаяся приторной улыбкой Долорес Амбридж сидела за преподавательским столом и наблюдала за распределением первоклассников. — Рейвенкло! — закричала распределяющая шляпа, немного побыв на голове поступившего в Хогвартс на шестой курс Томаса Марволо Гонта-Риддла.

Пока Амбридж ничего плохого о нем сказать не могла: опрятный, спокойный, вежливый,

хорошо причесанный ученик с прекрасными манерами ей очень понравился.

Глава 61

— Я приветствую вас в стенах Хогвартса, — Гораций Слагхорн произносил первого сентября речь в качестве директора впервые и немного волновался.

— С огромным удовольствием представляю вам преподавателя танцев и этикета, Гилдероя Локхарда, — при этих словах под аплодисменты, перешедшие в овации (отбивали себе ладони в основном девочки), со своего стула поднялся сидевший за преподавательским столом волшебник в ярко-голубой мантии.

Несомненно, улыбался он лучезарно, и был, пускай слащавым, но, все равно, весьма красивым мужчиной, однако, едва увидев известного писателя Магического Мира, Гарри Поттер начал испытывать к нему стойкую неприязнь. С точки зрения Избранного Гилдерой Локхард являлся самовлюбленным наглым мошенником, присваивавшим себе чужие достижения и стиравшим людям память. Обладание несомненным литературным талантом его в глазах Избранного ни капли не извиняло.

— А так же я хочу представить вам Долорес Амбридж, — старик Слагхорн приветливо улыбался, глядя на бывшую ученицу, которой он в свое время устроил протекцию в Министерстве Магии, и та превзошла все его ожидания, — заместительницу Министра Магии. Долорес побудет у нас в гостях, чтобы убедиться, что мы живем здесь, как одна дружная семья. Прошу ее любить и жаловать, — аплодисменты раздались снова, хотя они прозвучали пожиже, нежели когда хлопали белокурому красавцу Локхарду.

Женщина жеманно поднялась со своего места и расплылась в еще более приторной улыбке, нежели до нее это сделал преподаватель этикета, продолжая оглядывать Большой зал взглядом акулы-убийцы.

«Локхард — Амбридж, Амбридж — Локхард... Будет весело...» — идея, родившаяся в голове Гарри, чуть не заставила его прослушать дальнейшую речь Горация Слагхорна. Тот рассказывал интересные вещи. Что, начиная с этого года, все будут кушать из серебряной посуды. И если у кого-то заклинания начнут получаться более сильными, или, напротив, слабыми, чем были до этого на аналогичных занятиях, то этот ученик обязан обратиться к декану своего факультета (деканом Слизерина стала профессор Аврора Синистра) с целью прохождения дополнительной профессиональной ориентации. Так же Директор Хогвартса просил никого не удивляться, если вдруг ни с того, ни с сего кому-то из учеников захочет прислуживать домашней эльф персонально.

— Это значит, что его привлекает Ваша магия, и он впитывает в себя ее излишки. Вполне возможно, что такой домашней эльф захочет стать Вашим личным слугой и уедет вместе с Вами из Хогвартса, — резюмировал Слагхорн. Затем пожелал всем приятного аппетита и начался пир.

Студенты зашумели, обсуждая нововведения, а Долорес Амбридж застыла, словно соляной столб.

«Это все из-за них! Из-за магглорожденных! Они ели из золотой посуды и крали мою магию!» — наконец-то женщина нашла причину всех своих несчастий и готовилась насладиться унижением грязнокровок, у которых, с ее точки зрения, ничего больше не должно было получаться на уроках.

Долорес выдохнула и приступила к долгожданному обеду.

Последовавшие за ним вечер и ночь прошли без приключений.

Утром же, разбирая в обвешенном его собственными портретами кабинете полученную за завтраком корреспонденцию, Гилдерой Локхард прочитал одно из писем, после чего сильно побледнел, откидывая то в сторону, словно ядовитую змею. Затем подобрал пергамент с пола и с лицом приговоренного к смертной казни висельника прочитал

послание еще раз.

«Неуважаемый Гилдерой Локхард» — было написано в нем каллиграфическим почерком с правильным наклоном. — «Мне все про Вас известно. Я знаю, что Вы путешествуете по миру и стираете память уважаемым волшебникам, приписывая затем себе их достижения. Я легко могу это доказать. Поэтому, если Вы не хотите провести несколько томительных лет в Азкабанае, ублажая своей красотой охранников и дементоров, Вы сделаете все возможное, чтобы пребывание Долорес Амбридж в стенах Хогвартса стало счастливым и незабываемым. Вы доставите этой славной женщине столько радости, сколько Вы в состоянии это сделать».

Подписи не было, послание оказалось анонимным.

«Я должен закрутить роман с Долорес Амбридж» — мужчина перечитал письмо еще раз, то не исчезало, текст не менялся. Чувствуя, как по его позвоночнику течет противный холодный пот, Гилдерой схватился за волосы.

Он понимал, что выбора у него нет, что придется подчиниться неизвестному отправителю-шантажисту и начать ухаживать за женщиной-коротышкой в розовом. Если бы этот писатель-мошенник знал, к каким последствиям приведет его решение, он предпочел бы Азкабан.

Глава 62

Долорес Амбридж отнеслась к слежке за Томасом Марволо Гонтом-Риддлом со всей ответственностью, но даже при самом пристрастном наблюдении не нашла ничего, к чему можно было бы придраться в его поведении. Юноша был вежлив, галантен, прекрасно учился, был со всеми в хороших отношениях, пользовался авторитетом в коллективе. Все свое свободное от учебы время он посвящал общению с мисс Луной Лавгуд, с которой учился на одном факультете, но при этом вел себя с девушкой, как джентльмен. Еще Томас Марволо Гонт-Риддл, в соответствии с донесением эльфов Хогвартса, вел интенсивную переписку с перешедшими на домашнее обучение Джорджем и Фредом Уизли, сыновьями своего опекуна Артура Уизли. Из походов в Хогсмит юноша всегда возвращался трезвым, предпочитая посещать вместе со своей девушкой магазин «Сладкое королевство» и находившийся при нем кафетерий. Томас Марволо Гонт-Риддл не совершал ничего подозрительного, не нарушал дисциплину, не вступал в конфликты, о чем Долорес регулярно сообщала Корнелиусу Фаджу. Гораздо больше мисс Амбридж волновало и задевало поведение известного писателя, который почему-то согласился преподавать в Хогвартсе танцы и этикет, Гилдероя Локхарда.

Когда этот привлекательный и молодой мужчина начал ухаживать за ней во время трапез в Большом зале, Долорес приняла это за элементарную вежливость и даже была польщена.

Но затем подобные сцены начали повторяться с завидной регулярностью. Когда мисс Амбридж пришла инспектировать занятия по танцам, Локхард попросил ее составить ему пару и его объятия были приличными на границе допустимого. Да и на занятиях по этикету, где Гилдерой предложил инспектору из Министерства встать с ним в пару, чтобы показать детям, как галантно ухаживают за дамами: целуют им руки, помогают вставать с кресла и так далее, прикосновения преподавателя вышли за рамки обычной демонстрации.

— Вы так научите их дам соблазнять, проказник, — жеманно хихикала заместительница Министра, встретившись с ним в учительской.

Гилдерой, заглядывая женщине в глаза, ответил, что в данном случае все зависит от дамы.

Когда к ней за столик во время её наблюдений за воркующей парочкой: Томасом Гонтом-Риддлом и Луной Лавгуд, подсел якобы случайно зашедший в «Три метлы» «укрыться от непогоды» Гилдерой Локхард, Долорес окончательно утвердилась в подозрениях, что красавец-мужчина пытается за ней ухаживать.

Если бы ей было восемнадцать лет, она, несомненно, обрадовалась бы и приняла все за чистую монету. Но женщине было сорок восемь и она с горечью осознала, что известные, привлекательные, молодые и обеспеченные мужчины не обращают внимание на таких женщин, как она, просто так.

«Что ему от меня надо? Возможно, то, что мы оба оказались в Хогвартсе одновременно — непростое совпадение? Кто его ко мне подослал?» — Долорес ни на секунду не поверила в искренность сидящего перед ней волшебника.

«В таких, как я, не влюбляются» — несколько горьких, но поучительных уроков из собственной жизни придали мисс Амбридж в этом уверенности. «Но, каков актер!» — Долли приторно улыбалась сладкоречивому мужчине, который в данный момент расписывал ей, сколь вкусный херес ему прислали накануне.

— Приходите ко мне с бутылочкой сегодня вечером, Гилдерой, — Долорес накрыла

холеную руку собеседника своей пухлой, униженной серебряными (золото она сняла) перстнями ладошкой, сделав вид, что поверила разыгранному перед ней представлению. Если бы Локхард был голодранцем, искавшим ее протекции в Министерстве, Долли ничему бы не удивилась. Но интерес состоявшегося человека к ее персоне не находил у женщины никакого разумного объяснения. Поэтому мисс Амбридж решила все прояснить.

В тот же вечер, плеснув в рюмку с хересом Гилдероя Локхарда (когда тот отлучился в приватную комнату полюбоваться своим отражением в зеркале) щедрую порцию сыворотки правды, Долорес дождалась, пока мужчина ее выпьет и спустя минуты три начала, привязав его заклинанием к креслу для верности, задавать интересующие ее вопросы.

— Почему Вы начали проявлять ко мне интерес, Гилдерой? — она сладко улыбалась, глядя утратившему на время все эмоции волшебнику прямо в глаза.

— Меня заставили, — монотонно отвечал мужчина, не имея возможности себя контролировать.

— Кто заставил? — Долорес Амбридж чуть на месте не подпрыгнула. Кто-то явно под нее копал.

— Я не знаю, я получил анонимное письмо во время завтрака вместе с другой корреспонденцией.

— Чем Вас шантажировали, Гилдерой? — сладко зевая, чтобы скрыть волнение, закрывая рот ладонью, поинтересовалась женщина.

— Аноним знал, — здесь Локхард предпринял попытку сопротивляться сыворотке правды, но она оказалась тщетной, — что я не совершал тех подвигов, что описаны в моих книгах.

— Кто их совершал? — женщина продолжала допрос.

— Разные волшебники, рассказы которых я слушал, — мошенник все еще пытался ничего не рассказать.

— Что случилось с этими волшебниками? — Долорес умела докапываться до истины.

— Я стирал им память об их подвигах, — после этих слов в глазах допрашиваемого появилось обреченное выражение.

— Что именно Вам велел сделать аноним?

— Он мне велел развлекать Вас всеми возможными способами и сделать Ваше пребывание в Хогвартсе максимально приятным, — сообщил Локхард.

«Возможно, это написал родственник пострадавшего или Гилдерой анониму чем-то насолил?» — где-то в глубине души женщины жила маленькая Долли, которая все еще мечтала, что кто-то будет любить ее и заботиться о ней бескорыстно. Мисс Амбридж пыталась задавить эту никчемную мыслишку, но та сопротивлялась изо всех сил.

В принципе, Гилдерой Локхард рассказал достаточно для того, чтобы заместительница Министра вызвала авроров и отправила мошенника в Азкабан, но Долорес решила воспользоваться ситуацией и сделать ее для себя максимально ясной.

— Какие чувства Вы ко мне испытываете на самом деле, Гилдерой? — она словно специально ковыряла в собственной душе незаживающую рану.

— Я Вас боюсь, госпожа заместительница Министра, — ответ оказался весьма интересным, Долли решила с вызовом авроров повременить.

— Я Вам противна? — задала она мучавший ее вопрос.

— Нет, — ответил несчастный мужчина.

— Я кажусь Вам привлекательной? — надежда всегда умирает последней.

— Я не разбираюсь в красоте женщин, — признался Гилдерой.

— Вы мужеложец?

— Нет, — ответил мужчина.

«Он зоофил?» — Что Вас интересует в сексе? — если раньше мисс Амбридж смотрела на Локхарда взглядом барракуды, то теперь ее взгляд стал тяжелым и маслянистым.

— Я интересую, — закашлявшись, ответил Гилдерой.

— Вы онанист? — уточнила Долорес.

— Я мастубирую, — ответил Локхард, заливаясь краской, сыворотка правды переставала действовать.

— Как Вы это делаете? — быстро спросила женщина.

— Перед зеркало... Вы не имели права! — пришедший в себя мужчина рванулся из пут, а затем обмяк в кресле, свесив голову. Несмотря на свое возмущение, он выглядел полностью уничтоженным. Его жизнь, его репутация — все было погублено.

— Гилдерой, — произнесла Долорес вкрадчиво. — Я не вызову авроров, но Вы сейчас поклянетесь мне своей магией, что впредь будете делать все то, что я Вам прикажу, никому никогда про это не расскажете и не попытаетесь мне навредить. Пообещайте стать моим рабом, Гилдерой, — она, будучи в полной уверенности, что мужчина ей не откажет, подошла к нему и потрепала его по щеке, больно ухватив за нее.

— Или Вы предпочитаете общество дементоров в Азкабана? — женщина плотоядно оглядывала свою собственность.

«Он не сможет мне сопротивляться, я с ним сделаю все, что захочу» — она уже потирала руки, радуясь, что, наконец-то сможет испытать свои пыточные изобретения на во всем послушном ей мужчине.

Что оставалось делать несчастному разоблаченному мошеннику? Чувствуя себя мухой, попавшей в паутину, он поклялся. И тут же получил приказ раздеться догола и лечь на живот на стол. Больше Долорес пока не к чему было привязывать свою жертву.

Глава 63

«Ты сейчас у меня получишь!» — кровожадно думала мисс Амбридж, плотоядно оглядывая округлый и белый филей привязанного к столу Гилдероя Локхарда.

«За все получишь!» — женщина трансформировала перо в длинную, упругую и хлесткую розгу.

Это «за все» подразумевало очень многое, но, в большей степени: «За то, что на меня никогда не обращали внимание такие, как ты!»

— Вжик! — розга рассекла воздух, тишину разрезал крик отчаяния и боли, который издал несчастный Локхард, а на идеально белой коже его ягодич начал наливаться алым и набухать след от удара розгой.

— Вжик! — Гилдерой попытался вырваться, выгнулся и завыл, словно раненое животное, когда Долорес ударила его вновь, но мужчина был слишком крепко привязан и лишь содрал себе кожу на запястьях и щиколотке, поскольку веревка, стоило ее натянуть, выпускала острые и маленькие иголки (личное изобретение Амбридж). После этого Локхард заорал еще громче.

— Вжик! Вжик! Вжик! — попа мужчины была исполосована поперечными полосками от порки, принимая постепенно из-за наливающихся гематом все оттенки розового, красного и фиолетового.

— Вжик! Вжик! — Долорес начала входить в раж, а истощенный до этого пленник сорвал голос. Он сипло подвывал и скулил на одной ноте, в какой-то момент он почувствовал, словно его затылок ошпарили кипятком, все тело мужчины покрылось холодным потом и стало не так больно.

Во время ударов розгой вдоль позвоночника начали растекаться теплые волны, словно кто-то окатывал Гилдероя горячей водой.

Во время особо сильного удара у мужчины что-то скрутило в паху и он испытал острое чувство сладострастия, такое сильное, какого у него не было еще ни разу в жизни.

Мисс Амбридж порола Локхарда с огромным воодушевлением и энтузиазмом. После очередного удара розгой она увидела, как мужчина вытянулся на столе, у него затряслись ягодичы и икры, он хрипло закричал, содрогнулся и обмяк.

— Гилдерой, Вам плохо? — опасаясь, что по неопытности она забила мужчину до смерти, и уже просчитывая варианты, как будет избавляться от трупа, Долорес приложила палец к шее мужчины, чтобы проверить, бьется ли у него сердце.

— Мне хорошо, — вид у мошенника стал, словно у пьяного, он еле шевелил языком и не мог от слабости открыть глаза.

«Что это с ним такое?» — Фините Инкантатем, — волшебница отвязала Локхарда от стола.

— Мобиликорпус, — она транспортировала его по воздуху на диван, на который мужчина рухнул, словно мешок с картошкой.

«Чем тут воняет?» — по комнате распространился непривычный для Долорес резкий запах спермы, а на столе она увидела размазанное белесое липкое пятно.

— Экскурро! — женщина быстро очистила поверхность стола и живот Гилдероя, надеясь таким образом избавиться от зловонья. Вроде помогло.

Локхард, тем временем, уснул и даже захрапел.

Долли с возмущением смотрела, как это извращенное животное, способное испытать оргазм от порки, заняло ее прекрасный розовый диван в гостиной. Вне себя от возмущения, она уперлась мужчине в бок ногой и спихнула его на пол. Тот рухнул, словно куль, но не проснулся. Тогда Долли его пнула — ноль реакции. Гилдерой что-то

пробормотал и продолжил спать.

«Ну ладно...» — мисс Амбридж посмотрела на обмякший член Гилдероя и наколдовала заклятие, которое обычно накладывали мамы на пальцы годовалых детей, чтобы те их не сосали. Но если в случае с младенцами все заканчивалось легким пощипыванием, то Локхарду в случае эрекции было обеспечено сильное жжение.

«Никакого больше онанизма» — злорадно подумала Долли.

Теперь, когда все так сложилось, неожиданно, но неплохо, у нее на этого мужчину появились огромные планы.

Глава 64

— Том, я же тебе обещал, что она от тебя отстанет, — пристальный интерес к своей персоне со стороны дамочки в розовом юный Риддл заметил сразу и пожаловался Гарри. В ответ на что тот пообещал принять меры, и попросил юношу, чтобы тот вел себя, как обычно, до тех пор, пока Амбридж не умерит свое любопытство.

— Я тебе говорил, что все будет нормально, Том, — спустя две недели после драматических событий в апартаментах мисс Амбридж, юноши прогуливались перед ужином вдоль Черного Озера.

Действительно, Долорес не на шутку увлеклась своей живой игрушкой и перестала следить за тем, ради кого ее прислали в Хогвартс, а отчеты сочиняла: не был, не встречался, не замечен, ведет себя идеально.

— Я переключил ее внимание на более интересный объект, — ехидно и даже немного скабрёзно рассмеялся Гарри. Однажды из любопытства он проник после отбоя в апартаменты Долорес Амбридж — увиденное впечатлило.

«Надо будет с Люциусом сделать что-нибудь в этом роде», — Александра Владимировна сумела насладиться зрелищем.

— Расскажешь?! — глаза Тома Риддла заблестели от любопытства.

«Говорить? Не говорить?» — выдавая виды, жившая в душе Избранного женщина считала, что до некоторых знаний Томас еще не дорос.

— У нее роман с Локхардом, — сообщил Гарри и рассмеялся.

— Странный у них какой-то роман, — констатировал, помолчав немного, наблюдательный Гонт-Риддл. — Он постоянно находится под чарами иллюзии, похудел, неловко двигается на танцах и садится с осторожностью.

— Возможно, у них очень бурный роман и он перетрудил поясницу? — Избранный пнул ногой маленький камешек и тот улетел в озеро.

— Полагаю, у него болит немного ниже, — констатировал Том Риддл, после чего сделал то, чего Гарри от него не ожидал. Юноша весело рассмеялся. А Поттер понял, что недооценил собеседника, забыв, в какой среде тот воспитывался, и что Том, возможно, знает о темных сторонах людских желаний гораздо больше, чем иной взрослый человек.

— В любом случае, нас с тобой это не касается. Главное, что она за тобой больше не следит. Надо будет попросить у Слагхорна дополнительные занятия в лаборатории. Как ты считаешь? — Гарри перевел разговор на другую тему и они продолжили прогулку.

Тем временем, новый Директор Хогвартса тоже размышлял о странном поведении Гилдероя Локхарда. Тот похудел, осунулся, улыбался как-то вымученно и утратил весь свой сияющий и слащавый вид.

— Поппи, душечка, — Гораций Слагхорн мог себе позволить подобное обращение к школьной колдowedьме, поскольку знал ее еще школьницей. — Не могла бы ты сегодня поужинать вместе со всеми. Мне не нравится, как выглядит наш славный Гилдерой. Проверь его, только, пожалуйста, незаметно, — в отличие от Дамлдора, Слагхорну не было безразлично состояние здоровья преподавателей.

— Гораций, — несколько часами позже сидевшая после ужина в кабинете Директора мадам Помффри выглядела озадаченной и даже смущенной.

— Гилдерой Локхард действительно нездоров, — продолжила она. — Но повреждения, которые он получил и почему-то не лечит, более свойственны были началу и середине двадцатого века, чем нынешним временам. А другие повреждения странны для школы, разве что Гилдерой покидает ее пределы, — Поппи начала издалека.

— Помона, Вы не могли бы выразиться яснее? — Слагхорн задал ей тот вопрос, что она ждала.

— У него повреждения на ягодицах и спине, как после порки розгами, а так же воспалены... — женщина замялась на мгновение, — прямая кишка и анальное отверстие. — Вы подозреваете содомию? — последние из перечисленных болезней были той причиной, по которой Гораций в юности предпочел остаться девственником, но не пасть перед соблазном, идя на поводу у позорных желаний плоти.

Но, с другой стороны, Локхард теперь мог пользоваться сочувствием директора Хогварства, как товарищ по несчастью.

— Да, причем насильственную. Вряд ли это геморрой, — мадам Помффри была рада закончить разговор, так как тот ее смущал. Она помнила те времена, когда была ученицей Слагхорна. Ей было тяжело обсуждать с ним столь деликатные темы.

— Спасибо, Поппи. Ты очень мне помогла. Надеюсь на твою деликатность в этом вопросе, так как собираюсь разобраться, в чем дело, и послать к тебе беднягу Гилдероя за медицинской помощью... — Гораций вздохнул.

«Насильственные действия сексуального характера, совмещенные с поркой в Хогвартсе? Уму непостижимо! А если это делает кто-то из детей бывших пожирателей?» — врагов себе на старости лет Слагхорну наживать не хотелось, поэтому он посчитал правильным решить проблему по-тихому.

— Гилдерой, зайдите ко мне, пожалуйста, — произнес в спальне Локхарда патронус в виде хищной кошки манула, когда тот готовился к очередному мучительному «свиданию».

Гилдерой Локхард, несомненно, был трусом, но бесхребетным человеком он не являлся. То, что Долорес Амбридж узнала две его тайны — мошенничество и склонность к самолюбованию, совмещенную с онанизмом, приводило его в совмещенную со стыдом ярость. А то, что он на свиданиях с этой немолодой, жестокой и извращенной женщиной, которая его в добавок к порке содомизировала, испытывал яркие оргазмы, заставляло мужчину испытывать чувство омерзения и к ней, и к себе. Гилдерой не смог принять эту свою очередную ненормальность, как часть самого себя.

Выбор у мошенника был небольшой: Азкабан, потеря магии, самоубийство или позорное рабство в руках ненормальной женщины.

Этим вечером Локхард решил стереть Долорес Амбридж память, придя к заключению, что в такой ситуации остаться сквибом для него — меньшее из зол. Работа у мужчины была, на уроках этикета и танцах магия была не нужна, поэтому ее потерю вряд ли кто-нибудь мог заметить. Ушедший на покой герой — не самый плохой выход из ситуации. Размышляя о том, от кого из своих многочисленных поклонниц он сможет принять в дар домового эльфа (совсем без волшебства Локхард жить не собирался), Гилдерой оправил мантию и улыбнулся, глядя на себя в зеркало.

Патронус от Слагхорна застал мужчину тогда, когда он уже сделал шаг по направлению к камину, чтобы прибыть в апартаменты Долорес Амбридж.

«Она прибьет меня за опоздание...» — промелькнула трусливая мыслишка, но приглашение начальства Гилдерой отклонять не стал.

— Вы звали меня, директор? — вместо спальни экзекуторши мужчина вошел в кабинет Горация Слагхорна.

— Да, Гилдерой. Я хотел бы прогуляться с Вами до медицинского кабинета, — тучный, как морж, старик поднялся из своего кресла.

— Но, зачем? — опешил Локхард. О посещении медицинского крыла он неоднократно подумывал сам. Долорес Амбридж не была бережной партнершей и травмы, которые ее

подопытный получал во время издевательств над ним, не лечила. Но мужчину останавливал тот факт, что тогда мадам Помфри увидела бы вырезанную на его копчике кровавым пером надпись: «Собственность Долорес Джейн Амбридж», поэтому пытался лечить себя по мере возможности самостоятельно. Но, поскольку его хозяйка любила лупить его розгой по свежим следам и синякам, у Локхарда ничего никогда до конца не заживало, ему было больно садиться, больно ходить, больно ходить в туалет. Боль — это то, что его постоянно преследовало в последние дни.

— Мне стало известно, что Вы стали жертвой злоупотреблений, Гилдерой, — Слагхорн не стал ходить вокруг да около. — Я хотел бы Вам помочь, но так, чтобы не придавать делу огласки.

Когда Локхард услышал слова директора, он подумал, что разоблачен и его собираются уволить. Внутри у красавца-мужчины все обмерло, его руки и ноги стали ледяными, а кровь, напротив, прилила к голове. Локхард хотел разрыдаться от отчаяния, но у него из-за охватившей его паники потемнело в глазах, и он на глазах у изумленного директора Хогвартса упал в обморок.

— Профессор Слагхорн, ой, простите, Гораций, — обратилась некоторое время спустя мадам Помфри к своему бывшему учителю, — я хотела бы, чтобы Вы, пока бедный мальчик спит, кое на что посмотрели, — она пригласила директора пройти за ширму. За свою жизнь бывший преподаватель зельеварения видел всякое и разное, но такого он не встречал со времен своего давно минувшего детства, когда в Хогвартсе еще не отменили телесные наказания, и то, до такого никогда не доходило.

Ягодицы Локхарда были деликатно прикрыты простыней, но Поппи ее приподняла. То, что увидел Слагхорн, в том числе и спина мужчины, приняло все оттенки фиолетовых, синих, зеленых и желтых цветов. Оставался лишь один чистый участок кожи — над копчиком, в этом месте чем-то острым было аккуратно вырезано: «Собственность Долорес Джейн Амбридж».

— Ох, — Гораций накрыл многострадальный филей преподавателя простыней.

— Мы не можем позволить происходить подобному в школе, — констатировал директор, глядя на мадам Помфри. — Приведите его, пожалуйста, в чувство, — обратился он к колдověдьме.

— Мальчик мой, — обратился Слагхорн к Локхарду мягким успокаивающим тоном в лучших традициях Дамлдора, когда тот хотел что-то разузнать. — Вы это делали добровольно?

— Я не могу говорить об этом, — мужчина от стыда и унижения еле шевелил трясущимися губами, а потом разрыдался, горько и отчаянно, уткнувшись лицом в подушку, тем самым, давая ответ на заданный ему вопрос.

— Я обязан Вас спросить, Гилдерой, — продолжал Гораций свой допрос, пусть совершаемый в мягкой форме. — Является ли человек, который сделал это с Вами, студентом?

— Нет, — всхлипывая, ответил Локхард. — Директор, Вы меня уволите? — задал он больше всего волновавший его вопрос.

— Мне не за что Вас увольнять. Вы прекрасно справляетесь со своими обязанностями, — успокоил Слагхорн известного, но, увы, жившего на широкую ногу, не умеющего экономить деньги (поэтому они у него всегда заканчивались) писателя. — Я хочу Вам помочь, — объяснил он.

— Это сделал кто-то из преподавателей? — Гораций невольно примерял образ садиста

или садистки на каждого волшебника из преподавательского состава. Ведь могло такое случиться, что мисс Амбридж просто хотели подставить.

— Нет, — ответил уже немного успокоившийся Гилдерой.

«Неужели Филч?» — Слагхорн помнил, как школьный смотритель сетовал на то, что в школе отменили телесные наказания и в свободное от работы время любовно начищал старинные кандалы.

— Это мужчина? — Уточнил Горацій.

— Нет, — покачал головой в ответ ему Локхард.

— Это существо живет в Хогвартсе? — спросил директор.

— Да, — подтвердил мужчина.

— Это человек? — решил на всякий случай выяснить Горацій. Иногда случалось так, что домовые эльфы сходили с ума.

— Да, — ответил несчастный Гилдерой.

«Не ученик, не преподаватель, не мужчина, человек, живет в Хогвартсе» — методом исключения Слагхорн пришел к выводу, что надпись на пояснице Локхарда говорит правду. Причиной злключения преподавателя была проверяющая из министерства, Долорес Амбридж.

— Гилдерой, выпейте, пожалуйста, — мадам Помфри протянула несчастному Локхарду снотворное.

— Выздоровливайте, Гилдерой. Я решу Вашу проблему, отдыхайте, — директору Хогвартса необходимо было узнать, как Локхард попал в кабалу к Амбридж и мягко донести до ее сведения, что в стенах учебного заведения подобное поведение является недопустимым.

Локхард, в свою очередь, боясь разоблачения со стороны свой «хозяйки», хотел крикнуть Слагхорну, чтобы тот этого не делал, что он решит проблему сам. Но глаза Гилдероя под воздействием зелья закрылись и он не заметил, как уснул.

Глава 65

— Интересно, почему он опаздывает? — Долорес Амбридж в ожидании своей жертвы прихорашивалась перед зеркалом.

Если говорить откровенно, это зрелище было не для слабонервных. Спокойно лицезреть подобное смог бы человек либо с хорошим чувством юмора, либо с очень крепкими нервами.

Долорес была облачена в накинутый поверх ядовито-розового кружевного лифчика, полупрозрачный розовый кружевной пеньюар, из-под недлинного, обшитого рюшами подола которого выглядывали кокетливые кружевные, украшенные бантиками стринги. Поверх которых гордо, задрав голову, торчал длинный толстый розовый strapon, крепившийся специальным кожаным розовым ремнем, опоясывающим бедра женщины. Картину завершали розовые чулки с подвязками, пришитыми к спрятанному под кожаным ремнем поясу для чулок, и ярко-розовые лакированные туфли на шпильке.

— Я ему устрою, — мисс Амбридж вытащила из ведра, стоявшего в углу, замоченную заранее в рассоле розгу и взмахнула ей так, что та со свистом рассекла воздух.

Садистка уже представляла себе, каким изощренным пыткам и издевательствам она подвергнет непунктуального Локхарда, как в ее апартаментах появился патронус Директора Хогвартса, который, извинившись за беспокойство в столь поздний час, настоятельно попросил Долорес Амбридж пройти в свои апартаменты.

«Возможно, он решил устроить внеочередной педсовет и поэтому Гилдерой опоздал?» — с сожалением сняв с себя ремень со straponом, Долорес надела поверх пеньюара розовую мантию с богатой песцовой оторочкой (юбки в последнее время начали на ней болтаться, а кольца так и норовить соскользнуть с пальцев) и, не испытывая никаких дурных предчувствий, шагнула в камин.

Но, вопреки ее ожиданиям, Гораций Слагхорн в своем кабинете оказался один.

— Долорес, присаживайтесь. Вы не согласитесь выпить со стариком чашечку чая? — на какое-то мгновение мисс Амбридж показалось, что в Хогвартс вернулся Дамлдор, только вот вместо лимонных долек в хрустальную вазочку, стоявшую на столе, были насыпаны засахаренные ломтики ананасов.

— С большим удовольствием, Гораций, — у женщины засосало под ложечкой. Отсутствие Локхарда, позднее приглашение в директорский кабинет — все это складывалось в не слишком хорошую картину. — Благодарю, — приторно растянув тонкие ярко накрашенные губы в слащавой улыбке, Долорес опустилась в кресло.

— Я с грустью вынужден сообщить Вам, Долорес, — Слагхорн отправил в рот засахаренный ананас и запил его чаем. — Что после того, как преподаватель этикета и танцев, Гилдерой Локхард посреди школьного коридора упал в обморок, в результате медицинского осмотра стало известно, что он на протяжении последних двух недель подвергался пыткам.

— О, — мисс Амбридж, чтобы дать себе время на раздумья, сделала большой глоток чая.

— Вы хотите, чтобы я провела расследование? — она спросила именно то, что была должна спросить по долгу службы. — Я надеюсь, он уже рассказал, кто это сделал?

— на самом деле опытная интриганка рассчитывала на нечто прямо противоположное.

— К сожалению, Долорес, он не смог этого сделать, — развел руками директор и потянулся за очередным кусочком засахаренного ананаса. — Угощайтесь моя дорогая, — улыбнулся Слагхорн женщине, глядя ей прямо в глаза.

«Глаза у него зеленые, прямо, как у змеи», — Долли помнила те времена, когда сидевший перед ней волшебник был ее преподавателем.

— Но на его коже каким-то острым предметом вырезано, что он является собственностью Долорес Джейн Амбридж, — старик внимательно наблюдал за реакцией женщины. Та демонстрировала прекрасную выдержку. — Вероятно, кто-то хочет Вас скомпрометировать и выставить в нелестном свете перед Министром, — высказал Слагхорн свое предположение.

«Неужели этот идиот не свел следы?! Надо же...» — мысль о том, что Локхард носил ее метки, иррационально грела душу Долли.

— Что мне теперь делать? — спросила женщина почти беспомощно у своего бывшего декана. В конце концов, много лет назад он ей помог и устроил на работу. Вряд ли он обрадуется ее падению. — Я не думаю, что по этому поводу стоит тревожить Корнелиуса. Я уверена, что Вы проведете свое собственное расследование со всей тщательностью и найдете виновного, — осторожно добавила она.

— Несомненно, мы проведем расследование со всей деликатностью, — согласился Слагхорн. — Хогвартсу сейчас не нужен скандал. Но, чтобы не ставить свою репутацию под удар, Вам, Долорес, лучше сейчас вернуться на работу в Министерство, — резюмировал директор Хогвартса.

— Да, конечно, — согласилась мисс Амбридж, — я завтра после обеда свяжусь с Министром. А... Мистер Локхард, он сильно пострадал? — задала она вопрос, который раньше ее никогда не занимал.

— Ничего серьезного, Долорес. Обыкновенное нервное истощение. Думаю, что неделя, проведенная в больничном крыле, пойдет ему на пользу. Я не думаю, что Вам следует его навещать до Вашего отъезда, чтобы не пошли сплетни от Ваших недоброжелателей.

— Вы все правильно говорите, директор, — Долли стало очень грустно. У нее была такая хорошая игрушка, а теперь у нее ее отняли.

Возможность шантажировать Локхарда его преступлениями исчезла, иначе всплыла бы ее собственная роль в этом неблагоприятном деле. А выглядеть насильницей и садисткой в глазах начальства Долли не хотела. Корнелиусу подобное не понравилось бы, и она утратила бы его доверие, которое очень ценила.

— Еще чаю? — Слизнорт потянулся за чайником.

— Да, спасибо, будьте так любезны, — мисс Амбридж потянулась к вазочке с конфетами и взяла ненавидимые ей засахаренные ананасы, разжевала и даже не поморщилась. Долли не любила сладкое, она обожала плохо прожаренное мясо. Но подобные пристрастия плохо вязались с долго создаваемым и лелеемым ей образом дамочки в розовом.

Глава 66

После отъезда мисс Амбридж из Хогвартса в жизни Тома Риддла, или, если называть его по-новому, Томаса Марволо Гонта-Риддла, наступило удивительное время — спокойное и беззаботное.

Для юноши это ощущение являлось очень странным и непривычным. Не надо было тайно накладывать на свою одежду чары, чтобы та выглядела новой и дорогой, не было необходимости притворяться чистокровным, опасаясь в случае разоблачения стать парией, не было причины врать про свою нелюбовь к шоколаду, который ему в той, другой жизни, понятное дело, никто не присылал. Можно было ухаживать за любимой девушкой, не опасаясь, что ее родственники начнут рыться в его родословной, словно нюхлер, пытающийся откопать золото.

Том, наконец-то, в полной мере наслаждался жизнью. Но он не был бы собой, если бы его не потянуло на эксперименты. Тем более, было с чем опыты проводить.

Как только мисс Амбридж покинула Хогвартс, Том призвал к себе Феникса, который до этого счастливого момента столовался в доме семейства Уизли и с тех пор, как юноша видел своего фамильяра в последний раз, очень сильно вырос.

Если в этой птице кто-то и признал бывшего питомца Дамблдора, Фоукса, то не подал вида. Все же, феникс являлся волшебным существом и сам делал выбор, с кем ему входить в симбиоз.

Только директор Слагхорн поинтересовался, есть ли возможность поделиться с больничным крылом целебными слезами "этой замечательной птицы". Том, будучи очень вежливой юношей и помня, как еще не старый Гораций Слагхорн к нему хорошо относился, переадресовал вопрос волшебной птичке. Та, что удивительно, выдавила три слезинки, которые профессор зельеварения (старшие классы директор себе оставил) моментально собрал в наколдованный им пузырек.

Несколько дней спустя Гарри Поттер сводил Тома Риддла на экскурсию в подземелья. Юноша заплакал, увидев окаменевшего василиска. Конечно же, Гарри успокоил своего воспитанника, объяснив ему, что фамильяр Салазара Слизерина не умер, а только окаменел, и что можно расколдовать его в любое время, напоив настойкой из сока мандрагоры. Но делать это не следует, поскольку ядовитому волшебному существу не место в школе, полной детей.

— Я еще не решил, куда его отправить, — сознался Гарри. — Может быть, у тебя будут какие-то предложения?

— Мы возьмем его с Луной в экспедицию после того, как поженимся. Мы собираемся путешествовать и искать редких волшебных существ, — поделился Том со своим «Альтер-Эго» планами на жизнь.

— Замечательное решение, — обрадовался Поттер. — А пока давай соскрежем с его клыков яд, — он протянул своему подопечному перчатки и заранее приготовленные инструменты.

Чтобы направить таланты несостоявшегося Темного Лорда в мирное русло и избавить его от страха смерти, Гарри поделился с ним рецептом философского камня. Тем более, что Александра Владимировна, согласно достигнутой при передаче Старшей Палочки договоренности, в любом случае собиралась отправлять Тома Ридда учиться к Николасу Фламелью.

Само приготовление Философского Камня Гарри приурочил ко Дню Рождения юноши, сделав Томасу Марволо Риддлу прекрасный подарок на совершеннолетие.

Имея в распоряжении яд василиска, слезы феникса, медь и все остальные необходимые

ингредиенты, проникнув под мантией-невидимкой в Выручай-Комнату, молодые люди приступили к эксперименту. И уже через два дня Том держал в руках маленький багряного цвета камушек. Никогда в жизни он еще не испытывал такого счастья.

— Я думаю, теперь у меня точно получится! Экспекто патронум! — юноша взмахнул волшебной палочкой и из нее вырвался не дементор, не змея, а переливающийся серебристым светом орел, который взлетел под потолок, сделал под ним пару кругов и рассыпался яркими искрами.

— О, поздравляю! — радостно воскликнул Гарри. — Если ты овладеешь анимагией, то будешь летать!

Казалось бы, все складывалось прекрасно. Том Риддл узнал рецепт философского камня, у него были деньги, любимая девушка, а так же Гарри Поттер, которому он мог доверять, как самому себе, так как самим собой его и считал. Ничто не предвещало того, что этот рассудительный юноша, благодаря своему любопытству и тяге к экспериментам, попадет в очередную передрагу.

Но это произошло.

— Гарри, — голос Томма Риддла, звучавший из переговорного зеркала, был виноватым и перепуганным. — Нам надо срочно встретиться, — лицо юноши выглядело бледным-бледным.

— Хорошо, что бы ни случилось, спокойно дождись меня у выхода из башни Рейвенкло, — Гарри знал, что подопечный не стал бы его беспокоить перед самым началом комендантского часа по пустякам.

Поэтому, игнорируя переполненные любопытством взгляды Драко и Рона, слизеринец быстро оделся, накинул на себя мантию-невидимку и поспешил на встречу.

— Я хотел посмотреть, что получится, если заменить медь в рецепте на серебро, — через полчаса в Выручай-Комнате Томас Марволло Гонт-Риддл каялся перед Гарри Поттером. — Я положил в раствор серебряный сикль, по весу. Камень, в результате, получился темно-синим.

— Почему ты из-за этого так беспокоишься? — поинтересовался Гарри. С его точки зрения Том пока не сделал ничего плохого.

— Я растворил его в воде, — продолжил свою исповедь юный гений. Но она не стала переливаться золотыми искрами. Я решил, что я провалил эксперимент, но подумал, что вдруг хоть что-то получилось. Ты мне не разрешал ставить опыты на себе, поэтому я хотел подлить эту жидкость кошке Филча.

«Поступок в высшей степени гуманный». — Я думаю, что наступила пора приобрести лабораторных белых мышей для твоих экспериментов, — внес Гарри разумное предложение.

— Да, конечно! — произнес радостно Том, а потом вспомнил что-то и вздохнул тяжело-тяжко.

— Стоило мне подумать про кошку, как жидкость в бутылке поменяла цвет на белый. Я ее понюхал. Да, я помню, что ты мне говорил, что нельзя ничего нюхать из экспериментального, но я перед этим проглотил безоар на всякий случай, — продолжил рейвенкловец свое объяснение. — В бутылке появилось самое настоящее молоко. Я пошел к каморке Филча, чтобы подкараулить там его кошку. А мне навстречу вышел Слагхорн. Я не прятал бутылку с молоком, но в тот момент, когда Директор на нее посмотрел, жидкость в ней стала янтарно-золотистой. Он сказал, что мне еще рано пить спиртные напитки, забрал бутылку и унес ее с собой.

— Из-за чего ты беспокоишься? Ничего страшного не произошло, — подал плечами Гарри Поттер.

— Но, смотри! — Том Риддл начал ходить из стороны в сторону. — Я пить не хотел, поэтому жидкость была обычной водой. Когда я подумал про кошку, она превратилась в молоко, когда на нее посмотрел Слагхорн, она обернулась спиртным напитком, наверняка его любимым. Он же его выпьет!

— Выпьет и выпьет, — заметил Гарри меланхолично. — Почему ты из-за этого волнуешься?

— Но, он же тогда выпьет непонятно что! Он может отравиться насмерть! — продолжал сокрушаться рейвенкловец.

— Если он умер, значит, никому не расскажет, откуда взял бутылку. Гораций ровесник Дамблдора, решат, что он скончался от старости и вряд ли начнут проводить расследование, — констатировал Гарри.

— Ты так спокойно про это говоришь, — душа Тома еще не успела зачерстветь.

— Пока мы рассматриваем вероятности. Ты хотел бы, чтобы я прыгал и бился головой о стены?

— А если он отравится не насмерть? — продолжал беспокоиться юный Риддл.

— Скажешь, что нашел бутылку в коридоре, хотел сдать Филчу, поэтому и шел в ту сторону. То, что Слагхорн у тебя ее забрал — это исключительно его собственное решение.

— Но почему я его не предупредил об опасности?

— О какой опасности? Ты не знал, что находится в бутылке. Ты школьник, он директор, взрослый человек. Ты постеснялся с ним спорить. Все очевидно.

— Надеюсь на это, — вздохнул Том Риддл. — А если он помолодеет? — шестикурсник уже не так сильно волновался.

— Тогда он тебя вызовет. Мы пойдем к нему вдвоем. Он, наверняка, не будет знать, как ему выкрутиться из положения. Мы, в свою очередь, свяжемся с председателем Попечительского Совета, нашим добрым другом Люциусом Малфоем, и он под тайну о неразглашении научит милейшего Горация пользоваться чарами гламура.

— Хорошо, если так, — призрак Азкабана, маячивший перед мысленным взором Томаса Марволо Гонта-Риддла, начал понемногу рассеиваться.

В результате, все получилось именно так, как предсказывал Гарри.

Но вместо одного Горация Слагхорна в директорских апартаментах Гонта-Риддла поджидали два растерянных юноши. В первом — высоком, худощавом с соломенного цвета растрепанными волосами Томас узнал Горация Слагхорна. А в чертах второго шатена среднего роста, у которого от волнения дергался острый кадык на тощей шее и начали пробиваться редкие темные усики над верхней губой, рейвенкловец разглядел несомненное сходство с Министром Магии, Корнелиусом Фаджем. Судьба распорядилась так, что эти господа накануне выпивали вместе, вследствие чего оба помолодели и, вообще, узнали друг о друге очень много интересного.

Глава 67

Тот вечер, когда директор Слагхорн изъясил у студента Томаса Гонта-Риддла бутылочку «хереса», обещал быть самым обычным, но очень приятным. Однако, не успел Гораций надеть халат и мягкие тапочки и расположиться в кресле с бокалом в руках, как в камине появилась голова премилого Корнелиуса. Как иначе мог называть его старик Слагхорн, который какие-то сорок лет назад составил подающему надежды ученику протекцию в Министерстве? И тот надежды оправдал целиком и полностью, стал Министром...

— Профессор... — начал мистер Фадж по привычке, приобретенной еще в Хогвартсе, — директор... — обратился он к своему бывшему учителю.

— К чему чиниться, Корнелиус? Обращайся ко мне по имени...

— Сочту за честь, Гораций. Будет ли мне удобно зайти в столь поздний час? — конечно же, зайти оказалось удобно и позволено, а дело, с которым Министр решил обратиться к Директору Хогвартса, свелось к вопросам о поведении Томаса Гонта-Риддла.

— Понимаешь, Гораций, — с обращением по имени Корнелиус освоился достаточно быстро, — Долорес была вынуждена покинуть Хогвартс, незаменимая она женщина...

«Даже так?» — если Слагхорн и удивился, то виду не показал, но фраза Министра, в свете недавних открытий, звучала двусмысленно, очень двусмысленно...

— Без нее в Министерстве начался полный бардак, то есть, я хотел сказать, беспорядок, директор. Но и за сыном Сами-знаете-кого приглядывать надо.

— Очень хороший, одаренный юноша, — Слагхорн улыбнулся в усы. — Но иногда нарушает правила. Не далее, как час назад, я изъясил у него эту бутылочку.

— Откуда он только взял такой шикарный напиток? — изумился Министр. Перед мистером Фаджем стоял его любимый коньяк пятидесятилетней выдержки.

— Не желаете присоединиться? — вопрос был риторическим. Корнелиус, конечно же, пожелал. Гораций достал из бара второй бокал и разлил херес, по крайней мере, он так видел то, что было налито в бутылку.

Так они и смаковали, один сладковатый, но не приторный, с чудесными нотками миндаля херес, другой — десятилетиями зревший в дубовых бочках коньяк.

Затем оба чихнули, из глаз брызнули слезы, зажмурились, а открыв глаза, одновременно же и открыли рты от удивления.

Перед Горацием сидел его ученик Корнелиус Фадж, каким профессор зельеварения запомнил его в школе — тощий с пробивающимися над верхней губой усиками юнец с цыплячьей шеей, выглядевший до того несолидно, что ни в какое Министерство, если бы не протекция, его не взяли бы даже секретарем.

Корнелиус же увидел перед собой высокого мускулистого зеленоглазого парня лет двадцати на вид с длинными соломенного цвета волосами, утопающего в собственной мантии, которой он мог легко обернуться теперь два раза. Молодого профессора Слагхорна мистер Фадж никогда не встречал в силу существенной разницы в возрасте и теперь рассматривал с нескрываемым любопытством.

— Понятно, откуда Том взял бутылку, — произнес юный Гораций непривычно молодым и звонким голосом. — Ему ее прислали близнецы Уизли, — директор был привычен к различным розыгрышам молодежи и быстро все себе объяснил. — Они весьма талантливые и перспективные молодые люди на домашнем обучении.

— И как долго продлится эффект? — Фаджа интересовала лишь практическая сторона вопроса. Побывать юным хоть полчаса. Что может быть прекраснее! Надо будет с этими Уизли наладить хорошие отношения и чем быстрее, тем лучше!

— Обычно розыгрыши Уизли хоть и не безобидны, но обратимы... Я полагаю, некоторое

время. Это зависит от... — директор хотел пуститься в пространные рассуждения, но помолодевший Министр неожиданно начал махать палочкой, трансфигурируя свою одежду и одежду собеседника во что-то странное, неудобное и обтягивающее, похожее на купальный костюм или форму для игры в квиддич.

— Тогда не будем его терять! — воскликнул Фадж с воодушевлением и буквально втокнул Слагхорна в камин, произнеся незнакомый Горацию адрес.

Через некоторое время они стояли перед не так уж и приметной дверью здания, находившегося в маггловской части Лондона.

— Проходи, Гораций! Такого ты точно еще не видел! — помахав волшебной палочкой перед носом охранника, Министр и не возражавший ему, все еще не вполне верящий в реальность происходящего Директор беспрепятственно прошли на закрытую вечеринку клуба «Аквариум», совладелицей которого была супруга Фаджа.

Корнелиус был исполнен решимости. Пусть эффект молодости слетит, пускай он будет разоблачен, но наступила пора расставить в похождениях двуличной и коварной красавицы все точки над «и»! Больше так продолжаться не могло!

-